

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Г.В. ГЛИНСКИХ, О.В. ПЕТРОВА

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Нижний Новгород 2005

Печатается по решению редакционно-издательского совета ГОУ
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.

Дисциплина: Введение в языкознание

Специальность: Теория и методика преподавания иностранных
языков и культур. Перевод и переводоведение. Филология

УДК

ББК 81

Г 543

Г.В. Глинских. О.В. Петрова. **Введение в языкознание: Учебник** –
Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. - 222 с.

ISBN 5-85839-052-8

В учебнике излагаются основы современной лингвистики в
соответствии с программой «Введение в языкознание» для студентов
гуманитарных вузов и факультетов.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор Ю.А. Дубовский
(Пятигорский государственный лингвистический
университет); доктор филологических наук, профессор
Е.Ф. Киров (Нижегородский государственный
университет); доктор филологических наук, профессор
А.Б. Михалев (Пятигорский государственный
лингвистический университет).

ISBN 5-85839-052-8

© Издательство ГОУ НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005

© Г.В. Глинских, О.В. Петрова, 2005

ОТ АВТОРОВ

Введение в общее языкознание, или, как его обычно называют, введение в языкознание, призвано познакомить студентов с основными идеями и понятиями лингвистики. Учитывая, что именно этот курс является базовым при изучении теории языкознания, нет необходимости подчеркивать его значение для подготовки студентов гуманитарных специальностей.

Вероятно, ни одна из учебных лингвистических дисциплин не имеет столь синтетического характера, как эта: она включает в себя как философские проблемы языкознания, так и вопросы, имеющие специальный характер. Учебники, написанные и опубликованные в России во второй половине XX века, заложили традицию в отношении содержания и объема данного курса. Многие из этих учебников заслуженно продолжают пользоваться популярностью среди студентов и преподавателей, и авторы данной книги также преисполнены уважения к трудам своих предшественников. Вместе с тем развитие лингвистической науки, инновации в системе российского образования требуют постоянного обновления дидактического материала. Руководствуясь именно этими соображениями, авторы решились приступить к созданию данной книги.

Языкознание конца XX века — это весьма динамично развивающаяся наука с множеством ответвлений, новых подходов к изучению языкового материала. Одна из главных задач настоящего учебного пособия — подготовить студентов к восприятию того многообразия школ и направлений, которое характеризует современное состояние лингвистики.

Проблемы, которые вынуждены решать создатели любого учебника, общеизвестны, и поэтому нет смысла подробно их излагать. При решении вопроса, включать или не включать тот или иной материал в состав книги, авторы руководствовались главным образом требованиями существующих учебных программ и сложившейся практикой вузовского преподавания данной дисциплины.

Предлагаемое вниманию читателей учебное пособие написано двумя авторами, каждый из которых по мере своих сил пытался соотнести содержание написанных им разделов с тем, что создано коллегой. Вместе с тем содержание курса настолько обширно, а многообразие имеющихся точек зрения по отдельным проблемам так велико, что трудно требовать, чтобы мнения авторов совпадали по всем вопросам. Впрочем, у авторов есть некоторые основания полагать, что различия их взглядов в целом не повлияли на

содержание, поскольку каждый из них имел возможность изложить материал той или иной главы в соответствии со своим пониманием проблем.

Материал книги распределен между авторами следующим образом: О.В. Петровой написаны *Введение, Языкознание как наука, Природа и сущность языка, Происхождение и развитие языка, Язык как система знаков, Лексикология* (кроме раздела *Этимология*), *Грамматика*. Г.В. Глинских написаны *Формы существования языка, Фонетика*, раздел *Этимология* в главе *Лексикология, Классификации языков, Письмо*.

ВВЕДЕНИЕ

Все мы умеем пользоваться телевизором, телефоном, компьютером. Мы даже в общих чертах представляем себе их устройство и принцип работы. Но многие ли из нас могут разобрать и собрать телевизор, починить телефон, не говоря уже о компьютере?

Все мы умеем говорить на родном языке, а кое-кто еще и на иностранном. Но многие ли из нас понимают, как язык устроен, как взаимодействуют его составные части, как бессмысленные звуки складываются в осмысленную речь? Большинство людей легко обходится без этого понимания, так же как мы смотрим телевизор, не понимая принципов устройства кинескопа. Но для лингвиста, филолога, то есть для человека, занимающегося языком профессионально, знание внутренних механизмов "работы" языка так же необходимо, как для специалиста-телемеханика — знание того, что такое кинескоп, строчная развертка, кадровая развертка и т.д. Можно носить одежду и не уметь шить; можно водить машину и не знать, что такое карбюратор или двигатель внутреннего сгорания; можно говорить на языке и не знать, как он устроен. Но нельзя быть портным и не уметь шить; нельзя быть автомехаником и не знать, что такое карбюратор; нельзя быть преподавателем языка или переводчиком и не знать, как язык устроен.

Если по отношению к портным и автомеханикам сказанное представляется очевидным, то по отношению к языку существует широко распространенное заблуждение: многие считают, что если они сами умеют хорошо говорить на каком-то языке (родном или иностранном), то они уже могут и учить этому языку других и уж тем более — переводить. В результате появляются учебники, в которых не могут разобраться не только бедные школьники, но и их родители. В результате после долгих лет изучения иностранного языка многие так и не могут связать двух слов, когда в этом вдруг появляется необходимость. В результате на прилавках книжных магазинов появляются книги в таком переводе, что их впору снова переводить на тот же самый русский язык, на который они уже якобы переведены.

Профессиональные знания и умения отличаются от непрофессиональных тем, что они не приходят сами. Они требуют

серьезной и целенаправленной работы. Человек, который хочет профессионально овладеть иностранным языком (пусть даже в чисто практических целях), должен долго и кропотливо работать над своим произношением; ему необходимо выучить многие десятки грамматических правил; ему нужно узнать и почувствовать не только значения сотен и тысяч слов, но и уместность каждого из них в той или иной ситуации, возможность сочетания с другими словами и т.д. Разумеется, при изучении родного языка это сделать проще, чем при изучении иностранного, но и в этом случае знания не приходят сами. Печальным примером тому могут служить многие выступления по радио и телевидению, когда человек пытается сказать что-то очень серьезное и важное, а мы, слушая его, смеемся и записываем его словесные перлы в рубрику "Нарочно не придумаешь".

Если же человек хочет не только правильно и красиво говорить на каком-то языке, а еще и сделать этот язык орудием или средством своей профессиональной деятельности, он должен знать о языке много больше. Ему необходимо знать, что объединяет разные языки и чем они различаются; он должен понимать, по каким законам язык развивается, как он связан с мышлением человека, в какой мере он способен передавать наши мысли, в результате чего в звуках появляется смысл и в результате чего мы не всегда правильно понимаем друг друга, в чем разница между устной и письменной речью с точки зрения способов и полноты выражения мыслей и чувств и многое-многое другое.

Избрав себе профессию, связанную с языком, человек должен изучить язык и практически, и теоретически. Он должен узнать не только "что" и "как", но и "почему". Эти два подхода к языку тесно связаны между собой, и только их взаимодействие позволит в конечном итоге стать профессионалом.

Вы пришли в лингвистический вуз и еще только начинаете возводить для себя прекрасное здание под названием "язык". На верхних этажах этого здания живут человеческие мысли, человеческий дух. Там, наверху, вам откроется самая большая роскошь — роскошь человеческого общения. Но нельзя начинать строить здание сверху. Сначала нужно заложить прочный фундамент. Прежде чем расписывать потолки, нужно позаботиться о несущих конструкциях. Они не так красивы, но без них не будет самого здания. Давайте займемся строительством вместе. Это нелегкий труд, но вам в нем помогут преподаватели.

Не стройте замки на песке —
Они ведь рухнут моментально!
Но не поймите нас буквально —

Мы речь ведем о языке.

Язык прекрасен, словно храм.
Колонны слов, метафор фрески
И каламбуров арабески —
Мы все узнать поможем вам.

Но лишь фонетики бетон
И грамматические сваи
Позволят нам подняться с вами
На стилистический фронтон.

Живут, как в замке, в языке
Душа народа, предков тайны...
Но чтоб не рухнул он случайно —
Не стройте замок на песке!

ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК НАУКА

Наука о языке уходит корнями в глубокую древность. Изучению языка, его словарного состава и грамматической структуры посвящены сочинения, написанные на Древнем Востоке еще в III-II тысячелетиях до нашей эры. Рассуждения о том, что такое язык, как появляются названия вещей, как они соотносятся с самими вещами, мы находим в трудах древнегреческих философов и у мыслителей древней Индии, живших в I тысячелетии до нашей эры. И во всех этих книгах есть ссылки на более древние, не сохранившиеся до наших дней. Познавая мир, пытаясь осмыслить существующие в нем явления и отношения между ними, люди искали объяснения тому, что им казалось то естественной функцией человеческого организма, то чудом, то божественным даром, тому, что отличает человека от прочих обитателей нашей планеты, — способности говорить, передавать свои мысли и чувства другому.

В древности наметились и два основных подхода к изучению языка. Первый, зародившийся в недрах философии, заключался в попытках понять природу и сущность языка, его роль в жизни людей, его связь с человеческим мышлением. Второй подход состоял в описании имеющихся в языке слов, правил их изменения и сочетания с другими словами. Постепенно на базе этих двух подходов и сформировалась самостоятельная наука о языке — языкознание, или лингвистика.

В центре внимания лингвистов находится "человек говорящий". Однако, в отличие от других наук, изучающих человека, языкознание интересуется только теми особенностями строения его тела, его мозга, теми проявлениями его разума и эмоций, теми особенностями его общественного поведения, которые связаны с существованием у человека особого средства общения — языка. Объектом языкознания является естественный человеческий язык как таковой и все языки мира как его индивидуальные представители.

Язык — явление чрезвычайно сложное и многогранное. Поэтому уже внутри этого общего для всей лингвистики объекта можно выделить отдельные, более частные предметы и аспекты. В связи с этим языкознание можно прежде всего разделить на общее и частное. **Общее языкознание** изучает свойства, присущие любому языку, человеческому языку вообще. Оно исследует общие законы

строения языка, связь языка и мышления, функции языка в обществе и т.д. **Частное языкознание** — это изучение какого-то определенного языка или группы языков (например, русистика — наука о русском языке, или славистика — наука об особенностях всех славянских языков).

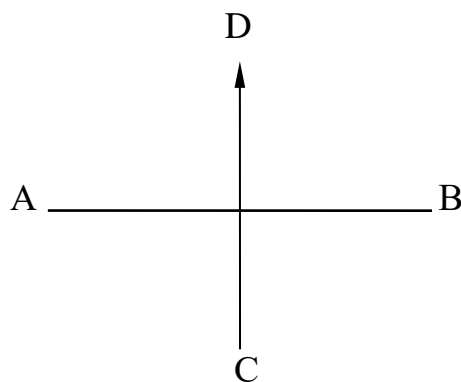
В зависимости от того, какой именно аспект языка изучается, можно говорить о существовании целого ряда лингвистических дисциплин. Прежде всего, все эти дисциплины делятся на две большие группы, которые, вслед за выдающимся швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром, принято называть внешней лингвистикой и внутренней лингвистикой.

Внешняя лингвистика включает в себя *социолингвистику*, изучающую социальную природу языка, функции языка, взаимосвязь языка и общества; *психолингвистику*, исследующую механизмы порождения и восприятия речи; *этнолингвистику*, изучающую язык в отношении к культуре говорящего на нем народа; *ареальную лингвистику*, выявляющую и описывающую территориальное распространение тех или иных языковых явлений и разновидностей (диалектов) одного и того же языка, и другие дисциплины. Их объединяет то, что в рамках этих дисциплин язык изучается в его связи с внешними, внеязыковыми факторами. Характер языка любого народа во многом зависит от того, где этот народ живет, каковы его история, культура, взаимоотношения с соседями и т.д. Так, например, очевидно, что словарный состав языка народа, живущего на крайнем севере, будет существенно отличаться от словаря народа, живущего в Центральной Африке. Если представить себе, что народ, говорящий на каком-то языке, разделился на две группы, одна из которых поселилась высоко в горах, а другая — в долине, на перекрестке торговых путей, то нетрудно догадаться, что с этого момента язык у них будет развиваться по-разному: люди, живущие в труднодоступном месте в горах, во многом сохранят свой исходный язык, и развиваться этот язык будет по своим собственным законам. Язык же тех, кто поселился в долине, будет испытывать на себе влияние других языков, поскольку через эту территорию пролегают торговые пути, по которым будут проходить люди, говорящие на самых разных языках. Они будут привозить товары, для которых в этом языке еще нет названия, — и названия могут заимствоваться. Они будут рассказывать о своих странах, обычаях — и все это найдет отражение в языке жителей долины. А уж если этому народу придется пережить завоевание, то судьба языка может и совсем резко измениться, так как в этом случае на одной территории столкнутся два разных языка.

Иными словами, то, как складывается и развивается язык, во многом зависит от географических, исторических, культурных, экономических и прочих обстоятельств жизни народа. Изучением того, как влияют на язык все эти факторы, и занимаются все лингвистические дисциплины, объединенные названием "внешняя лингвистика".

Те же разделы языкознания, которые изучают структуру самого языка, строение его единиц, отношения этих единиц между собой, составляют так называемую **внутреннюю лингвистику**. Так, с позиций внутренней лингвистики можно изучать звуковой строй языка, его грамматику, способы образования новых слов и т.д.

С именем Ф. де Соссюра связано и еще одно подразделение науки о языке — языкознание бывает **синхроническим** и **диахроническим**. Дело в том, что язык можно изучать в двух разных аспектах. Можно рассматривать язык как совокупность одновременно, синхронно сосуществующих единиц плюс правила их использования, то есть так, как его видит коллектив говорящих на нем людей. При этом не имеет значения, изучаем ли мы современное состояние этого языка или какое-то его состояние в прошлом. Синхроническим будет изучение, например, русского языка XIV века или древнеанглийского языка. Но можно подойти к изучению языка и по-другому: нас может интересовать путь развития, пройденный какой-то единицей, история становления какой-то категории или формы. В этом случае мы уже имеем дело не с системой одновременно существующих единиц и форм, а с их последовательно сменяющимися друг друга состояниями. Мы прослеживаем изменение языковых единиц во времени, через время, то есть диахронически. Иными словами, при синхронном подходе все изучаемые явления располагаются на оси **синхронии**, то есть одновременности (A — B), а при диахроническом — на оси **диахронии**, то есть последовательности (C — D):

Так, та грамматика русского языка, которая изучается в школе, — пример синхронии, синхронического описания языковой системы.

Если же мы попытаемся ответить на вопрос, как сформировалась система падежей современного русского языка, то есть если мы будем прослеживать все этапы ее изменения, начиная, скажем, с общеславянского языка, мы будем заниматься диахроническим исследованием.

Языкознание также может быть **описательным** и **сопоставительным**. В первом случае мы имеем дело с описанием системы какого-то одного языка, а во втором — с сопоставлением фактов и явлений нескольких языков.

В зависимости от целей исследования все лингвистические дисциплины можно разделить на теоретические и прикладные. Цель **теоретического языкознания** — познать и описать свойства самого языка, его строение и функционирование, тогда как **прикладная лингвистика** — это направление в языкознании, занимающееся разработкой методов решения практических задач, связанных с использованием языка. Примерами таких задач могут служить создание и совершенствование письменностей, разработка методов автоматического реферирования и автоматического (или машинного) перевода, создание искусственных языков и т.д. В тех случаях, когда подобные прикладные задачи решаются с помощью ЭВМ, используют также термины "вычислительная лингвистика", "инженерная лингвистика".

Особо следует выделить **математическую лингвистику**, которая, несмотря на свое название, является не столько лингвистической, сколько математической дисциплиной. Ее задача — разработка формального аппарата для описания строения естественных и некоторых искусственных языков. Разработанные в рамках математической лингвистики методы находят широкое применение в прикладной лингвистике.

СВЯЗЬ ЯЗЫКОЗНАНИЯ С ДРУГИМИ НАУКАМИ

Как и любая другая наука, языкознание пользуется данными широкого круга наук. Изучение фонетики требует знания анатомии и физиологии (в частности — строения речевого аппарата) и такого раздела физики, как акустика; выявление закономерностей функционирования языковых единиц требует использования математических методов. Анализ функций языка заставляет лингвистов обращаться к данным социологии и психологии. Но языкознание не только пользуется данными различных наук, оно и само оказывает им неоценимую помощь, вносит вклад в их развитие,

и на стыке языкознания с другими науками возникают новые научные дисциплины.

Многоплановость языка, его неразрывная связь с самыми разными сторонами человеческой жизни приводят к тому, что круг таких наук оказывается чрезвычайно широким. Прежде всего сюда относятся науки, изучающие строение и функционирование человеческого организма (антропология, анатомия, физиология, медицина, нейрофизиология). Примером может служить нейролингвистика, которая на основании лингвистических данных изучает функции и зоны центральной нервной системы, связанные с языком. Характер нарушения речи у больного позволяет специалистам определить, какой участок мозга у него поражен. Благодаря союзу лингвистов, физиологов и педагогов появилась логопедия, помогающая устранять дефекты речи.

Поскольку язык — это средство общения людей, поскольку он возникает и существует только в обществе, языкознание теснейшим образом связано со всеми науками о строении и развитии общества, в частности — с историей. Самый простой и очевидный пример взаимодействия науки о языке и истории — это прочтение письменных памятников, дошедших до нас из глубины веков. Даже в том случае, когда известно, на каком языке написан текст, прочитать его без помощи лингвистов бывает очень трудно, так как древние формы языков очень сильно отличаются от современных. Необходимо знать, как тот или иной язык выглядел многие века назад, какие в нем тогда были грамматические формы, какое значение имели слова, которые могут быть внешне очень похожими на современные, но при этом означать что-то совершенно другое. Иными словами, историкам в этом случае нужна помощь лингвистов, только совместными усилиями они могут получить ту новую информацию о нашем прошлом, которая содержится в древних текстах.

Иногда ситуация оказывается еще сложнее: историки и археологи могут обнаружить отдельные надписи или целые большие тексты на таком языке, о существовании которого история знает, но на котором уже несколько веков никто не говорит и не пишет. Более того, надписи могут быть сделаны и на каком-то совсем неизвестном языке. Понятно, что без помощи лингвистов здесь уже никак не обойтись. Ярким примером такого взаимодействия истории, этнографии и лингвистики могут служить дешифровка французским ученым Ж.Ф. Шампольоном египетской письменности в первой половине XIX века или дешифровка письменности майя в 50-е годы нашего столетия отечественным ученым Ю.В. Кнорозовым, выдающимся специалистом во всех этих трех областях знаний.

Однако лингвистика может помочь истории и в тех случаях, когда речь идет об эпохах, от которых до нас не дошло никаких письменных памятников. Созданный в 1948-1952 годах американским лингвистом М.Сводешем метод, получивший название глоттохронологии, позволяет определить время разделения родственных языков и степень близости между ними (подробнее об этом методе будет рассказано в разделе "Классификация языков"). Таким образом, лингвисты могут "подсказать" историкам, сообщить им о том, что какие-то два народа, живущие сегодня на разных территориях, когда-то жили вместе, составляли единый народ, говоривший на одном языке; более того, они могут даже определить, когда эти народы расселились по разным территориям.

Очень тесно взаимодействует языкознание с информатикой — наукой о структуре и свойствах научной информации, о ее передаче, преобразовании и использовании. Результатом такого взаимодействия стало появление автоматического реферирования текстов, автоматического перевода, индексирования, при котором происходит перестройка и кодирование сообщения без изменения смысла. В сотрудничестве с кибернетикой были созданы информационно-поисковые языки. Вообще говоря, кибернетика — наука об управлении, связи и переработке информации — в своем развитии широко использовала данные лингвистики, поскольку наиболее совершенное средство связи, хранения и переработки информации — это естественный человеческий язык.

Чрезвычайно широка сфера практического применения результатов лингвистических исследований. На стыке лингвистики, информатики и психологии разрабатываются надежные, устойчивые к информационным помехам системы общения, используемые авиадиспетчерами. Данными лингвистики пользуются криминалисты и специалисты в области установления авторства текстов, так как лингвистам известны такие особенности использования языка, которые у каждого человека индивидуальны и неповторимы, почти как отпечатки пальцев. Экспериментальные данные, полученные при изучении того, с чем у нас ассоциируются те или иные языковые звуки, находят свое применение даже в практике создания торговых знаков.

Теоретическое взаимодействие языкознания с другими науками и прикладное использование полученных лингвистами данных охватывают сегодня практически все сферы человеческой деятельности. И это вполне естественно, поскольку все сферы человеческой деятельности так или иначе связаны с языком.

ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ЯЗЫКА

К числу наиболее общих и принципиальных вопросов, на которые должно ответить языкознание, относится вопрос о том, является ли язык биологически неотъемлемой принадлежностью человека или же его возникновение имеет иную природу. На первый взгляд кажется вполне логичным предположение, что способность говорить, отличающая человека от всех других живых существ, является результатом чисто биологической эволюции. Однако при более внимательном подходе нельзя не заметить, что эта способность требует для своей реализации совершенно особых условий. Новорожденный ребенок практически сразу может дышать, видеть и слышать. Через какое-то время он начинает передвигаться, вставать на ножки, ходить. Но обязательно ли он при этом начнет говорить? Опыт показывает, что совсем необязательно (при этом речь, разумеется, идет о здоровом ребенке, не имеющем никаких врожденных недостатков). Истории известны случаи, когда маленьких детей вскармливали животные, например — волки. Такие дети нормально развиваются физически, но они не начинают говорить, и если даже такого ребенка находят и возвращают в человеческое общество, его бывает очень трудно научить какому бы то ни было языку. Оказывается, для того, чтобы в положенное время ребенок заговорил, он должен слышать вокруг себя человеческую речь. Более того, он заговорит именно на том языке, на котором говорят окружающие его люди, независимо от того, на каком языке говорили его родители. Если русский ребенок в силу тех или иных обстоятельств будет с младенческого возраста воспитываться в семье, где говорят по-китайски, то он заговорит по-китайски. И если он когда-нибудь потом услышит русскую речь, он ее не поймет, она будет для него речью иностранной, несмотря на то, что его родители были русскими и говорили по-русски.

Итак, в отличие от биологических признаков (цвета глаз, овала лица и других особенностей строения тела), язык по наследству не передается. Он возникает у каждого человека только в результате того, что человек слышит звучащую вокруг него речь. Таким образом, для того, чтобы ребенок заговорил, необходимо, чтобы рядом были другие люди и чтобы эти люди разговаривали между собой, общались с помощью языка, то есть необходимо наличие

общества. Следовательно, по своей природе язык — явление не биологическое, а **общественное**.

С другой стороны, если в каком-нибудь доме одновременно появятся новорожденный ребенок и новорожденный щенок, то они будут слышать вокруг себя речь на одном и том же языке. Однако, как нетрудно догадаться, на этом языке заговорит только один из них. Другой же начнет лаять независимо от того, есть ли в этом доме другая собака и слышал ли он когда-нибудь собачий лай; говорить же "по-человечески" он не научится никогда. Из этого наблюдения можно сделать по крайней мере два вывода. Во-первых, в отличие от человеческого языка, звуковые сигналы, присущие каждому виду животных, имеют биологическую, а не социальную природу. Во-вторых, в отличие от человека, у щенка нет предрасположенности к овладению человеческой речью, он биологически не способен заговорить. Следовательно, что-то нам все-таки по наследству передается. Для того, чтобы ребенок мог заговорить, ему необходимо иметь совершенно определенное строение мозга (в частности, наличие в мозгу так называемых речевых центров — центров Брокá и Вернике) и определенное строение тех органов, которые используются для произнесения звуков речи и которые поэтому получили название речевого аппарата.

Из сказанного следует, что, будучи явлением социальным, общественным, язык для своей реализации у каждого индивида требует определенных биологических предпосылок, которые закреплены у человека эволюционно, генетически.

Язык человека принципиально отличается от сигналов животных, причем не только своим общественным характером. Разным видам животных присущи разные сигналы: собаки лают и рычат, кошки мяукают, воробьи чирикают, пчелы совершают определенные перемещения в воздухе, муравьи выделяют специальное пахучее вещество и т.д. Все эти сигналы "понимаются" только представителями того же вида. При этом у животного сигнал является реакцией на определенный физиологически значимый раздражитель. Разные раздражители вызывают разные реакции, и животное само не может выбирать, как ему прореагировать. Такая реакция возникает инстинктивно, на основе безусловного рефлекса. Происходящие в организме изменения, вызванные появлением какого-то раздражителя, помимо воли животного заставляют его издать определенный звук, совершить какие-то движения или выделить какой-то секрет (вещество, вырабатываемое железами внутренней секреции). Животное подает этот сигнал не потому, что оно хочет или считает нужным это сделать, а потому, что оно *не может этого не сделать*.

По-иному обстоит дело у человека. Мы говорим тогда, когда мы этого хотим, и о том, о чем хотим. Очень часто наша речь не имеет никакого отношения к тому, что происходит вокруг нас, она может никак не быть связанной с непосредственными физиологическими раздражителями. В самый лютый мороз мы можем рассказывать о том, как летом страдали от жары, во время еды — говорить о вчерашнем походе в театр и т.д. Это происходит потому, что язык человека опирается на ту форму высшей нервной деятельности человека, которую И.П. Павлов назвал *второй сигнальной системой*. Именно поэтому наша речь, с одной стороны, произвольна, то есть мы ею пользуемся по своему желанию, а с другой стороны — она способна вызвать у человека ту реакцию, которую у животных может вызвать лишь непосредственный физиологический раздражитель. У голодного человека и у голодной собаки реакция на запах еды может быть одинаковой — скажем, усиленное слюноотделение. Но у человека такую же реакцию может вызвать *слово, название* еды, тогда как собаке для этого обязательно нужно эту еду видеть или обонять (разумеется, речь не идет о тех случаях, когда у собаки люди выработали условный рефлекс на это слово) Иначе говоря, слова для нас — это заменители физиологически значимых раздражителей, это *сигналы сигналов*, то есть *сигналы второго порядка*. Именно в этом состоит одно из наиболее принципиальных отличий человеческого языка от так называемых языков животных.

В этой связи возникает еще один вопрос: если язык так тесно связан с высшей нервной деятельностью человека, то есть с его психикой, то не правомернее ли его отнести к психическим явлениям? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, достаточно обратиться к определению понятия "психика". Психика — это особая форма отражения субъектом объективной реальности. Таким образом, психика всегда индивидуальна. Язык же, как мы видели, социален, присущ не каждому человеку отдельно, а всему обществу в целом. О психичности языка можно говорить лишь в том плане, что в нем зафиксированы результаты психической деятельности миллионов и миллионов людей, говоривших на этом языке на протяжении всей истории его существования. Но по сути своей язык социален. Если бы это было не так, то у каждого человека был бы свой особый язык, принадлежащий только ему одному. Этот язык настолько же отличался бы от языков других людей, насколько сам человек отличается от всех остальных. В действительности же большой коллектив людей пользуется одним и тем же языком, а психические особенности каждого проявляются по отношению к языку в том, как человек этим языком пользуется. Из общих для всех

носителей языка слов каждый человек выбирает те, которые необходимы ему для выражения его собственных мыслей и чувств, те, которые соответствуют его характеру, настроению и т.д. Но язык при этом остается общим для всех говорящих на нем людей.

Итак, язык — это общественное явление, для использования которого у человека имеются биологические предпосылки и которым каждый человек пользуется в соответствии со своими психическими особенностями.

ЯЗЫК И РЕЧЬ

Все сказанное свидетельствует о том, что принадлежащий всему обществу язык и его использование каждым отдельным человеком — два разных, хотя и тесно взаимосвязанных явления. С одной стороны, мы имеем дело с общественным явлением, с некоей совокупностью единиц и с правилами их употребления, которые хранятся в коллективном сознании носителей языка, а с другой — с индивидуальной деятельностью, состоящей в использовании какой-то части этой совокупности. На различия между этими двумя явлениями ученые обратили внимание давно, указания на них встречаются в трудах немецкого ученого В. фон Гумбольдта, у русского языковеда И.А.Бодуэна де Куртенэ и у многих других. Но наиболее четко и последовательно суть этих различий проанализировал и сформулировал Ф. де Соссюр, который разграничил два понятия — **язык и речь**.

В *речевой деятельности* людей Ф. де Соссюр выделял две стороны — социальную и индивидуальную, замечая при этом, что ни одну из них нельзя понять без другой. Социальную сторону он предложил называть *языком*, а индивидуальную — *речью*. По мнению Ф. де Соссюра, язык и речь — явления настолько разные по своей природе, что, говоря об их изучении, он даже предложил разграничить *лингвистику языка* и *лингвистику речи*. Лингвистика языка должна изучать систему единиц и правила их употребления, а лингвистика речи — сам *процесс* говорения в его психическом, физиологическом и акустическом аспектах (то есть *речевые акты*) и его *результат* (то есть порождаемые при этом устные и письменные *речевые произведения*, или *тексты*).

Сказанное не означает, что язык и речь независимы друг от друга, что они могут существовать друг без друга. Напротив, речь — это форма существования языка. Если нет речи, то нет и языка. Чтобы в этом убедиться, достаточно попытаться представить себе, что существует некий язык, на котором никто не говорит и не пишет, и

при этом не сохранилось ничего, что было бы написано на нем раньше. Откуда же мы в таком случае можем знать о существовании этого языка? Но и речь не может существовать без языка, поскольку речь — это практическое использование языка. Язык необходим для того, чтобы речь была понятна. Без языка речь перестает быть собственно речью и превращается в набор бессмысленных звуков.

Нередко задают такой вопрос: что возникло раньше — язык или речь? Сам Ф. де Соссюр утверждал, что исторически факт речи всегда предшествует языку. Однако вряд ли это можно понимать как признание возможности существования речи *до* языка. Будучи двумя сторонами одного явления, язык и речь могли возникнуть только одновременно. Первый речевой акт был одновременно моментом создания первого языкового знака. Фразу же Ф. де Соссюра о предшествовании речи следует, по-видимому, понимать следующим образом: все новое, что появляется в языке, сначала возникает в речи. Пользуясь общим для нас языком, мы делаем это по-разному, иногда при этом используя заложенные в нем возможности для создания новых единиц или для нового употребления уже имеющихся. В результате в нашей речи появляется что-то такое, чего в языке еще нет. Если такое новшество окажется соответствующим общественной потребности, оно имеет шанс войти в язык, стать достоянием всех носителей этого языка. Таким образом, развитие языка происходит через речь.

Итак, речь — это практическое использование языка и одновременно материальная форма его существования. Язык и речь соотносятся как социальное и индивидуальное, как общее и единичное, как устойчивое и подвижное, оставаясь при этом двумя неразрывно связанными сторонами одного общего явления — речевой деятельности.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

Как уже было сказано, язык существует в обществе, где он выступает в качестве средства общения между людьми. Это его главная функция, язык существует именно для того, чтобы обеспечивать общение, или коммуникацию. Поэтому основная функция языка и получила название **коммуникативной**, или **функции общения**. Общение — это передача и восприятие информации, то есть всевозможных сведений, в число которых входят и знания, и мысли, и чувства. При этом информация может передаваться как от современника к современнику, так и от поколения к поколению, во времени. В связи с этим для выполнения

своей основной функции язык должен выполнять целый ряд других функций. Среди них наиболее важными являются те, которые он выполняет по отношению к мышлению.

Прежде чем сообщить какую-то мысль другому человеку, ее бывает необходимо сформировать. У человека существуют разные формы, разные виды мышления. Есть наглядно-образное мышление, при котором мы оперируем зрительными, слуховыми, осязательными или обонятельными образами предметов, о которых мы думаем. В этом случае мысль для своего оформления не нуждается в языке, но такая мысль не может быть передана другому человеку. Если же мы не просто представляем себе отдельные предметы или их последовательности, а еще и формируем суждения о них, устанавливаем между ними какие-то связи, то нам уже требуется специальная форма, в которую эти связи и суждения можно облечь, даже если мы не собираемся эту мысль никому передавать. Это тем более необходимо, когда от конкретного мышления мы переходим к абстрактному. Абстрактное понятие (например, *взаимопонимание*) невозможно представить себе в виде какого бы то ни было предмета. Для того, чтобы о нем можно было подумать, его нужно облечь в какую-то форму, например, назвать, то есть придать ему форму слова. И только после того, как такая мысль сформировалась, ее можно выразить. При этом наиболее удобным средством, позволяющим выразить мысль во всей ее полноте, также является язык. Таким образом, язык по отношению к мышлению выполняет две важнейшие функции — **формирования и выражения мысли**. Лингвисту понятно, что распространенная фраза "Я все знаю, только не могу сказать," на самом деле означает, что мысль не сформирована, человек еще не нашел ей словесного оформления, поэтому он и не может ее выразить.

Сказанное не означает, что мы постоянно проговариваем про себя все свои мысли в полном объеме. Дело в том, что так называемая *внутренняя речь* отличается по характеру от обычной, "внешней" речи. Как правило, когда мы думаем, мы не проговариваем про себя свои мысли полностью, не строим полных, грамматически завершенных предложений. Мы думаем с помощью свернутых формул, пропуская все служебные элементы. И в результате такое внутреннее проговаривание происходит у каждого человека примерно в три раза быстрее, чем если бы он говорил вслух. Но так или иначе, основой построения мысли в этом случае служит язык. Таким образом, язык выступает в качестве средства формирования и выражения мысли.

Следующей функцией языка, связанной с деятельностью нашего мышления, является **когнитивная функция**, или **функция**

познания (иногда ее также называют **гностической**). Язык играет важнейшую роль в процессе познания человеком окружающего мира. Во-первых, большое количество информации мы получаем непосредственно в языковой форме — из книг, из лекций и объяснений, из газет и информационных сообщений. Но кроме того, язык еще выполняет роль своеобразного трафарета, с помощью которого мы членим в своем сознании воспринимаемую нами реальную действительность. Когда ребенок начинает говорить и активно познавать мир, язык как бы подсказывает ему: посмотри, вот эти предметы называются одинаково, значит, у них есть что-то общее. В результате, даже если на первый взгляд названные одним словом предметы выглядят различно, ребенок начинает искать в них какую-то общность. И напротив, если кажущиеся одинаковыми предметы называются по-разному, они начинают восприниматься как разные, и познающий мир человек ищет и находит в них различия. Так с помощью языка формируется присущая данному народу система восприятия и отражения объективной действительности, так идет познание мира, уже познанного предками, закрепившими свое восприятие и свои знания в словах.

С одной стороны, язык существует для выражения мысли, то есть мысль первична, а язык по отношению к ней вторичен. С другой стороны, участвуя в формировании мысли и навязывая человеку закрепленный в национальном мышлении способ отражения действительности, язык сам влияет на мышление. Связь между языком и мышлением настолько тесна, что некоторые ученые даже отождествляли эти два явления, рассматривая язык как материальную оболочку мышления. Однако такое отождествление вряд ли можно считать правомерным. Во-первых, мышление — это явление психическое, а следовательно — индивидуальное, тогда как язык социален. Во-вторых, и язык, и мышление имеют свои собственные, не совпадающие формы существования и законы строения и развития. Так, мышление существует не только в языковой форме. В определенных ситуациях человек может думать, например, с помощью зрительных образов. С другой стороны, не всем единицам языка соответствуют какие-либо единицы мышления (примером могут служить языковые звуки). При всем многообразии форм и способов мышления, характерных для разных народов, существуют некоторые наиболее фундаментальные категории мышления, общие для всего человечества. Однако и им в разных языках соответствуют совершенно различные языковые единицы и категории, так что мы несомненно имеем дело с двумя различными явлениями, которые, однако, теснейшим образом между собой

связаны и, постоянно взаимодействуя, вместе способствуют совершенствованию познавательной деятельности человека.

Язык служит хранилищем человеческих знаний. Познавая мир, люди дают название всему тому, что они узнали, увидели, открыли. Это необходимо как для того, чтобы выделить узнанное в самостоятельный предмет мысли, так и для того, чтобы сообщить о нем другим людям. Поэтому язык выполняет еще одну функцию в обществе — **кумулятивную**, или **функцию накопления информации**.

С кумулятивной функцией тесно связана функция **историческая**, то есть функция передачи информации от одного поколения другому. Именно благодаря исторической функции языка мы можем узнать, как жили, о чем думали наши предки, жившие много столетий назад. Язык в этом случае становится средством нашего общения с теми, с кем нас разделяет время.

Помимо перечисленных, язык выполняет еще целый ряд функций — **эмотивную** (то есть функцию передачи эмоций), **волюнтативную** (то есть функцию выражения волеизъявления), **эстетическую**, **фатическую** (то есть контактоустанавливающую функцию) и другие, однако все они так или иначе связаны с его важнейшей функцией — коммуникативной.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

Вопрос о том, когда и как у человека появился язык, относится к числу наиболее сложных и спорных, и ответ на него может носить лишь гипотетический характер, прежде всего потому, что материальными свидетельствами и фактами, которые могли бы неопровержимо доказать справедливость того или иного предположения, наука не располагает. Сторонники разных теорий по-разному датируют происхождение языка, но так или иначе речь идет о том времени, когда человек еще находился в первобытном состоянии. Поэтому мы можем лишь предполагать, как это могло происходить, строя свои предположения на знаниях о природе и сущности языка, его связи с мышлением и его роли в обществе, а также на имеющихся теориях происхождения самого человека.

Условно все существующие теории происхождения языка можно разделить на три группы:

- гипотезы, связывающие происхождение языка с Богом;
- теории, объясняющие причины происхождения языка у отдельного индивида;
- теории, объясняющие происхождение языка общественными причинами.

Начнем наше рассмотрение с первой группы. Существует несколько вариантов **гипотезы о божественном происхождении языка**, однако суть их так или иначе сводится к тому, что, создав человека, Бог дал ему язык. В задачи языкознания не входит обсуждение вопроса о том, существует ли Бог и он ли создал человека. Но для того, чтобы посмотреть, насколько убедительна гипотеза о божественном происхождении языка, давайте условимся считать, что Бог существует.

В самом тексте библии заложено два разных варианта происхождения языка. Первый из них основан на утверждении, что Бог сам дал имена всему тому, что он создал. В первой главе книги Бытия сказано: "И назвал Бог свет днем, а тьму ночью... И назвал Бог твердь небом... И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал

морями". О том же свидетельствует и Евангелие от Иоанна: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог". Итак, получается, что язык уже существовал тогда, когда человека еще не было. Бог творил мир с помощью Слова и сам называл все сотворенное. Таким образом, человек увидел окружающий его мир, в котором все предметы уже были названы, и названия эти открывались ему в самих предметах. В таком случае на свете должен был бы существовать только один язык и все люди должны были бы называть предметы одинаково — так, как их назвал Бог. И действительно, согласно 11-й главе книги Бытия, до самого вавилонского столпотворения все люди говорили на одном языке: "И сошел Господь посмотреть город и башню, которую строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого". При несомненно правильной оценке роли языка в обществе (без общего, единого для всех языка люди не могут полноценно общаться и слаженно делать общее дело) этот текст рисует достаточно странную и непонятную картину: если существовал только один язык, то что с чем Господь "смешал"? Откуда у каждого человека появились свои названия? Их тоже создал Бог по числу людей, строивших столп? И если исходные названия сами были как бы признаками, свойствами предметов, то что же стало с ними после "смешения" языка? В Библии об этом ничего не говорится.

Другой вариант той же гипотезы основан на содержащемся во второй главе книги Бытия утверждении о том, что "Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было ей имя". Получается, что Бог дал человеку способность называть, то есть самому творить свой язык. В таком случае язык — это дар божий, так же как способность видеть и слышать; он дарован каждому человеку и должен у него быть независимо от условий, в которых он живет. Почему же тогда человек не начинает говорить, если вокруг него, когда он рос и формировался, не было говорящих людей, почему он остается "безъязыким"? На этот вопрос гипотеза о божественном происхождении языка ответа не дает.

Обратимся теперь к так называемым индивидуалистическим теориям происхождения языка, то есть к теориям, объясняющим причины возникновения языка у отдельного индивида. Одна из них, получившая название **теории звукоподражания**, объясняет появление звукового языка у человека тем, что у наших первобытных

предков якобы существовало инстинктивное стремление подражать тем звукам, которые они слышали вокруг себя. В первобытном лесу пели птицы, издавали различные крики животные, в кронах деревьев шумел ветер, в ручьях журчала вода. Человек слышал все эти звуки и пытался им подражать. Трудовая деятельность самого человека также сопровождалась звуками, и подражание им как бы выражало сущность этих процессов. В европейской философской традиции звукоподражательная теория восходит к учению древнегреческого философа Платона, который полагал, что человек от природы наделен стремлением воспроизводить "сущность вещей". Вслед за Платоном эту теорию развивали стоики¹, в XVII веке в ее защиту выступил немецкий ученый Г. Лейбниц, в XVIII-XIX веках ее поддерживали В. фон Гумбольдт и Я. Гримм, в XIX-XX веках — Ш. Балли и другие ученые.

При всей внешней правдоподобности такого объяснения происхождения языка теория звукоподражания вызывает ряд серьезных возражений. Во-первых, способностью к звукоподражанию наделены, как известно, далеко не только люди. Значительно лучше умеют это делать, скажем, некоторые птицы — попугаи, синицы, скворцы. Однако сама по себе способность к звукоподражанию не привела у них к появлению языка. Очевидно, одной только способности имитировать издаваемые предметами звуки недостаточно для того, чтобы эти звуки превратились в названия издающих их предметов. Если же предположить, что у человека с самого начала была способность использовать звукоподражание для обозначения предметов, то тогда нужно признать, что еще до возникновения языка у нашего первобытного предка существовало мышление, причем в его высшей форме, позволявшей ему воспроизводить, а значит, и постигать ту самую сущность вещей, о которой говорил Платон. На какой же основе могло существовать это абстрактное мышление? У современного человека, мозг которого имеет значительно более сложное строение, развитие абстрактного мышления теснейшим образом связано с языком. Трудно предположить, чтобы у первобытного человека с его неразвитым мозгом это было по-другому, а значит, способность мыслить абстрактно и постигать суть вещей у него не могла появиться раньше, чем язык.

Есть еще одно обстоятельство, заставляющее усомниться в правоте сторонников звукоподражательной теории. Даже сегодня, после длительной эволюции, в ходе которой совершенствовалась гортань человека, наша способность к звукоподражанию весьма

¹ Стоиками называют представителей стоицизма — одного из главных направлений в эллинистической и римской философии..

ограниченна. Многие ли из нас могут воспроизводить звуки природы так, чтобы они были узнаваемы? Как же тогда наши далекие предки могли это делать, имея гортань, которая еще не была развита многовековым процессом говорения? Могли ли они управлять своей гортанью лучше, чем это сегодня можем делать мы? Вполне возможно, что какие-то элементы звукоподражания у человека были, но они не могли быть, во-первых, многочисленными, а во-вторых — осмысленными.

Следующая теория, объясняющая появление языка вне связи с обществом, это **эмоциональная теория**, или **теория междометий**. Одним из наиболее известных ее сторонников был Жан-Жак Руссо. Суть этой теории, также восходящей к древнегреческой философии, состоит в том, что первоначально язык возник как средство выражения душевного состояния человека и состоял из произвольных выкриков, выражавших чувства и эмоции. По мнению Руссо, эмоциональный мир первобытного человека был богаче, чем у современного человека, так как первобытный человек был более "естественным", он еще был частью природы, и его чувства еще не были вытеснены разумом. Поэтому у него и существовала потребность выражать не мысли (которых еще не было), а чувства и эмоции.

Первый вопрос, который возникает в связи с этой теорией, состоит в следующем: мог ли в действительности эмоциональный мир у первобытного человека быть богаче, чем у современного? Современному человеку присущи все те "низшие" эмоции, которые есть у животных. Так же, как все животные, мы испытываем удовольствие при удовлетворении наших физиологических потребностей и неудовольствие при невозможности их удовлетворить, мы испытываем чувство страха и т.д. Однако при этом эмоциональный мир человека не ограничивается этими "низшими" эмоциями. У нас есть эмоции и чувства высшего порядка, социально обусловленные эмоции. Эмоциональное состояние современного человека зависит не только от физиологически значимых раздражителей. Более того, оно может зависеть даже от факторов, вообще не имеющих непосредственного отношения к данному человеку: мы умеем сострадать другому, радоваться за другого; наше настроение может быть обусловлено прочитанной книжкой, увиденным фильмом и множеством других вещей, недоступных животным, недоступных первобытному человеку. Так что при всей "естественности" нашего далекого предка его эмоциональный мир никак не мог быть более богатым.

Можно предположить, что, говоря о богатстве эмоционального мира, сторонники этой теории имели в виду не количество и

качественное разнообразие эмоций, а интенсивность их переживания. Однако в этом случае совершенно непонятно, почему язык в ту далекую эпоху возник только у первобытного человека — ведь "не заглушенные разумом" эмоции существовали (и существуют по сей день) у многих животных.

Далее возникает вопрос о том, как произвольные эмоциональные возгласы могли превратиться в названия пусть даже не предметов и понятий, а эмоций. Ведь для того, чтобы какой-то звук или комплекс звуков мог начать ассоциироваться с определенным эмоциональным состоянием, окружающие должны знать, какое именно состояние этими звуками обозначено. Однако эмоции человека — это его внутреннее состояние. Окружающие могут видеть некоторые его проявления, но само это состояние от них скрыто. Знаком чего же для окружающих становится такой возглас? И в связи с этим — вопрос, аналогичный тому, который уже задавался при обсуждении теории звукоподражания: мог ли первобытный человек со своей неразвитой гортанью выразить голосом все оттенки своих эмоций? Таким образом, происхождение языка из якобы существовавшего богатого набора произвольных эмоциональных возгласов также представляется маловероятным.

Перейдем к рассмотрению теорий, объясняющих происхождение языка общественными причинами. Первая из них — **теория общественного договора** — также получила наиболее полное развитие в XVIII веке и также связана с именем Руссо, полагавшего, что с появлением разума люди, выражавшие сначала только свои эмоции, почувствовали необходимость в рациональном общении и договорились о том, в каком значении они будут употреблять те или иные звуки. Однако здесь возникают два вопроса: во-первых, как они могли договориться, если языка как средства общения у них еще не было, а были лишь эмоциональные возгласы? И второй вопрос, быть может, даже более существенный: если у людей еще не было языка, а значит, и абстрактного мышления, то как же они смогли понять, что им нужно договориться о единообразии употребления звуков, как они смогли разработать сложную по самой своей сути систему условных знаков?

Следующая теория напрямую связывает происхождение языка с трудом, поэтому она и называется **рабочей теорией**, или **теорией трудовых выкриков**. Ее автор — философ Людвиг Нуаре; одним из ее сторонников был Г.В. Плеханов. Смысл этой теории состоит в том, что в процессе труда человек издавал рефлекторные выкрики, которые при переходе к коллективному труду стали использоваться для его синхронизации. Постепенно эти выкрики стали символизировать сам трудовой процесс, а затем и обозначать

совершаемые действия. Поэтому сторонники теории трудовых выкриков утверждали, что первые слова были глаголами.

На первый взгляд эта теория выгодно отличается от рассмотренных ранее, поскольку она связывает происхождение языка с коллективным трудом и с возникшей в связи с этим потребностью в общении. Однако в действительности у этой теории очень много общего с теорией междометий и с теорией звукоподражания. Во всех трех случаях речь идет о возникновении языка на основе произвольных выкриков. Разумеется, все звуки, издаваемые гортанью первобытного человека, могли и даже должны были быть использованы человеком на раннем этапе существования языка. Но само по себе существование этих звуков никак не могло послужить причиной возникновения языка. В противном случае язык должен был бы возникнуть у всех животных, способных издавать звуки.

Если следовать теории трудовых выкриков, то получается, что наши предки начали заниматься коллективным трудом, когда у них еще не было языка, то есть не было средства общения. Сначала они начали использовать трудовые выкрики для синхронизации труда, и только потом уже превратили их в первичные слова. Но коллективный труд отличается прежде всего единством цели совместного действия, причем у людей такое стремление не заложено на уровне инстинкта (как, скажем, у муравьев), оно должно быть осознанным и согласованным. Как же можно было что-то согласовать без языка? И затем — синхронизация предполагает, что люди не только имели общую цель, но и понимали, что достичь ее легче при синхронных действиях. А такое понимание предполагает наличие развитого мышления, что, как уже говорилось, без языка невозможно.

Анализируя все приведенные теории и гипотезы, нетрудно заметить, что они, по сути дела, не столько объясняют причины и механизмы возникновения языка, сколько отвечают на вопрос, какой "строительный материал" мог использовать первобытный человек для построения своего примитивного языка. Это, конечно же, могли быть и звукоподражания, и эмоциональные возгласы, и произвольные выкрики в процессе тяжелого труда. Но само по себе их наличие не могло послужить причиной возникновения языка.

* * *

Для того, чтобы у наших далеких предков появилось сознательно, осознанно используемое средство общения, было необходимо несколько предпосылок как биологического, так и общественного характера. Прежде всего мозг человека должен был достигнуть такого уровня развития, при котором становится

возможным появление мышления. Собственно говоря, мышление в его простейшей форме (так называемое наглядно-действенное мышление) существует не только у человека, но и у целого ряда высших животных. Такое мышление еще не нуждается в языке — не случайно И.П. Павлов называл его ручным мышлением. Потребность в языке возникает тогда, когда строение мозга и условия жизни человека делают возможным и необходимым формирование абстрактного мышления. Именно в этом плане рассматривается проблема происхождения языка в рамках **эволюционной теории**. Основные положения этой теории сформулировал Ф. Энгельс, рассматривавший вопрос о происхождении языка в неразрывной связи с вопросами о происхождении самого человека и о возникновении человеческого *общества*.

Опираясь на эволюционную теорию Ч. Дарвина, Энгельс полагал, что в развитии человека существенную роль сыграл переход к прямохождению. Когда под влиянием изменившихся условий жизни наш первобытный предок вынужден был встать на задние конечности, у него началась активная перестройка организма. Смещение центра тяжести мозга внутри черепной коробки дало толчок его росту. Ограниченный объемом черепной коробки, мозг продолжал увеличивать свою поверхность путем образования борозд и извилин и в результате приобрел очень сложное строение, позволившее значительно расширить его функции.

Дальнейшему развитию мозга способствовало и то, что в результате прямохождения увеличилось поле зрения человека, возрос объем информации, поступающий через глаза в мозг. Как и любой другой орган, мозг для своего развития нуждается в постоянной деятельности, более интенсивная деятельность ведет и к более интенсивному развитию.

Развитие мозга привело к появлению наглядно-действенного мышления, человек взял в руки палку и стал учиться ею пользоваться, в результате чего в мозг стала поступать новая информация, теперь уже от руки, в которой было орудие труда. Таким образом, усложнение структуры мозга привело к усложнению деятельности человека, а усложняющаяся деятельность, в свою очередь, заставляла все дальше развиваться мозг. Наступил момент, когда строение мозга стало столь сложным, что по своим функциональным возможностям он стал намного превосходить тот потенциал, который необходим для наглядно-действенного, конкретного мышления. Однако для развития абстрактного мышления была необходима основа, материальная форма существования мысли. И такой основой мог стать язык.

Одновременно с этим прямохождение вызвало еще и другие изменения в строении человеческого тела. Распрямилась грудная клетка, перестали быть сжатыми легкие, в результате чего увеличился их объем. Дыхание стало более глубоким и менее частым. Органы дыхания оказались как бы недогруженными — во всяком случае, они оказались в состоянии взять на себя какие-то дополнительные функции.

"Недогруженной" оказалась и еще одна группа органов. Начавшаяся трудовая деятельность, использование предлагаемых природой примитивных орудий труда позволили человеку добывать значительно больше пищи. Теперь уже не было необходимости постоянно есть — пищу можно было запасти и съесть тогда, когда возникало чувство голода. Таким образом, оказался более свободным не только дыхательный аппарат, но и рот.

Помимо этих, биологических предпосылок возникновения языка появились предпосылки и другого рода. Развивающееся мышление подсказывало людям, что свою незащищенность перед окружающим миром они могут преодолеть только в том случае, если защищаться от врагов и добывать пищу они будут коллективно. У человека не было ни крыльев, ни крепкого клюва, ни способности бегать так же быстро, как хищники. Поэтому единственная возможность противостоять силам природы заключалась в объединении. Но для этого нужно было иметь возможность договариваться об общей цели и о способах ее достижения.

Итак, превращение популяции в общество и дальнейшая эволюция самого человека настоятельно требовали общения, достигший высокого уровня развития мозг сделал человека способным к абстрактному мышлению и к восприятию сигналов второго порядка,² а освободившиеся дыхательный аппарат и рот привели к появлению возросшего количества звуковых сигналов. И вот тогда под влиянием жизненно важной потребности в обмене информацией в процессе зарождающегося коллективного труда человек начал использовать звуковые сигналы для осознанного общения.

В последние годы биологи и антропологи высказывают все больше сомнений в верности дарвиновской эволюционной теории происхождения человека. Если в дальнейшем эти сомнения подтвердятся, то, очевидно, придется пересмотреть и предложенную Ф.Энгельсом теорию происхождения языка. Однако так или иначе остается очевидным, что язык, будучи по своей природе

² Напомним, что сигналы второго порядка – это заменители физиологически значимых раздражителей, сигналы сигналов (например, слово *еда*, вызывающее ту же реакцию, что и вид или запах этой еды).

общественным явлением, мог возникнуть только вместе с возникновением общества, только в результате общественной потребности, а не из-за инстинктивного стремления каждой особи подражать звукам природы, давать выход своим эмоциям или облегчать себе работу с помощью криков, непроизвольно вырывающихся при совершении большого физического усилия. К возникновению языка может привести только сочетание общественной потребности с биологической готовностью вида. Только после того, как выполнено это условие, есть смысл говорить о том, какой "строительный материал" использовался для создания первых языковых единиц.

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Возникнув одновременно с появлением общества, язык и развивается вместе с ним, всегда соответствуя уровню развития общества. По мере того, как в обществе накапливается информация, растут знания человека об окружающем его мире и о себе самом, в языке увеличивается количество единиц, которыми обозначаются предметы, явления, действия. По мере того, как усложняются представления людей о связях и отношениях между предметами и явлениями, усложняются отношения между самими людьми, усложняется и грамматика языка, косвенно отражающая характер внеязыковых связей. Язык представляет собой *адаптивную систему*, а это значит, что он постоянно приспосабливается к изменениям в том обществе, которое он обслуживает. Если оценивать языки с точки зрения их соответствия запросам говорящего на них языкового коллектива, то невозможно говорить о более развитых и менее развитых языках, о прогрессе или регрессе в развитии языка. Любой язык на любом этапе своего развития адекватно отражает уровень и характер развития соответствующего общества.

Сказанное не означает, что язык и общество изменяются по одним и тем же законам и что происходящие в обществе события *непосредственно* вызывают изменения в языке. Язык имеет собственные законы развития, определяющие то, *как именно* он будет меняться для того, чтобы соответствовать потребностям общества.

Существуют внутренние законы развития, общие для всех языков. К их числу относится закон постепенного, эволюционного развития, в соответствии с которым ни один язык не может изменяться резкими скачками, так как это могло бы привести к нарушению целого ряда важнейших функций — прежде всего

кумулятивной, когнитивной и исторической, потому что внезапно изменившийся язык перестал бы быть носителем информации, заложенной в него предыдущими поколениями. К числу общих законов относится и то, что разные аспекты языка (его звуковой строй, словарный запас и грамматика) развиваются неравномерно. Интенсивнее всего изменяется лексика, так как слова наиболее тесно связаны с внеязыковой действительностью. Как только в обществе появляется какое-то новое явление, оно сразу же требует названия. Поэтому появляются и новые слова. Выходят из употребления предметы, устаревают понятия — и перестают употребляться называющие их слова. У грамматики, отражающей воспринимаемые людьми связи между предметами и явлениями косвенно, связь с общественными условиями опосредованная, не такая тесная, как у слов. Поэтому изменения в жизни общества не вызывают немедленного изменения грамматики. Наиболее устойчивым, наименее подверженным изменениям под воздействием изменений в обществе оказывается звуковой строй языка.

Существуют и другие законы, определяющие характер изменений, происходящих в языках. Одни из них носят общий характер (как, например, закон аналогии или закон развития от конкретного к абстрактному), другие — частный, но все они описывают внутренние процессы, происходящие при развитии языка, внутренние закономерности этого развития. Однако сама по себе необходимость постоянного изменения диктуется ролью языка в обществе, его неразрывной связью с жизнью общества, с происходящими в нем изменениями.

Пути развития языка определяются не только поступательным движением общества, постоянно умножающего свои знания о мире. Язык чутко реагирует на любые изменения общественных отношений и самой структуры общества. Так, например, разным общественно-экономическим формациям соответствуют и разные тенденции в развитии языка. При первобытно-общинном строе, когда племя, говорившее на одном языке, разделялось и расселялось по разным территориям, общение между разделившимися группами прерывалось. С этого момента начиналась *дифференциация языка*, то есть расхождение, разное развитие некогда общего языка. Во-первых, у каждой группы могли возникнуть свои потребности в назывании новых предметов и явлений. Во-вторых, уже имевшиеся слова могли приобретать новые значения. Постепенно развивались различные способы выражения одной и той же мысли, появлялись различные грамматические формы. В итоге образовывались разные диалекты одного и того же языка.

На смену первобытно-общинному строю пришел рабовладельческий, при котором появились первые государства. В результате завоеваний на территории одного государства могли оказаться не только люди, говорившие на разных диалектах одного и того же языка, но и люди, говорившие на разных языках. Но для того, чтобы государство могло существовать, для того, чтобы им можно было управлять, внутри этого государства должно происходить постоянное общение. А это значит, что в государстве постепенно начинают стираться языковые различия, начинается процесс *интеграции*, то есть схождения разных диалектов, а иногда и языков.

Снова меняется общественно-экономическая формация — и снова меняется характер развития языка. При феодализме, характеризующемся как политической, так и экономической раздробленностью, до минимума сводится общение между жителями разных феодальных княжеств. Преобладает натуральное хозяйство, а это значит, что практически отсутствуют торговля и обмен товарами, жители каждого княжества сами производят все, что им необходимо. Понятно, что в таких условиях в каждом княжестве язык начинает развиваться по-своему. Опять начинается процесс *дифференциации*. Ярким примером дифференциации языка, приведшей к образованию очень сильно различающихся диалектов, может служить Германия, где феодальная раздробленность была чрезвычайно сильной вплоть до XVIII века.

Ситуация резко меняется с началом развития капитализма. Бурное развитие промышленности привлекает в города большое количество бывшего сельского населения, активизируется торговля. В результате этого возрастает интенсивность общения, снова начинается процесс *интеграции*. Этот процесс еще больше усиливается с появлением средств массовой информации, способствующих постепенному стиранию диалектных различий.

На развитие языка в той или иной форме влияет все, что происходит в обществе и с обществом. Об этом уже шла речь в разделе, посвященном внешней лингвистике. Поскольку развитие языка тесно связано с историей народа, а история большинства народов включает в себя торговые, культурные контакты с другими народами, войны и завоевания, то и язык испытывает на себе влияние других языков.

Обычно выделяют три типа **взаимодействия языков** — *сосуществование, смешение и скрещивание*.

Сосуществованием называется длительное взаимное влияние друг на друга двух или более смежных языков. Ни один из этих языков при этом не теряет своей самостоятельности и индивидуальности, но в результате сосуществования они могут

приобрести некоторые общие черты. Так, например, длительное взаимное влияние друг на друга неродственных языков Кавказа привело к тому, что у них появилось сходство и в фонетике, и в лексике, и даже в грамматике.

Смешение — это такой вид взаимодействия, при котором два языка сталкиваются (часто на одной территории), один из них оказывает влияние на другой, после чего они расходятся, и каждый из них продолжает дальше развиваться самостоятельно. Примером может служить взаимодействие английского и французского языков во время нормандского завоевания Англии. Французский язык оказал очень сильное влияние на английский (главным образом в сфере лексики), но с концом завоевания кончилось и смешение языков. В Британии остался английский язык, который и по сей день несет на себе отпечаток французского влияния, но который при этом не потерял своей индивидуальности и продолжает развиваться как самостоятельный язык.

Третий тип взаимодействия — скрещивание языков. **Скрещиванием** называется столкновение на одной территории двух языков, из которых сохраняется только один, а второй исчезает, обогатив отдельными своими элементами язык-победитель. Если исчез язык местного населения, которое перешло на язык завоевателей, то отдельные элементы языка местного населения в языке завоевателей называются **субстратом**. Явление субстрата легко проследить на примере формирования французского и испанского языков. Когда римляне завоевали территорию нынешней Франции, населявшие ее кельтские племена (которые римляне называли галльскими) перешли на латинский язык, привнеся в него некоторые особенности, присущие их родному языку. В результате на этой территории из-за галльского субстрата латынь стала несколько иной. На основе этой видоизменившейся латыни впоследствии сформировался французский язык. Аналогичная ситуация сложилась на территории современной Испании, где латынь тоже вобрала в себя элементы вытесненного языка местного населения — иберийских племен, в результате чего впоследствии сформировался испанский язык.

Если же завоеватели сами переходят на язык местного населения, то сохранившиеся элементы их языка в языке местного населения называются **суперстратом**. Примером суперстрата могут служить сохранившиеся во французском языке элементы языка франков — германских племен, которые в V веке вторглись в уже завоеванную римлянами Галлию, но вскоре перешли на обогащенную галльским субстратом латынь, добавив к ней в качестве суперстрата элементы своего языка.

Итак, мы еще раз убеждаемся в неразрывной связи истории развития языка с историей самого говорящего на этом языке народа. В связи с этим возникает вопрос: каковы же перспективы дальнейшего развития языков? Вполне естественно, что ответ на вопрос, обращенный к будущему, может быть столь же гипотетичным, как и ответ на вопрос, относящийся к неизвестной нам древности. Ясно только одно: человечество достигло такого этапа в своем экономическом и научно-техническом развитии, когда уже маловероятен возврат к дифференциации языков и диалектов. Нет сомнений в том, что в дальнейшем интенсивность общения между людьми будет только возрастать и приобретать новые формы. Поэтому все прогнозы относительно будущего наших языков так или иначе сводятся к попыткам представить себе процесс формирования всеобщего мирового языка. Трудно сказать, насколько эта перспектива реальна, однако намечаемые лингвистами возможные пути формирования такого языка заслуживают внимания хотя бы потому, что они заставляют еще раз обратиться к проблемам взаимоотношения языка и общества, языка и культуры, а также к чисто лингвистическим аспектам взаимоотношения языков.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВСЕОБЩЕГО МИРОВОГО ЯЗЫКА

Среди лингвистов, полагающих, что рано или поздно у человечества появится всеобщий мировой язык, существуют разные мнения по поводу того, на какой основе он возникнет. Эти мнения можно обобщить следующим образом: 1) всеобщим мировым языком станет один из существующих национальных языков; 2) всеобщий мировой язык сформируется на основе нескольких зональных языков, выдвинувшихся из числа национальных; 3) роль всеобщего мирового языка будет играть искусственный язык.

По-разному оценивают ученые и то, как он будет соотноситься с национальными языками: одни полагают, что всеобщий мировой язык заменит собой все национальные языки, другие — что всеобщий мировой язык будет существовать наряду с национальными языками.

Представление о том, что всеобщим мировым языком может стать один из ныне существующих национальных языков, основывается на историческом опыте и на современной языковой ситуации в мире. На разных этапах истории разные языки использовались в качестве *международных*, или *языков международного общения*. В древнюю и средневековую эпохи международные языки носили региональный характер, причем

иногда использовались для этого только в письменной форме. Примером может служить письменный древнекитайский язык, выступавший в качестве средства общения народов Дальнего Востока. В средние века в Европе такую же роль играла латынь, а на Ближнем Востоке — арабский и персидский языки. Затем, наряду с региональными международными языками, появились языки глобального использования, называемые также *мировыми языками* (наиболее яркие примеры — французский язык в 18 веке, английский язык сегодня). Это заставляет некоторых ученых предположить, что дальнейшее развитие международного общения пойдет одним из этих путей. Либо в отдельных регионах мира сложатся постоянно используемые региональные, или *зональные* языки, которые в результате длительного взаимодействия сольются, переплавятся в единый язык, либо какой-то из национальных языков будет принят всеми народами в качестве всеобщего мирового языка.

Выдвижение того или иного языка на роль регионального или глобального международного языка зависит от целого ряда экстралингвистических (то есть внеязыковых) и лингвистических факторов. К их числу относятся политический престиж, уровень экономического и научно-технического развития стран, говорящих на этом языке, соответствующая этому уровню развитость терминологических подсистем в самом языке и т.д. Изменение политического престижа страны может привести и к изменению международного статуса ее языка. Поэтому попытки предсказать, какой именно из существующих сегодня языков сможет претендовать на роль всеобщего мирового, — это скорее политико-экономические прогнозы, чем лингвистический анализ.

С точки зрения лингвиста и этнографа значительно серьезнее другой вопрос: как может национальный язык, закрепивший в себе присущий определенной нации способ мышления, способ отражения действительности, несущий на себе отпечаток истории и культуры одного народа, стать средством общения для других народов? Сегодня с помощью английского языка очень удобно обсуждать проблемы международных отношений и достижения мировой науки. Но говорить по-английски о российской истории и культуре, о привычном российском укладе жизни и т.д. трудно, при этом возникает опасность либо недостаточно полного понимания, либо прямого искажения мысли. Означает ли всеобщий переход на какой-то национальный язык добровольный отказ народов от своего национального способа мышления, от своих культурных традиций? Такую ситуацию трудно себе представить даже теоретически. К тому же в этом случае возникает вопрос о целесообразности подобного решения — сможет ли выигрыш, состоящий в облегчении

международного общения, компенсировать потери, связанные с отказом от национального своеобразия каждого народа, а значит — с обеднением общечеловеческой культуры в целом?

Эта проблема отчасти — но действительно только отчасти — решается в рамках теории зональных языков в том случае, если зональные языки будут складываться в регионах, где живут носители родственных языков (скажем, славянских или романских). Тогда в какой-то мере в каждом из них сохранится национальная специфика мышления и культуры — в той мере, в которой можно говорить об общеславянской, общероманской и т.д. культуре. Однако остается непонятным, как затем единый мировой язык сможет вобрать в себя это своеобразие.

Принципиально иначе представляют себе перспективу возникновения всеобщего мирового языка сторонники искусственных языков. Идея создания таких языков зародилась давно. В XVII-XX веках было создано около 1000 проектов искусственных языков, однако первым реальное применение получил лишь созданный в 1879 году немецким ученым И.М. Шлейером *волапюк*. С точки зрения их сходства с реальными языками все искусственные языки делятся на **априорные** (то есть независимые от естественных языков), **апостериорные** (то есть использующие материал естественных языков) и **смешанные** (то есть сочетающие в себе как видоизмененные слова и грамматические правила естественных языков, так и искусственно созданные). Именно к последнему типу относится волапюк. Опыт, однако, показал, что наиболее удобными для конструирования и использования являются апостериорные языки.

Наибольшее распространение из всех когда-либо существовавших искусственных языков получил созданный в 1887 году варшавским врачом Л.Л. Заменгофом язык *эсперанто*. В его основу положена интернациональная лексика и стандартные правила образования новых слов. Грамматика эсперанто очень проста, правила не имеют исключений. Каждая часть речи имеет свое окончание: все существительные оканчиваются на -о, все глаголы в неопределенной форме — на -i, прилагательные — на -а, наречия — на -е. В эсперанто всего два падежа — именительный и винительный. Все слова имеют ударение на втором слоге от конца. Этот язык оказался наиболее удобным в использовании, во многих странах появились его сторонники, возникло международное движение эсперантистов. В 1907 году рядом ученых (преимущественно французских) была сделана попытка реформировать эсперанто, однако созданный ими язык *идо* (что означает "потомок")

распространения не получил, как, впрочем, и другие искусственные языки.

Существуют две основные причины того, почему искусственные языки не становятся подлинными языками международного общения. Первая из них, как это ни парадоксально, кроется именно в том, в чем, по мнению создателей, состоит главное достоинство искусственных языков: в их жесткой регламентированности. Строгие, не знающие исключений правила, делающие эти языки столь легкими для изучения и использования, одновременно лишают их возможности развиваться. Как мы уже видели, развитие общества и развитие человеческого мышления постоянно требуют создания не только новых слов, но и новых форм выражения мысли, новых грамматических категорий и конструкций, что и происходит постоянно в естественных языках. Изменяется количество падежей, происходит перераспределение их функций, у слов развиваются новые значения и т.д. Все это противоречит принципам создания искусственного языка, где все правила заданы раз и навсегда, где значения слов должны быть "прозрачными", где не должно быть фразеологических оборотов, значения которых не могут быть выведены из значений входящих в них слов. Однако анализ естественных языков, а также опыт использования искусственных языков показывают, что развитие у слов новых, переносных значений, образование фразеологизмов — это неизбежные языковые процессы, соответствующие общечеловеческим способам мышления. Следовательно, если искусственный язык будет использоваться в качестве основного средства общения между людьми, он неизбежно начнет развиваться, нарушая принципы, лежащие в его основе, и при этом теряя все свои преимущества перед естественными языками, если даже признать, что изначально он их имел.

Вторая причина заключается в оторванности искусственного языка от истории и культуры каждого конкретного народа. Такой язык лишен исторической и кумулятивной функций, он слабо приспособлен к выполнению эмотивной функции. На искусственном языке можно назвать эмоции, но выразить их довольно сложно, особенно если учесть, что у каждого народа существуют свои, национальные формы их выражения. Иными словами, искусственный язык предполагает искусственное общение.

Все сказанное о возможности формирования всеобщего мирового языка — будь то на основе естественных или искусственных языков — позволяет предположить, что если даже такой язык появится, он не сможет *заменить* национальные языки. Он сможет лишь использоваться *наряду* с ними, обслуживая

ситуации международного общения, не требующие выражения национальной специфики. Более или менее реальная возможность замены национальных языков каким-то единым может возникнуть только в том случае, если на Земле сформируется единое, однородное общество, не знающее ни государственных границ, ни национальных различий. Однако такая перспектива представляется столь отдаленной, что всерьез обсуждать ее реальность сегодня нет оснований.

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА

Каждый язык обладает известной внутренней целостностью, которая обеспечивается общим для всех его проявлений фонетическим и грамматическим строем, а также единством основной части словаря. В связи с этим говорят об общенародном языке.

Содержание термина «общенародный язык» в лингвистической литературе интерпретируется неоднозначно, однако какое бы содержание ни вкладывать в это понятие, представляется совершенно очевидным, что функционирование общенародного языка не связано ни с территориальными, ни с социальными ограничениями и что общенародный язык реализуется в частных формах существования языка, которым такие ограничения свойственны.

Дело в том, что язык никогда не бывает абсолютно единым, как никогда не бывает единым то общество, которое им пользуется. В связи с этим в языковой системе могут быть выделены частные подсистемы, которые представляют собой совокупности языковых средств, используемых определенной частью языкового коллектива в той или иной сфере общения. Данные подсистемы различаются по их возможностям для передачи содержания, по некоторым структурным характеристикам, а также по сферам их преимущественного использования. Подсистемы такого рода называются формами существования языка.

К основным формам существования языка относятся литературный язык, территориальные и социальные варианты языка.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА

Практически любой язык, имеющий достаточно длительную традицию существования на более или менее обширной территории, имеет территориальные варианты. Территориальные разновидности языка носят название *территориальные диалекты* (греч. *dialektos* ‘разговор’).

Диалект (точнее — территориальный диалект) — это территориально ограниченная форма существования языка, имеющая те или иные особенности в области фонетики, грамматики и лексики.

Наиболее часто диалектные особенности наблюдаются в области лексики. Хотя большое число слов, используемых носителями диалекта, обычно является частью общенародного языка (ср. в русском языке такие слова, как *рука, голова, мать, брат, семь, десять* и др.), в каждом диалекте существуют значительные группы лексики, неизвестной за пределами определенной территории. Приведем несколько примеров из русских диалектов: *ушкан* ‘заяц’, *долбляк* ‘дятел’, *баской* ‘красивый’, *баять* ‘говорить’, *тарантить* ‘говорить быстро’, *глодаться* ‘ссориться, браниться’. Обычно

лексика того или иного диалекта фиксируется в специальных словарях.

Часто встречаются диалектные различия в фонетике. Широко известны, например, всем говорящим на русском языке такие диалектные явления, как оканье (четкое произношение гласного [o] во всех позициях: [o]z[o]p[o]d, x[o]p[o]шо), произношение согласного [г] как щелевого. Менее известны, но также довольно широко распространены в русских диалектах цоканье (произношение [ц'] вместо [ч]: *цяй, цёрный* 'чай, чёрный'), яканье (произношение *a* после мягких согласных в безударном положении: *вяду, нясу, вядро* 'веду, несу, ведро') и др.

Грамматические диалектные различия могут затрагивать как морфологию, так и синтаксис. Например, в русских говорах встречаются формы множественного числа, отличающиеся от литературных: *колёсы, болоты, крестьяна, волжана, дядья, медведья, мужчинья* и др. Примером проявления диалектных особенностей в области синтаксиса может быть встречающееся в русских диалектах употребление полных страдательных причастий в составе именного сказуемого (*У меня билет уже загодя купленный. Из-за него у нас весь день зря потраченный*) или использование безличного оборота типа *у волков тут идено* 'здесь прошли волки', *у них на работу уйдено* 'они ушли на работу' и др.

Различия между диалектами одного языка могут быть небольшими, и говорящие на разных диалектах могут хорошо понимать друг друга. Так обстоит дело, например, в русском языке. С другой стороны, существуют языки, в которых различия между диалектами настолько велики, что общение между представителями разных диалектов затруднено. Далеко разошлись, например, диалекты китайского, марийского, мордовского, немецкого языков.

Основной причиной возникновения диалектных различий является ослабление связей между отдельными частями языковой общности. Язык не может существовать не развиваясь. Новые явления в речи говорящих, возникающие в каждом обособленном регионе в связи с необходимостью обеспечить нужды общения, не получают распространения среди всех носителей языка и становятся локально ограниченными.

В качестве факторов, обуславливающих относительную обособленность той или иной языковой группировки, могут выступать физико-географические (наличие горных хребтов, водных массивов и т.п.). Известно, например, что диалектные особенности быстрее всего развиваются в группах носителей языка, живущих в горной местности, на островах, по берегам крупных рек и т.д.

Ослабление связей между различными языковыми группировками может быть обусловлено административно-территориальным делением. Если группа носителей языка оказывается отделенной от остальной массы говорящих государственной границей, в речи ее членов развиваются диалектные особенности. Весьма показательна в этом отношении судьба саамов, северного народа, отдельные группировки которого оказались на территории четырех государств — Норвегии, России, Финляндии и Швеции, — в результате чего в саамском языке развились весьма значительные диалектные различия. Существуют и другие факторы, способствующие формированию диалектов (иноязычное соседство, различия в религии и др.

Изучением диалектов занимается специальная наука — *диалектология*. Методы изучения лингвистического материала, цели и задачи его анализа у диалектологии в целом те же, что и у других областей лингвистики, хотя и имеют некоторую специфику, связанную с использованием данных лингвистической географии.

Лингвистическая география — это раздел языкознания, занимающийся изучением территориального распространения языковых явлений. Становление и развитие лингвистической географии связано с именами западноевропейских ученых конца XIX — начала XX века Иоганна Шмидта, Георга Венкера, Жюль Жильерона и др.

Центральным понятием лингвистической географии является *изоглосса* (греч. *isos* ‘равный’, *glossa* ‘язык’). Изоглосса — это линия на карте, обозначающая границу какого-либо языкового явления. Например, в русской диалектологии изоглоссы могут обозначать границы таких фонетических диалектных особенностей, как аканье, оканье и т.п., указывать распространение тех или иных слов, грамматических явлений. Территория, на которой распространено явление, ограниченное изоглоссой, называется его *ареалом* (лат. *area* ‘площадь, поверхность’). Например, могут быть выявлены ареал оканья, ареалы распространения отдельных слов или грамматических форм.

Обычно изоглосса представляет собой линию, соединяющую крайние пункты распространения того или иного языкового явления. Однако довольно часто распространение отдельных языковых явлений не образует целостного массива. За пределами основного ареала могут оказаться относительно небольшие территории — «острова», где речь жителей характеризуется той же самой особенностью.

Территориальное распространение отдельных диалектных различий редко совпадает, поэтому изоглоссы на карте нередко

пересекаются, образуют ареалы внутри другого ареала и т.п. Вместе с тем отдельные изоглоссы могут проходить близко друг к другу. В том случае, если таких соседствующих изоглосс оказывается достаточно много, говорят о *пучке изоглосс*. Территория, по которой проходит пучок изоглосс, фактически представляет собой переходную зону между двумя диалектами. Она может быть довольно обширной. На этой территории в речи говорящих избирательно совмещаются черты соседних диалектов.

Диалектное членение языка обычно представляет собой иерархию единиц разной степени интеграции. В качестве наиболее крупной единицы выделяется *наречие*. Как правило число наречий в рамках одного языка невелико. В русском языке, например, выделяются два наречия — севернорусское и южнорусское. Между ними находится переходная зона — среднерусские говоры. В немецком языке могут быть выделены нижненемецкое, средненемецкое и южнонемецкое наречия, в английском (британский вариант) — северное, центральное, южное и юго-западное.

В составе наречий выделяются *группы говоров*. Например, в севернорусском наречии русского языка традиционно выделяют архангельские, олонецкие, новгородские, вологодско-вятские, владимирско-поволжские говоры.

Единицей низшего уровня в иерархии диалектного членения является отдельный *говор*. Говор — это средство общения жителей достаточно ограниченной территории, даже одного населенного пункта.

Термин «диалект» используется обычно как синонимичный по отношению к любому из данных терминов.

Территориальные диалекты, как и другие формы существования языка, со временем изменяются. Изменяются тенденции их развития, взаимоотношения с литературным языком. Наиболее благоприятными для развития диалектов являются исторические периоды, связанные с дезинтеграционными общественными процессами (например, эпоха феодализма). Наоборот, в периоды преобладания в обществе центростремительных процессов, во время существования единого централизованного государства, диалектные различия начинают стираться.

Существует мнение, что диалекты представляют собой пережиток прошлых эпох и со временем исчезнут. С этим можно согласиться лишь отчасти. Нет сомнения, что существующее диалектное членение, о каком бы языке ни вести речь, со временем изменится, изменятся или исчезнут многие диалектные явления. Вместе с тем есть основания полагать, что территориальные особенности в языке будут существовать еще очень длительное время. Этому будут

способствовать физико-географические, климатические, экономические, политические, этнографические факторы, формирующие относительное единство отдельных регионов.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА

Каждое общество имеет свою внутреннюю структуру, которую образуют объединения людей, связанных друг с другом тем или иным типом отношений — семейных, дружеских, производственных и т.д. Существование таких объединений способствует формированию *социальных вариантов языка*.

Каждый из социальных вариантов соотнесен с определенной общественной группой и имеет свои особенности. Сравнивая речь старшего и младшего поколений, можно заметить определенные орфоэпические различия (не случайно говорят о «старшей» и «младшей» норме произношения). Речь образованного человека отличается от речи необразованного. Каждый человек на протяжении всей своей жизни имеет отношение к тем или иным социальным группам, что приводит к тому, что в его речи оказываются представленными лингвистические особенности, характерные для этих групп.

Социальных групп в обществе существует очень много, от семьи или узкого круга друзей до многочисленных по своему составу объединений профессиональных, возрастных и др. Естественно, что охарактеризовать речевые особенности каждого социального образования в рамках учебника попросту невозможно. Трудности усугубляются недостаточной изученностью речевых характеристик многих социальных групп. Поэтому ограничимся общими сведениями о наиболее крупных и традиционно выделяемых социальных вариантах языка.

Профессиональные варианты языка

Часто этот тип социальных вариантов языка называют «профессиональные "языки"», и, хотя слово «языки» при этом помещается в кавычки, все равно такой термин нельзя признать удачным. Профессиональные варианты языка используются представителями той или иной профессии для детального обозначения участков определенной области действительности, описания действий и операций, необходимых для профессиональной деятельности, и т.д.

Основная особенность профессиональных вариантов языка — наличие очень подробных терминологических систем, часто

непонятных человеку, который далек от данной профессиональной сферы. Например, тем, кто никогда не сталкивался с работой на токарном станке, вряд ли будут понятны такие обозначения, как *суппорт, станина, шпиндель, люнет, задняя бабка, передняя бабка, планшайба* и др.

Профессиональная терминология может формироваться в ходе практической деятельности (например, терминология рыбаков, охотников, звероловов), а также при теоретическом осмыслении явлений или разделов той или иной области знания. В связи с этим можно констатировать, что профессиональная терминология сближается с научной, несколько отличаясь от нее большей предметностью и практической направленностью. Для представителей многих профессий (лиц, работающих в области высокотехнологичного производства, преподавателей) профессиональная и научная терминология практически сливаются.

Отличаясь от общенародного языка лексически, профессиональные варианты языка практически не отличаются в других отношениях — фонетическом и грамматическом. Случаи, когда при произношении некоторых слов появляются особенности, свойственные представителям какой-либо профессии (ср. в русском языке *рапорт, компас* — у моряков, *алкоголь, наркомания* — у медиков), весьма немногочисленны.

Профессиональные варианты языка ориентируются в основном на письменную форму, используемая в них лексика и фразеология отличается точностью значений и эмоциональной нейтральностью.

Половозрастные социальные варианты языка

У многих народов в языке находит отражение деление общества на мужчин и женщин. Так, в языках некоторых народов Сибири различается мужское и женское произношение. Например, в чукотском языке женщины не произносят звук *p*, на его месте выступает звук типа русского *ц*, но несколько смягченный. Поэтому, например, в мужском произношении по-чукотски *рекэркэн?* ‘что он делает?’ *рэркэ* ‘морж’ а в женском соответственно *цекэциэн?*, *цициэ* (в женском произношении согласный *к* уподобляется предшествующему *ц*, поэтому получается двойной *ци*). В языке юкагиров (на северо-востоке Сибири) есть звуки, которые мужчинами произносятся как [т’], [д’], детьми и женщинами как [ц], [дз], а стариками как [ч’], [д’ж’].

Особенности, характерные для половозрастных групп, могут быть обнаружены и в европейских языках. Так, уже давно было подмечено, что в речи женщин в русском языке существует тенденция произносить гласный [о] практически как дифтонг, начальный элемент которого близок [у], а конечный является

промежуточным между [o] и [a]: [vu t] ‘вот’, [p tu m] ‘потом’ и др. Полагают, что такого рода различия между мужским и женским произношением могут быть обнаружены в любом языке.

Различия между мужским и женским социальными вариантами языка не ограничиваются произношением. Отражаются они и в лексике. Известно, в частности, что женщины гораздо чаще, чем мужчины, используют слова с ярким эмоциональным значением, такие, как *кошмар*, *ужас*, *вкусненький* и т.п.

Что касается возрастных различий, то в каждом языке они выступают с достаточной очевидностью. Речь детей отличается от речи взрослых не только более узким словарным запасом, но и использованием особых языковых средств: своеобразной детской интонацией, большим числом звукоподражаний, относительно простым синтаксисом, отсутствием пространных монологов и т.д. Вообще различия между «младшей» и «старшей» нормой в языке, вероятно, будут существовать всегда, так как именно таким образом идет постепенное обновление языка. В качестве примера приведем постепенное изменение произношения конечного *-ся* в возвратных глаголах в русском языке. Старшее поколение еще произносит *встретил[сѣ]*, *остал[сѣ]*, в то время как младшая норма — *встретил[с'ѣ]*, *остал[с'ѣ]* — становится все более распространенной.

Сословно-классовые социальные варианты языка

Существующие в обществе классы (рабочих, крестьян и др.), несомненно, представляют собой определенные социальные группы, и поэтому вполне естественно, что в речи представителей одного класса могут наблюдаться те или иные общие особенности.

В качестве примера сословно-классовых вариантов языка можно привести кастовые языки Индии. В частности, в тамильском языке (Южная Индия) представители разных каст одно и то же слово произносили по-разному: там, где представители высшей касты («брахманы» ‘жрецы’) произносили *и*, представители каст, стоящих на одну-две ступеньки ниже («кшатрии» ‘воины и правители’, «вайшьи» ‘земледельцы и купцы’) должны были произносить *ч*, а те, кто относились к низшей касте («шудры» ‘слуги’), — как *с*.

Следует отметить, что нельзя говорить о сословно-классовых вариантах языка в тех случаях, когда представители двух разных классов или сословий используют разные языки. Французский язык дворянства в 19 веке в России или в период норманнского завоевания в Англии, латинский язык в период средневековья в странах Западной Европы — всё это примеры использования того или иного языка в определенной функции, но не имеющие отношения к социальной дифференциации языка.

Жаргоны

Жаргоном называется социальный вариант языка, включающий языковые единицы, не имеющие официального нормативного статуса и не создаваемые намеренно для сокрытия содержания передаваемой информации. К данному определению следует добавить, что жаргон по своей природе не связан с той или иной территорией, то есть не может считаться разновидностью территориального диалекта. Являясь социальным вариантом языка, жаргон используется общественной группой, составляющей лишь часть носителей языка (как правило меньшую) и поэтому не может быть отождествлен с разговорно-обиходным языком.

Для всех жаргонов характерно наличие слов, которые обозначают то, что уже имеет свое название в литературном языке или его разговорно-обиходной разновидности (ср. *корочки*, *колеса* в жаргоне и *туфли*, *ботинки* в литературном языке). Жаргонные слова могут носить как шутливо-ироничный характер, так и вульгарно-просторечный. Как писал один из известных лингвистов

В.М. Жирмунский, жаргон является своего рода языковой игрой, подчиненной принципам эмоциональной экспрессивности.

Разнообразие жаргонов таково, что дать их детальное описание не представляется возможным. До настоящего времени нет и общепринятой их классификации. В качестве основных выделим два типа жаргонов — производственные и бытовые.

Производственные жаргоны

В устной речи представителей той или иной специальности для обозначения тех или иных явлений, связанных с производственной деятельностью, часто встречаются слова и выражения, обладающие довольно высокой степенью эмоциональной экспрессивности. Интересные примеры употребления производственных жаргонизмов в устной речи наборщиков типографии в 30-е годы приводит академик Д.С. Лихачев. Словом *шник* ('сало') называлась выгодная работа; неразборчивое место в рукописи — *муха*; ошибочный пропуск — *бык* или *козел*; двойной набор одного и того же фрагмента — *покойник*. Любопытно, что в языке немецких наборщиков того же времени выгодная работа называлась *speck* 'сало', два раза набранное место — *wurmking* (букв. 'король червяков'), крупный пропуск — *leichnam* 'труп'. Конечно, вполне возможно, что в словаре российских наборщиков частично это были заимствования, но сам факт наличия таких слов в лексике профессиональной группы безусловно не случаен. Кстати, в речи английских наборщиков выгодная работа также называлась *fat* 'жир, сало'.

Производственные жаргонизмы есть в устной речи представителей любой специальности, ср., например, в профессиональной речи шоферов *кирпич* — дорожный знак, запрещающий проезд, или выражения в среде научных работников: *остепениться* — защитить кандидатскую диссертацию, *завалить тему* — не справиться с анализом и освещением поставленной проблемы. К производственному жаргону должны быть отнесены используемые в вузах слова и выражения *пара* — двухчасовая лекция или семинар, *пройти сессию* — сдать экзамены, *взять академ* — уйти в академический отпуск, *курсовик* — курсовая работа, *лаба* — лаборатория и т.д. В отличие от профессиональных вариантов языка, производственные жаргоны практически не употребляются в нормативной письменной речи.

К производственным жаргонам можно отнести также жаргоны спортсменов, музыкантов, художников, военных и др.

Бытовые жаргоны

Бытовые жаргоны — это социальные варианты языка, формирующиеся в рамках любой группы людей, существующей как более или менее оформленное целое даже в течение непродолжительного срока (например, совместный отдых). Основная область значений, охватываемых бытовыми жаргонами, — быт и досуг. Носителями такого рода жаргонов является главным образом молодежь, но жаргонные системы могут возникать и среди представителей старшего поколения. Кроме того, нельзя забывать, что выросшая молодежь, перейдя в другую возрастную группу, так или иначе хранит в памяти жаргонную лексику, а порой и использует в речи.

Примеры жаргонизмов в русском языке: *бабки* ‘деньги’, *забойный* ‘необычный’, *машка* ‘девушка’, *намылиться* ‘собраться идти куда-нибудь’, *прикол* ‘развлечение’, *слинять* ‘уйти’, *смотаться* ‘сходить за кем (чем-)нибудь’, *облом* ‘неудача’. Литературные слова часто используются в переносном значении. Довольно много фразеологизмов: *глухо как в танке* ‘безвыходное положение, тупик’, *забить стрелки* ‘договориться о времени встречи’, *в кайф* ‘нравится’, *чердак съезжает* или *крыша едет* — ‘о человеке, теряющем рассудок’. Часто жаргонные слова и фразеологизмы имеют очень широкую семантику и понимаются исходя из ситуации. Например, выражение *ну ты вообще* может иметь значения одобрения, неодобрения, восхищения и др.

Основным стимулом для производства жаргонного слова является стремление создать обозначение яркое, обращающее на себя внимание, шутовское, озорное. В конечном счете это реализация желания уйти от стереотипа, шаблона при выражении того или иного содержания.

Одной из особенностей бытовых жаргонов является их нестабильность. Лексический состав таких жаргонов меняется очень быстро. Например, носители молодежного жаргона 90-х годов практически не используют многие жаргонизмы, бытовавшие в 70-е годы: *батон* ‘девушка’, *долбан* ‘окурок’, *клюка* ‘жена’, *сапог* ‘дурак’, *пускать леца* ‘привлекать внимание’ и др.

Арго

Арго (из франц. *argot*) — это социальные варианты языка, сформировавшиеся в среде людей, которые в силу тех или иных причин заинтересованы в обособленности от остальной части общества, в том числе и при помощи языка.

Обычно к арго относят речь представителей преступного мира и так называемые условные языки ремесленников и торговцев.

Арго представителей преступного мира в русском языке известно под названием *блатная музыка* или *феня*. Оно используется людьми, принадлежащими к уголовной среде. Данный социальный вариант языка может быть сопоставлен с профессиональными вариантами и производственными жаргонами. Так же, как в профессиональных вариантах языка, существует детализированная терминология, связанная с характером деятельности говорящих. Число синонимов, обозначающих некоторые понятия, весьма значительно. Например, по данным словарей, во французском арго существует 160 выражений и слов для понятий «воровство», «украсть», «вор», 40 — для понятия «обмануть», 45 для понятия «убежать» и т.д. Примерно такая же картина и в русском арго. Слов и выражений со значением «украсть», «огрбить» в русском арго уголовного мира насчитывается более двухсот, слов со значением «обмануть» — около шестидесяти, обозначений различных воровских специальностей — более полутора сотен.

Приведем некоторые примеры: «воровать» может обозначаться словами и выражениями *алыргать*, *аишманить*, *базаровать* (воровать на рынке), *бить в верхний потолок* (воровать из верхнего кармана), *делать погоду*, *держат бан* (воровать на вокзале) и др. Некоторые обозначения воровских специальностей: *белочник* или *голубятник* — ‘ворующий белье во время просушки’, *буфетник* — ‘ворующий из столовых и буфетов’, *верхушечник* — ‘ворующий из наружных карманов’, *глухарь* — ‘ворующий у пьяных’, *домушник* или *скокарь* — ‘квартирный вор’, *майданник* или *банщик* — ‘вокзальный вор’.

Разумеется, не следует считать, что столь многочисленные синонимические ряды могут быть целиком представлены в речи одного человека, однако сам факт их наличия достаточно показателен.

К воровскому арго примыкает арго наркоманов, ср. *машина* ‘шприц’, *мультики* ‘галлюцинации’, *нохалонос* ‘наркоман, принимающий наркотики путем вдыхания через нос’, *пластилин* ‘пыльца конопли, соскобленная с тела человека, животного’.

Несмотря на наличие многочисленных синонимических рядов, арго преступного мира оказывается в общем беспомощным в случаях, когда необходимо передать информацию, выходящую за пределы преступных занятий и быта представителей уголовной среды.

Другая разновидность арго — условные языки ремесленников и торговцев. Такого рода языки были широко распространены в прошлом и связаны с цеховой организацией труда. Говоря об условном языке торговцев, в русском языке чаще всего имеют в виду язык офеней — крестьян ряда уездов Владимирской губернии. Офени

торговали мелочными товарами и со своими лавочками добирались до самых отдаленных уголков России. Использование непонятого для окружающих языка (его названия — «офенский», «кантюжный», «ламанский», «галивонский») позволяло им договориться о совместном обмане покупателя, помогало оборониться от лихого человека. Вот несколько примеров из офенского языка: *кимать* ‘спать’, *керять* ‘пить’, *клёвый* ‘хороший’, *хлить*, *хандырить* ‘идти’, *баиш* ‘грош’, *лох* ‘мужик’, *юсы* ‘деньги’.

Фразы, произнесенную носителем офенского аргю, понять было невозможно: *Рона кимать, полумеркоть, рыхло закурещат ворыханы* ‘Пора спать, полночь, скоро запоют петухи’. Еще пример: *Аламонные карюки курещали курески, ласые мещаты грошались* ‘Красные девки пели песни, малые ребята смеялись’.

Ремесленники, стремившиеся сохранить в тайне свое ремесло и подороже продать свою продукцию, также имели свои условные языки. Например, в России известны такие языки у шаповалов, шерстобитов.

По своим характеристикам аргю напоминает не только профессиональные варианты языка, но и жаргоны: арготическому слову нередко нельзя отказать в эмоциональной выразительности, метафоричности, ср. *медведь* ‘сейф’, *орел* ‘сердце’, *лунатик* ‘ночной грабитель’, *мишка* ‘безобидный пьяница’, *мордогляд* ‘зеркало’ и др. Тем не менее аргю отличается от других социальных вариантов тем, что ему присуща функция сокрытия информации. Непонятная для окружающих арготическая лексика, кроме того, служит для ее носителей средством опознать своего.

В конспиративных целях используются заимствования, а также изобретаются разнообразные способы сделать непонятыми для окружающих даже общеупотребительные слова. Это может быть перестановка звуков — *рона* вместо *пора*, - добавление слогов или звуков, дезориентирующих слушателя. Ср. примеры из офенского языка: *ширман* ‘карман’, *широго* ‘дорого’, *шовар* ‘товар’. Подобные примеры такого способа словесной конспирации иногда встречаются в детской речи: после каждого слога или перед ним добавляется какое-либо сочетание звуков, например, *ки*, *ши* и т.п. Фраза, таким образом, приобретает следующий вид: *Ламкинаки стокиякилаки наки стокилеки*, то есть ‘Лампа стояла на столе’. В общем аналогичная, хотя и несколько усложненная процедура применяется в так называемой «поросычьей латыни» («Pig Latin»), используемой школьниками США.

Завершая характеристику социальных вариантов языка, отметим, что в процессе реального функционирования они не разделены резкой границей. Слова и выражения из одного

социального варианта нередко переходят в другой, и часто бывает нелегко определить, является ли то или иное слово жаргонным, арготическим или же относится к какому-либо иному социальному варианту языка.

Важно отметить, что отличия социальных вариантов языка от других форм его существования затрагивают главным образом лексику. Отчасти они могут распространяться на фонетику и словообразование. Что же касается грамматики, то социальные варианты опираются на общеязыковую систему и своей специфики практически не имеют.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Литературный язык и другие формы существования языка

Литературным языком называется форма существования языка, воспринимаемая говорящими как образцовая и отличающаяся от других форм существования языка письменной закрепленностью, наддиалектным характером, обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией.

Часто встречается, особенно в лингвистических работах, недифференцированное употребление терминов *литературный язык* и *язык художественной литературы*. Между тем эти два понятия не совпадают. С одной стороны, литературный язык шире, чем язык художественной литературы, прежде всего в силу своей полифункциональности. Дело в том, что литературный язык используется не только в художественных произведениях (что вполне естественно), но и как язык науки, государственного управления, обиходно-разговорного общения и т.д. С другой стороны, понятие «язык художественной литературы» не укладывается полностью в рамки литературного языка, поскольку в художественном произведении автор может использовать элементы из других форм существования языка — диалектов, жаргонов, арготического и т.д.

Одной из основных характеристик литературного языка считается его письменная закрепленность. Некоторые лингвисты, однако, считают, что этот признак не следует считать обязательным, поскольку в истории многих языков литературная традиция складывалась в дописьменный период. В качестве примера приводятся поэмы Гомера, песни Эдды, обрядовые формулы,

которые первоначально существовали в устной форме и лишь позднее получили письменную фиксацию. Конечно, данная точка зрения заслуживает внимания, однако если даже согласиться с возможностью существования дописьменных литературных языков, то нельзя не признать, что они не обладали (или обладали не в полной мере) признаками, характерными для литературного языка письменного периода: полифункциональностью, развитой стилистической дифференциацией, наддиалектным характером (отсутствием закрепленности за определенной территорией). Иначе говоря, о литературном языке в дописьменный период существования языка можно говорить со значительными оговорками.

Важным признаком литературного языка является его наддиалектный характер. Отсутствие территориальной ограниченности, свойственной диалектам, обуславливает единство литературного языка в пределах распространения национального языка. Например, нормы русского литературного языка одни и те же для всех, кто им пользуется, независимо от места их проживания.

Одним из существенных признаков литературного языка часто называют его обработанность. Под обработанностью понимается соответствие языковых средств, имеющихся в языке, сложившимся стилистическим и структурным нормам. Обработанность предполагает наличие строгой регламентации в отборе и употреблении языковых средств. Письменная фиксация всех норм такого рода называется *кодификацией*. Развитый литературный язык — это язык кодифицированный, отраженный в нормативных словарях и обладающий системой письменно закрепленных грамматико-стилистических норм.

О полифункциональности литературного языка речь уже шла, однако необходимо еще раз подчеркнуть, что в этом отношении литературный язык отличается от всех других форм существования языка. Фактически именно литературный язык обладает той степенью универсализма, которая позволяет обеспечить потребности обмена информацией в любой коммуникативной сфере.

Употребляясь практически во всех сферах общественной жизни, литературный язык стилистически дифференцируется. *Стиль* представляет собой систему языковых средств, закрепленных в литературном языке за той или иной сферой общения. Традиционно в развитых литературных языках принято выделять стили научный, литературно-художественный, публицистический, официально-деловой, разговорно-обиходный. В каждом из стилей обычно выделяются подстили (например, в официально-деловом — обиходно-деловой). Кроме того, каждый стиль может быть реализован как в письменной, так и в устной форме. В рамках

остальных форм существования языка стилистическая дифференциация практически не представлена.

Формирование и функционирование литературного языка

Возникновение литературного языка в разных странах имело свои особенности. Прежде всего следует отметить, что в качестве литературного может выступать язык, неродной для основной части населения. В частности, известна роль латинского языка в средневековой Европе, арабского языка в странах Ближнего и Среднего Востока, старославянского языка в славянских странах.

Литературный язык, являющийся родным для говорящих на нем, как правило формируется на базе того или иного диалекта или целой группы диалектов. Чаще всего это диалект политического центра. Например, во Франции в основу литературного языка лег диалект Парижа, в Англии — диалект Лондона, в Японии — диалект Токио. Диалектной базой для литературного языка могут оказаться и говоры наиболее экономически развитой части страны. В Германии, например, в основу литературного языка легли верхненемецкие диалекты Саксонии, в Испании — кастильский диалект.

Выдвижение того или иного диалекта в качестве основы для литературного языка отнюдь не означает, что все его характеристики приобретут статус литературного языка. Формирование литературного языка — процесс длительный, причем диалектная база может смениться. Например, первоначально в основу английского литературного языка лег уэссекский диалект, именно на нем были написаны древнеанглийские рукописи, однако затем возобладал диалект Лондона. Далекко не сразу установилась диалектная база и для немецкого литературного языка.

Часто формированию литературного языка предшествует возникновение так называемых междиалектных *койне* (греч. *koine dialektos* ‘общее наречие’). Койне представляет собой языковое образование, в котором различия между диалектами стерты настолько, что общение между говорящими не встречает серьезных препятствий. Обычно междиалектные койне возникали в среде городского населения. В частности, московское койне легло в основу русского литературного языка, койне Лондона — в основу английского литературного языка. Следует отметить, далее, что иногда возможно использование одновременно двух литературных языков. Чаще всего один из них является заимствованным, а другой восходит к национальной традиции. Такова языковая ситуация в

Индии, где в качестве литературного языка используются английский и хинди. Редки, вероятно, даже уникальны случаи, когда одновременно используются два литературных языка, сформировавшиеся на национальной основе. Примером этого может служить Норвегия, где существуют два литературных языка — «риксмол» (или «букмол») и «лансмол» (или «нюнорск»), причем оба возникли на базе норвежского языка.

Наконец встречаются случаи, когда не совсем ясно, об одном или нескольких литературных языках следует вести речь. Имеются в виду так называемые национальные варианты литературных языков: английский в Великобритании, США и Австралии, немецкий в Германии и Австрии, испанский в Испании и Южной Америке, португальский в Португалии и Бразилии.

В заключение отметим, что литературный язык находится в состоянии активного взаимодействия с другими формами существования языка, с одной стороны, увеличивая свой лексический запас за счет заимствований, с другой — являясь нормативным ориентиром для остальных вариантов языка, основой для национального языка в целом.

ЯЗЫК КАК СИСТЕМА ЗНАКОВ

ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК

Общение между людьми может происходить в двух формах — предметной и знаковой. **Предметное** общение предполагает непосредственное использование предметов в ситуации общения (например, когда один человек передает другому книгу) или их демонстрацию (скажем, если говорящий не знает названия какого-то предмета, он может просто указать на него — разумеется, если этот предмет находится в поле зрения собеседников). Понятно, что возможности такого общения весьма ограничены. Либо мы можем говорить только о том, что нас окружает в момент речи, либо нам необходимо носить с собой все предметы, о которых мы хотим говорить, как это делали в известном романе Дж. Свифта ученые-лапутяне, что, конечно же, в реальной жизни невозможно. Более того, предметное общение вообще не может использоваться в тех случаях, когда речь идет об отвлеченных понятиях.

Суть знакового общения состоит в том, что все конкретные предметы и абстрактные понятия заменяются знаками. Вместо того, чтобы приносить с собой предмет, о котором мы собираемся говорить, мы можем принести его фотографию, нарисовать его или назвать словом. Во всех этих случаях сам предмет физически не присутствует в ситуации общения, однако все собеседники понимают, о чем идет речь, поскольку им предъявлен "заместитель" этого предмета, его **знак**.

Первое обязательное требование к знаку состоит в том, что он должен быть *материальным*. Знаком может быть звуковой сигнал, жест, написанное или произнесенное слово, запах, какой-либо предмет — иными словами, все, что может восприниматься органами чувств человека.

В этом случае возникает вопрос — чем же тогда материальные предметы-знаки отличаются от всех прочих материальных предметов, не являющихся знаками? Сущность обыкновенного предмета целиком определяется его собственными свойствами, качествами, признаками — размером, формой, структурой, цветом, материалом, из которого он сделан, и т.д. Нам не придет в голову кипятить воду в кожаной сумке или забивать гвозди хрустальной вазой. Но как только тот же самый предмет начинает использоваться

в качестве знака, почти все столь существенные для него самого качества перестают быть существенными. По книгам и фильмам о разведчиках мы хорошо знаем о существовании условных знаков, сообщающих, скажем, о проваленной явке. Часто для этого используется какой-либо предмет, поставленный на подоконник так, чтобы его было видно с улицы, или же, напротив, убранный с подоконника, если в обычной ситуации он там стоит. Имеет ли значение, какой именно предмет это будет? Мы можем договориться о том, что в случае провала на подоконнике будет стоять цветок, или пустая ваза, или уют, или будет лежать стопка книг и т.д. Важно только, чтобы тот, кому мы хотим сообщить о провале явки, знал, какой это будет предмет. Впрочем, можно договориться и так, что это будет *любой* предмет, если в обычной ситуации на подоконнике ничего нет.

Иными словами, для того, чтобы какой-нибудь предмет превратился в **знак**, достаточно просто договориться о том **значении**, которое мы ему приписываем. При этом совершенно не важно, будет ли этот предмет сделан из кожи, из хрусталя или из железа. Становясь знаком, предмет как бы теряет свои собственные свойства, теряет свою обычную функцию. Поставленная на подоконник проваленной явки ваза используется в этом случае *не как ваза, а как знак*, а поэтому совершенно неважно, хрустальная она или пластмассовая. Она приобрела новую функцию, для которой присущие ей как вазе свойства могут не иметь значения. Эта новая функция состоит в том, что теперь наш предмет **обозначает что-то помимо себя самого**. В вазе как таковой нет никакого **значения**, но, попав в *знаковую ситуацию*, она приобретает **направленность на значение**, начинает ассоциироваться для нас с чем-то другим, с чем-то, к чему она как ваза никакого отношения не имеет.

Все знаки делятся на **условные** и **безусловные**. Последние, в свою очередь, делятся на знаки-копии (например, фотографии или отпечатки пальцев) и знаки-признаки (их также называют симптомами, приметами и т.п.). Все условные знаки — это *знаки общения*. Они создаются специально для передачи информации. С этой же целью могут использоваться и знаки-копии, хотя для этого они тоже должны приобрести дополнительное, условное значение (к примеру, сама по себе фотография человека — это еще не знак общения, она может представлять чисто эстетическую ценность; но если эту фотографию показывают кому-то для того, чтобы он смог при встрече узнать этого человека, то фотография приобретает новое значение, известное и тому, кто ее показывает, и тому, кому ее показывают). Отличительной же особенностью знаков-признаков является то, что, будучи связанными с обозначаемыми предметами

как части с целым или же как действия со своими причинами или следствиями, они используются человеком для *приобретения* информации, которой ему никто намеренно не передавал.

В качестве примеров безусловных знаков-признаков обычно приводят лужи, которые являются знаком прошедшего дождя, или оставшиеся на снегу следы, по которым охотник определяет, какой зверь там прошел. Между дождем и человеком не только нет договоренности о том, *что* будут обозначать лужи, но и нет общения как такового. Лужи после дождя — это та же самая вода, которая называется дождем, пока она падает с неба, то есть это непосредственное следствие, как бы следующая стадия дождя. В случае с прошедшим по снегу зверем дело обстоит несколько иначе, однако и здесь трудно говорить об общении. Зверь вовсе не хочет сообщать охотнику о своем присутствии. Больше того — он может ничего не знать о существовании охотника. Следы — это, конечно, не часть самого зверя, но это результат его механического воздействия на снег. Связь между следами и самим прошедшим зверем *безусловна* в том смысле, что о ней никто не договаривался, она существует не для передачи информации, она просто существует. На основе знаков-признаков человек, знакомый с каким-то явлением, может судить о его существовании, может делать собственные умозаключения. Это такая информация, которую человеку никто намеренно не *передает*, а значит — здесь отсутствует общение. Таким образом, разница между условными знаками (то есть знаками общения) и признаками состоит, помимо всего прочего, в том, что признаки — это части самого предмета или явления, а также естественные последствия явлений, существующие *вне зависимости от наличия или отсутствия общения*.

В отличие от знаков-признаков, у *знаков общения* значение возникает в результате устанавливаемой *условной* связи между их материальной оболочкой, которая называется **означающим**, и тем, *что* с помощью этих знаков обозначают (предметами, явлениями, понятиями), то есть **означаемым**. Сама по себе материальная оболочка знака в большинстве случаев не имеет ничего общего с тем, что этот знак обозначает. Мы уже видели, что одну и ту же ситуацию можно обозначить и с помощью вазы, и с помощью цветка, и с помощью любого другого предмета. Материальная форма знака может быть чем-то похожа на свое означаемое, но для знаковой ситуации как таковой это необязательно. Показательна в этом отношении система дорожных знаков. Некоторые из них вполне наглядно изображают обозначаемую ситуацию: так, например, схематичная фигурка идущего человека похожа на переходящего улицу пешехода, а изображение автомобиля с облачком возле

выхлопной трубы действительно напоминает стоящий автомобиль с работающим мотором. Но в этой системе есть и другие знаки — скажем, так называемый "кирпич", означающий, что проезд запрещен, ничем не напоминает ни автомобиль, ни проезд. Следовательно, "похожесть", которая облегчает запоминание знаков, на самом деле не является результатом какой-либо внутренней связи означаемого с означающим. В момент создания знака эта связь **произвольна**. Так, можно договориться, что на окне будет стоять ваза, а можно — что уют, запрет можно изобразить горизонтальной чертой, можно — скрещенными линиями, можно — какой-то буквой (скажем, *з* — запрет, *н* — нет, *с* — стой и т.д.), а можно договориться о том, что запрет будет изображаться синим треугольником на фоне оранжевого квадрата. Именно потому, что означающее и означаемое по своей природе не имеют ничего общего, связь между ними произвольна в том смысле, что она не мотивирована, не обусловлена их общностью. Эта связь всегда условна, то есть она устанавливается в тот самый момент, когда мы о ней договариваемся.

Особое положение среди условных знаков занимают **СИМВОЛЫ**. Это знаки, у которых связь между означающим и означаемым условна, но при этом материальная оболочка символа должна быть каким-то образом мотивирована тем предметом или явлением, для обозначения которого этот символ используется. Чаще всего символ является обобщенным образом обозначаемого предмета, явления, понятия. Примерами символов могут служить профессиональные эмблемы — маска как символ театра, серп и молот как символы труда крестьян и рабочих, книга как символ знания и т.д. Разумеется, можно условиться и о другом символе — скажем, можно обозначать театр, изображая не маску, а занавес. Но так или иначе, чтобы знак был символом, его материальная оболочка должна *символизировать* обозначаемый предмет.

Насколько для создания знака связь данного, конкретного означающего с данным, конкретным означаемым **произвольна**, настолько же она **обязательна** для тех, кто пользуется этим знаком: для того, чтобы понимать друг друга, необходимо пользоваться одними и теми же знаками, то есть одному и тому же означаемому должно в речи всех говорящих соответствовать одно и то же означающее. Действительно, что было бы, если бы каждый человек использовал слова, придавая им свои значения, о которых не знали бы окружающие!

Для того, чтобы какой-то предмет (или звук, жест и т.п.) мог стать условным знаком, он обязательно должен быть **противопоставлен** какому-то другому предмету (звуку, жесту) — хотя бы одному. Иначе говоря, он должен войти в **систему знаков**.

Стоящая на подоконнике ваза может обозначать опасность только в том случае, если обычно ее там нет. В противном случае — если она всегда там стоит — она ничего не может *обозначать*, тогда она — просто ваза. Для того, чтобы приобрести способность что-то обозначать, она должна быть противопоставлена другому *знаку*, в данном случае — *нулевому* (то есть значимому отсутствию материально выраженного знака). Обычно знаки, входящие в *минимальную знаковую систему* (то есть в систему, состоящую всего из двух знаков — материально выраженного и нулевого), называются **сигналами**. Сигналом к началу какого-то действия может быть выстрел стартового пистолета, звонок, гудок, взмах руки, выстрел из ракетницы и т.п. Во всех этих случаях материально выраженный сигнал противопоставляется его отсутствию.

В больших, многокомпонентных знаковых системах отношения между знаками оказываются значительно сложнее. В них содержание знака определяется не только связью означающего с означаемым, но также и связью между самими знаками внутри системы. Если связь означающего и означаемого называют **значением**, то содержание знака, определяющееся его положением в системе, называют **значимостью**. Чтобы понять разницу между значением и значимостью, рассмотрим две системы оценок: "хорошо" — "плохо" и "отлично" — "хорошо" — "удовлетворительно" — "плохо". Значение слова "хорошо" в обоих случаях одно и то же — "вполне положительно," — однако значимость у них разная. В первой системе "хорошо" — это все, что не плохо, тогда как во второй это не только не плохо, но даже и не удовлетворительно, хотя все-таки и не отлично. В первом случае "хорошо" — единственная оценка, покрывающая всю положительную сферу, тогда как во втором эта сфера поделена между тремя разными оценками. Значение слова остается тем же, а роль, значимость, весомость в системе меняется из-за того, что появляются другие знаки.

Вполне естественно, что среди всех знаков лингвистов интересуют главным образом знаки общения и в первую очередь — *языковые знаки*. Как и все прочие знаки, они всегда **материальны** и **направлены на значение, означая что-то помимо себя самих**. Языковые знаки всегда **условны**, то есть **связь означаемого и означающего у них произвольна** (но при этом, будучи однажды установленной, она становится **обязательной** для всех носителей данного языка). Как и все условные знаки, они всегда **являются членами знаковой системы**, а следовательно, обладают не только **значением**, но и **значимостью**.

Помимо свойств, общих для все знаков, языковые знаки имеют еще и некоторые особые, только им присущие характеристики. К их числу относится **линейность** — свойство, заключающееся в том, что языковые знаки всегда следуют друг за другом, никогда не совмещаясь в пространстве (при письме) или во времени (в устной речи). Можно представить себе неязыковой знак (скажем, сигнал), состоящий в том, что в определенный момент зазвучит аккорд, состоящий из трех звуков, каждый из которых будет иметь свое значение. Но не бывает языковых знаков, в которых в пространстве или во времени совмещалось бы несколько единиц. Они всегда следуют друг за другом по одной, разворачиваясь в линейную цепь.

У языковых знаков есть еще одна особенность, связанная с диахроническим аспектом их существования: языковой знак характеризуется **изменчивостью** и одновременно **стремлением к неизменности**. Такое противоречие объясняется тем, что язык используется обществом, которое, с одной стороны, нуждается в постоянно изменяющемся языке для выражения своих меняющихся знаний о мире, а с другой стороны — в неизменной, стабильной системе общения, так как любые изменения в языке поначалу вызывают затруднения в общении. Поэтому на языковые знаки постоянно действуют две разнонаправленные силы, одна из которых подталкивает их к изменению, а другая стремится их удержать в неизменном виде.

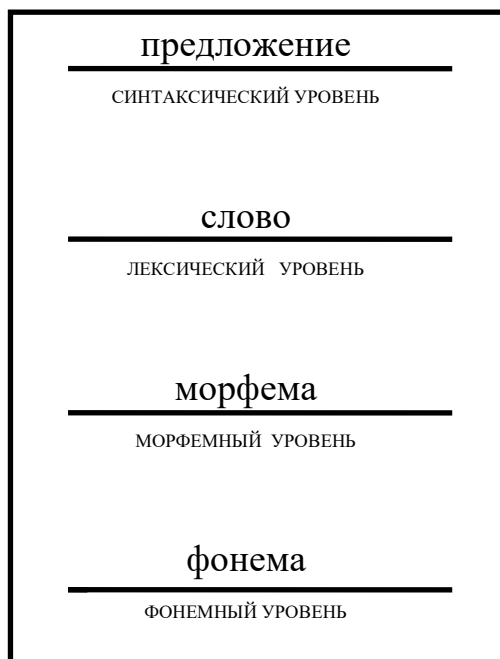
ЯЗЫК КАК СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

При обсуждении свойств всех условных знаков, в том числе и языковых, уже говорилось о том, что знаки не могут существовать изолированно и всегда образуют систему. Система — это совокупность взаимосвязанных единиц, образующих единое целое. Какими же отношениями связаны единицы в системе языка и каково в связи с этим строение языковой системы?

Обращает на себя внимание то, что единицы языка неоднородны по своему строению. Есть единицы относительно простые — скажем, звуки, — а есть и такие сложные, как словосочетания и предложения. При этом более сложные единицы всегда состоят из более простых. Поскольку система — это не случайный набор элементов, а их упорядоченная совокупность, то для понимания того, как "устроена" система языка, все единицы

необходимо прежде всего сгруппировать по степени сложности их структуры.

Итак, самые простые единицы языка — это звуки. Для того, чтобы звуки языка отличить от неязыковых звуков, их называют **фонемами**. Сами по себе они ничего не обозначают (то есть *не являются знаками*) и служат для построения более сложных единиц, которые уже имеют значение. *Минимальная значимая* единица языка — **морфема** (этот термин используется для обобщенного названия корней и аффиксов³). Морфемы уже что-то обозначают, но самостоятельно употребляться еще не могут. Относительной самостоятельностью обладает следующая по степени сложности единица — **слово**, которое строится из морфем. Слова отличаются от морфем тем, что они уже не просто имеют какое-то значение, но способны что-то *называть*, то есть слово — это *минимальная номинативная* (назывная) единица языка. Из слов строится **предложение**, наиболее сложная и самостоятельная из единиц языка, с помощью которой мы можем уже не только назвать какой-то предмет, но и что-то о нем сообщить, то есть предложение — это *минимальная коммуникативная* единица языка.

Таким образом, можно говорить о разных **уровнях организации языковых единиц**, или о разных **уровнях (ярусах) языковой системы**. При этом единицы каждого уровня строятся из единиц более

³ Аффиксами называются служебные единицы, использующиеся для образования слов и словоформ.

низкого уровня (если таковые имеются) и функционируют в составе единиц более высокого уровня: морфемы строятся из фонем и функционируют в составе слов (то есть служат для построения слов), слова строятся из морфем и функционируют в составе предложений. Отношения такого типа называются иерархическими, следовательно, можно сказать, что система языка имеет **иерархическую структуру**. Начиная с морфемного уровня, все единицы языка представляют собой знаки, то есть являются **двусторонними** единицами, имеющими **план выражения** и **план содержания**. В плане выражения знак представлен означающим, а в плане содержания — означаемым.

Все сказанное о соотношении единиц разных уровней не означает, что морфема должна обязательно состоять из нескольких фонем, слово — из нескольких морфем, а предложение — из нескольких слов. Разница между единицами разных уровней не количественная, а качественная. Морфема может состоять из одной фонемы. Но если фонема сама по себе значения не имеет, то однофонемная морфема — это уже знаковая единица (ср. фонему [л] в слове *лист*, где она ничего не означает, и морфему *-л* в составе словоформы *ходил*, где она является показателем прошедшего времени). Слово может состоять из одной морфемы, но отдельная морфема, что-то обозначая, еще ничего не называет, а одноморфемное слово называет (ср. корневую морфему *мил-*, которая может функционировать в составе слов *милый*, *милочка*, *милашка* и т.д., и краткое прилагательное *мил* — *он очень мил*). Предложение также может состоять из одного слова, однако при этом слово само по себе хотя что-то и называет, но ничего не сообщает, а предложение сообщает (ср. произнесенное или написанное без связи с другими словами, без определенной интонации или знаков препинания слово *зима* и предложение — *Зима.*). Среди лингвистов широко известен рассказ о двух римлянах, поспоривших о том, кто произнесет самую короткую фазу. Один из них сказал: *Eo rus* (Я еду в деревню), на что другой ответил — *I* (Поезжай). Таким образом, перед нами предложение, состоящее из одного слова, которое, в свою очередь, состоит из однофонемной морфемы. Этот пример наглядно демонстрирует качественное, а не количественное различие между единицами разных уровней.

Внутри каждого уровня располагаются более или менее однородные единицы, имеющие одинаковые функции. Они тоже связаны между собой, но уже не иерархическими отношениями. В языке равноправные, одноуровневые единицы могут быть связаны двумя типами отношений — парадигматическими и синтагматическими.

Синтагматическими называют те отношения между единицами языка, в которые они вступают, следуя друг за другом в составе единицы более высокого уровня: отношения между фонемами, составляющими одну морфему или одно слово, отношения между корнем и следующим за ним суффиксом, между суффиксом и окончанием слова, отношения между словами в предложении и даже отношения между предложениями в тексте. Такая последовательность связанных синтагматическими отношениями единиц называется **синтагмой**. Иными словами, синтагматические отношения — это *линейные отношения, отношения линейной последовательности*.

В отличие от синтагматических, **парадигматические** отношения не линейны и не связывают единицы, одновременно использующиеся в речи (тексте). Они объединяют единицы не в последовательности, а в группы и классы в самой системе языка. Парадигматическими отношениями связаны между собой все грамматические формы одного слова (совокупность таких форм называется **парадигмой**), члены синонимического ряда, члены антонимической пары и т.д. Иногда говорят, что парадигматические отношения — это отношения выбора, то есть отношения "или — или", тогда как синтагматические отношения — это отношения "и — и". Если синтагматические отношения предполагают совместное употребление единиц, то парадигматические — необходимость выбора какой-то одной единицы из всех, образующих данную парадигму, данный класс. Из всего множества форм слова в каждый данный момент выбирается только одна, из двух слов, связанных антонимическими отношениями, — одно. Можно сказать, что парадигматические отношения связывают единицы в языке, как в хранилище, а говорящий человек из этого хранилища, из всего множества предлагаемых ему *парадигматически* связанных единиц берет только то, что ему нужно для данного высказывания, и в своей речи связывает все выбранные им единицы *синтагматически*.

Итак, **язык представляет собой систему условных знаков (знаков общения), состоящую из иерархически связанных ярусов, каждый из которых является подсистемой и содержит единицы, находящиеся друг с другом в парадигматических и синтагматических отношениях.**

Теперь, когда мы в общем виде представляем себе, как устроен язык, можно перейти к более детальному рассмотрению каждого яруса, и начать это рассмотрение будет логично с первого, дознакового уровня.

ФОНЕТИКА

Реально произносимая речь построена из звуков, следующих друг за другом. Эти звуковые последовательности являются материальным выражением лингвистических единиц, способных нести значение. Естественно поэтому, что исследование звуковой стороны речевых сообщений традиционно входит в круг интересов языкознания. Раздел языкознания, занимающийся изучением звуков, используемых при создании языковых единиц, называется **фонетикой** (греч. *phonetikos* ‘звуковой, голосовой’).

Фонетика изучает звуки, используемые при построении речевых сообщений, а также сопутствующие им средства — интонацию, тоны и ударение. Звуки, используемые при речевом общении, могут рассматриваться с разных сторон: как явления физические (акустические), физиологические (порожденные работой определенных речевых органов) и функциональные (как элементы, обладающие способностью различать единицы, связанные со значением). Все три аспекта широко используются при лингвистическом описании звуков, причем последний (функциональный) аспект выступает как относительно самостоятельный раздел в составе фонетики под названием «*функциональная фонетика*» или «*фонология*». Некоторые лингвисты даже выводят фонологию из состава фонетики и считают ее самостоятельной наукой.

Фонетика может быть *общей* и *частной*. Общая фонетика рассматривает природу звуковых явлений, общие условия образования звуков речи, анализирует акустические характеристики звуковых единиц, виды взаимодействия звуков, исследует природу интонации и ударения. Частная фонетика рассматривает все данные проблемы по отношению к тому или иному конкретному языку. Общая и частная фонетика тесно связаны и предполагают друг друга.

Фонетика считается *описательной*, или *синхронической*, если она исследует факты того или иного языка в статике, отвлекаясь от их развития. *Историческая* фонетика, в отличие от описательной, изучает звуковые явления с точки зрения их развития на протяжении более или менее длительного временного периода.

Выделяют также *сравнительную фонетику*, которая занимается сравнением звуковых явлений двух или более языков.

УСТРОЙСТВО РЕЧЕВОГО АППАРАТА

Сразу же надо сказать, что термин «речевой аппарат» следует понимать условно. Известно, что специального аппарата, то есть системы органов, предназначенных исключительно для производства и восприятия звуков речи, у человека нет. Все органы, с помощью которых производятся звуки, имеют прямые биологические функции как органы обоняния, вкуса, приема и переработки пищи и т.д. Таким образом, все органы речи выполняют свои функции в дополнение к своим первичным «обязанностям».

Термин «речевой аппарат» может употребляться в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова речевой аппарат — это система органов, включающая органы планирования речи (мозг), органы производства звуков (органы говорения) и органы восприятия звуков (органы слуха). Обычно, однако, в практике лингвистических описаний термин «речевой аппарат» используется в узком смысле слова, при этом имеются в виду только органы говорения. В дальнейшем изложении данный термин будет употребляться именно в этом значении.

При описании строения речевого аппарата фонетика опирается на данные анатомии и физиологии, но при этом отбирается только то, что существенно для лингвистического описания. Например, для фонетики имеет значение выделение кончика языка и спинки языка, в то время как для физиологии это малосущественно.

Весь речевой аппарат условно можно разделить на две части: 1. Органы, не принимающие непосредственного участия в образовании звука, но поставляющие для этого материал — воздушную струю. Струя воздуха — это движущая сила для функционирования речевых органов, участвующих в звукообразовании. 2. Органы, непосредственно участвующие в образовании звуков речи.

В первую группу органов входят лёгкие, бронхи и трахея. В лёгких находится множество мелких лёгочных пузырьков. Лёгочные пузырьки образуют группы, от которых отходят трубочки — бронхиальные ответвления. Эти ответвления подобно веточкам дерева соединяются и образуют все более крупные ветви. В конечном счете все бронхиальные ветви соединяются и переходят в единый ствол — трахею. Трахея представляет собой трубку длиной (у взрослого человека) 11-13 см.

Органы, непосредственно участвующие в производстве звуков речи, — это *гортань*, *глотка*, а также полость носа и группа органов в полости рта. Гортань (лат. *larynx*) находится в верхней части трахеи и представляет собой короткую, расширенную (по сравнению с остальной частью трахеи) трубку, состоящую из хрящей и мягких тканей. Самый большой из этих хрящей — щитовидный — может быть прощупан через кожу. Он состоит из двух пластинок, сходящихся спереди под углом. У мужчин этот угол выдается вперед в виде кадыка, или адамова яблока. Наиболее важной частью гортани с точки зрения звукообразования являются *голосовые связки*. Голосовые связки — это два мускула, расположенные поперек гортани. Они прикреплены к хрящам и способны сближаться друг с другом. Пространство между голосовыми связками называется голосовой щелью. В состоянии покоя голосовые связки у мужчин имеют длину в среднем 1,5 см, а у женщин — 1,2 см. Чем массивнее голосовые связки, тем ниже голос, и наоборот. Качество голоса зависит также от степени напряженности связок, их упругости и иных факторов.

Голосовые связки могут изменять свое состояние и положение относительно друг друга. Различают три основных положения голосовых связок:

1. Голосовые связки расслаблены и разомкнуты. Голосовая щель достаточно широко раскрыта. Воздух проходит свободно, и никаких звуков при этом не возникает. Таково состояние связок при спокойном дыхании.

2. Голосовые связки сближены, но не напряжены. Воздушный поток трется о края щели, и в результате возникает характерный шум трения. Так возникает шепот.

3. Голосовые связки напряжены и практически сомкнуты. Под давлением воздушной струи связки слегка размыкаются, пропускают небольшую порцию воздуха, а затем вновь смыкаются. Этот процесс осуществляется с очень высокой скоростью. Колебания связок передаются воздушной струе. Так возникает голос.

По выходе из гортани выдыхаемая воздушная струя попадает в расположенную непосредственно над гортанью полость глотки (лат. *pharynx*). Глотка представляет собой трубку диаметром около 3 см. Глотка участвует в звукообразовании обычно как резонатор. Впрочем, в некоторых языках у говорящих полость глотки может сужаться за счет мышечного сокращения и сближения с корнем языка, и тогда образуются так называемые фарингальные согласные (например, *h* в английском и немецком языках).

В верхней части глотки передняя часть стенки отсутствует, ее заменяет *мягкое нёбо*, или *нёбная занавеска* (лат. *velum palati*). Нёбная занавеска представляет собой перегородку из мягких тканей, разделяющую полость глотки и полость рта. Она состоит из ряда мышц и заканчивается так называемым *маленьким язычком* (лат. *uvula*), который свешивается вниз, когда человек дышит через рот. С помощью маленького язычка произносится, в частности, французский *r*. Если нёбная занавеска опущена, проход в рот закрыт и воздух из глотки идет через нос. Полость носа является резонатором и придает носовую окраску звукам, ср., например, звуки *m*, *n* во многих языках. Когда нёбная занавеска опущена не полностью, воздух может поступать в рот и в нос одновременно. При таком положении речевых органов произносятся носовые гласные. При поднятом мягком нёбе воздух идет в полость рта.

В полости рта принято выделять ряд речевых органов, играющих весьма важную роль в производстве звуков. Прежде всего следует назвать *язык*. Он способен изменять свой объем и форму, а также перемещаться в полости рта в различных направлениях. Сторона языка, обращенная к нёбу, называется *спинкой языка*. Спинку языка условно делят на три части: *переднюю* (в состоянии покоя обращенную к передним зубам и альвеолам), *среднюю* (в состоянии покоя обращенную к верхней части твердого нёба) и *заднюю* (в состоянии покоя обращенную к мягкому нёбу). Крайнюю переднюю часть языка обычно называют *кончик языка*. Основание языка, соединенное с подъязычной костью, называется *корнем языка*.

Верхнюю часть ротовой полости образует *твердое нёбо* (лат. *palatum durum*). Твердое нёбо также условно делят на две части: *среднее нёбо* (часть, непосредственно примыкающая к мягкому нёбу) и *переднее нёбо* (вся остальная часть до передних зубов). При этом мягкое нёбо называют также *задним нёбом*. На твердом нёбе расположены *альвеолы* — небольшой валик по краю нёба над зубами. Переднюю границу полости рта образуют *зубы* и *губы*.

Все органы речи в зависимости от характера их участия в процессе образования звуков можно разделить на *активные* и *пассивные*. Активными являются речевые органы, производящие движение, пассивные же не производят самостоятельной работы и служат как бы точкой опоры для активных органов.

Деление на активные и пассивные органы имеет относительный характер и не всегда допускает однозначность. Так, при образовании губных согласных звуков *b*, *p*, *m* нижняя губа более подвижна, однако и верхняя губа также совершает движение. Тем не менее в большинстве случаев деление органов речи на активные и пассивные не вызывает сколько-нибудь значительных трудностей.

Например, при произнесении *v, f* активный орган — нижняя губа, пассивный — зубы. Наибольшие возможности в сближении с разными пассивными органами имеет кончик языка. Он может взаимодействовать с зубами (русск. *т, д, л*), альвеолами (англ. *t, d, l*), загигаться вверх выше альвеол (русск. *р*). Передняя часть спинки языка более ограничена в своих движениях: она может сближаться с передним нёбом (русск. *ж, ш*). Средняя часть спинки языка может взаимодействовать со средним нёбом (звук *j* во многих языках), а задняя часть спинки языка обычно взаимодействует с мягким нёбом (звуки *к, г* в русском языке).

Совокупность движений, совершаемых речевыми органами при произнесении того или иного звука, принято называть его *артикуляцией* (лат. *articulare* ‘членораздельно выговаривать’). Произношение, принятое в том или ином языке, привычка произносить звуки и их сочетания так, а не иначе соответствуют тому, что принято называть *артикуляционной базой* языка. Каждый человек, овладевающий языком, должен усвоить и его артикуляционную базу. Недостаточное владение артикуляционной базой, например, изучаемого иностранного языка ведет к *акценту*. Акцент возникает тогда, когда звуки одного языка произносятся на основе артикуляционной базы другого языка. Часто акцент выдает языковую принадлежность говорящего, и можно сказать, например, что тот или иной человек говорит по-русски с белорусским, или украинским, или английским, или каким-либо другим акцентом.

ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЗВУКОВ

Звуки речи являются результатом колебательного движения воздуха. Источниками звуков речи служат колебания голосовых связок в гортани и трение воздушной струи о стенки речевого аппарата. Физическими свойствами звуков речи являются *высота, интенсивность* (или *сила*), *длительность* и *тембр*. При описании этих характеристик языкознание опирается на данные одного из разделов физики — акустики (греч. *akustikos* ‘слуховой’).

Высота звука зависит от частоты колебаний. Чем чаще происходят колебания, тем выше звук. Единица измерения частоты звука — герц (Гц). Один герц соответствует одному полному колебанию в секунду (полное колебание — это отклонение колеблющегося тела в обе стороны от точки покоя и возвращение к ней). Голосовые связки могут производить от 40 до 1700 колебаний в секунду. Таким образом, теоретически частотный диапазон человеческого голоса заключен между этими двумя величинами.

Практически, однако, он значительно уже. Так, в пении пользуются тонами от 80 колебаний в секунду (самый низкий тон баса) до 1300 (самый высокий тон сопрано). В обычной речи высотный диапазон еще меньше: у мужчин он в среднем равен 100-250 Гц, у женщин — 200-400 Гц. Человеческое ухо, однако, способно воспринимать и различать звуки в значительно более широком диапазоне. Нижний порог слуха равен 16 Гц. Что же касается верхней границы, то она колеблется и зависит от возраста: у пожилых людей она равна примерно 15000 Гц, а у детей доходит до 22000 Гц. Звуковые колебания с частотой менее 16 колебаний в секунду называются *инфразвуками* (лат. *infra* ‘под’). Человек их осознанно не воспринимает. Колебания с частотой более 20000 Гц называются *ультразвуками* (лат. *ultra* ‘далее, более, сверх’). Ультразвуки человек также как правило не слышит, хотя некоторые представители животного мира (летучие мыши, дельфины, рыбы, насекомые) их воспринимают.

Сила (интенсивность) звука — это количество энергии, проходящее за 1 секунду через 1 квадратный сантиметр площади, перпендикулярной к направлению звуковой волны. Сила звука зависит от амплитуды (размаха) колебаний (чем больше амплитуда, тем сильнее звук) и от величины поверхности звучащего тела (чем больше поверхность, тем сильнее звук, при той же амплитуде колебаний). В качестве единицы измерения силы звука обычно используется децибел (дБ). Один децибел соответствует количеству звуковой энергии, проходящему через один квадратный сантиметр площади при частоте 1000 Гц на уровне порога слышимости. Иначе говоря, звук частотой 1000 Гц обладает силой в 1 дБ в тот момент, когда он становится слышимым. Силу как объективную характеристику звука следует отличать от громкости. Под громкостью понимают восприятие интенсивности звука слуховым аппаратом человека. Звуки, одинаковые по силе, но различные по частоте, могут восприниматься как звуки различной громкости.

Длительность звука (или **долгота**; встречаются также термины *количество* и *квантитет* с тем же значением) — это протяженность его во времени. В акустике длительность звука измеряется в тысячных долях секунды — миллисекундах. По отношению к звукам речи длительность может быть абсолютной и относительной. Так, о разной абсолютной длительности двух звуков можно говорить, например, в том случае, если в одних и тех же фонетических условиях долгий и краткий звуки различают две словоформы: ср. в латинском языке две разные падежные формы слова *nauta* ‘моряк’ — с кратким *a* на конце слова (*nominativus sing.*) и с долгим (*ablativus sing.*). Если же два звука, выступая в разных фонетических условиях,

различаются долготой и краткостью в пределах одного слова, их длительность должна рассматриваться как относительная. Ср., например, два звука *у* в русском слове *буду*: первый из них, несомненно, длительнее благодаря позиции под ударением.

Тембр звука (франц. *timbre* ‘колокольчик’) — это индивидуальная окраска звука, его качественные отличия от других звуков. Для того, чтобы описать механизм формирования тембра, прежде всего отметим, что в речевом аппарате образуются звуки трех типов: *турбулентные, импульсные и тоновые*.

Турбулентные звуки возникают в том месте, где речевые органы сужаются и где при прохождении струи воздуха возникает характерный шум. Именно такую природу имеют, например, русские согласные *с, ф, ш*.

Импульсную природу имеют звуки, возникающие в условиях, когда речевые органы перекрывают воздушный поток, а затем резко размыкаются, в результате чего воздух с силой выходит за пределы преграды. Таковы, например, русские согласные *п, т, к*.

Тоновые звуки — результат колебаний голосовых связок. Звук, возникающий в результате колебаний голосовых связок, — явление достаточно сложное. В его составе принято выделять *основной тон*, являющийся результатом колебаний голосовых связок в целом, и так называемые *обертоны* (нем. *obere* ‘верхний’), или *парциальные* (лат. *partialis* ‘частичный’) тоны, которые порождаются вибрацией частей голосовых связок — половин, четвертых частей, восьмых частей и т.д. В качестве аналогии можно привести натянутую струну, которая колеблется в целом (и возникшие при этом воздушные колебания соответствуют основному тону), колеблются и ее части (и при этом возникают обертоны). Части голосовых связок колеблются с большей частотой, чем связки в целом, поэтому частота обертонов всегда больше, чем частота основного тона. При этом, однако, обертоны значительно уступают основному тону по силе (интенсивности), поскольку амплитуда колебаний и величина поверхности частей связок, конечно, значительно меньше, чем амплитуда колебаний и величина поверхности голосовых связок в целом. Тоновые звуки, таким образом, состоят из основного тона и обертонов. Соотношение основного тона и обертонов в составе того или иного звука принято называть его *звуковым спектром*.

Тоновые звуки отличаются от импульсных и турбулентных тем, что они возникают в результате *ритмичных (периодических)* колебаний (ритмичными колебаниями называют такие, при которых за каждую единицу времени число колебаний остается относительно постоянным). Импульсные и турбулентные звуки — результат *неритмичных (непериодических)* колебаний, то есть число колебаний

при их реализации в каждую единицу времени меняется. Часто импульсные и турбулентные звуки объединяют на этом основании единым обозначением — *шумы*.

Совсем не обязательно, чтобы звук относился только к одному из перечисленных трех типов звучаний. Например, *a* — тоновый звук, *c* — турбулентный, *m* — импульсный, *z* — тоновый и турбулентный, *d* — тоновый и импульсный.

Для образования различных по тембру звуков важное значение имеет явление *резонанса*. Суть данного явления состоит в том, что тело, способное звучать, колеблется, если воспринимает звуки, имеющие определенную частоту колебаний. Такое тело называется *резонатором*. В акустике в качестве резонаторов обычно выступают полые тела различного объема и конфигурации. Тот или иной объем и форма резонатора соответствуют определенной частоте колебаний, на которую он откликается. Чем больше объем резонатора, тем ниже тон колебаний, которые могут в нем возбуждаться, и наоборот.

При произнесении звуков речи резонаторами являются надгортанные полости. Звуковая волна, направляясь из гортани в резонаторные полости, заключает в себе *основной тон* (колебания голосовых связок в целом) и *обертоны* разной частоты (колебания частей голосовых связок). Резонатор, через который проходит воздушный поток, несущий этот сложный звук, откликается на частоты, соответствующие его характеристикам. В итоге спектр звука преобразуется: те обертоны, частота которых совпадает с частотой резонатора, усиливаются, а те, которые не совпадают, частично гасятся. Усиленные частоты принято называть *формантами* звука. Иначе говоря, *форманта* — это те частоты, которым у данного звука соответствуют наибольшие амплитуды колебаний. Именно форманта отражает качественное своеобразие каждого гласного и согласного звука. Форманты в специальной литературе обозначаются символом «F». Поскольку областей усиления обертонов в составе звуков бывает несколько, принято выделять и соответствующие форманты путем присвоения каждой из них номера. В учебной и научной литературе номер обозначается римской цифрой рядом с символом «F»: «F1», «F2», «F3», «F4». Номер форманты зависит от частоты обертонов, которые она обозначает: самая низкая форманта «F1», далее идут «F2», «F3» ...

Таким образом, подводя итог рассмотрению понятия тембра, можно дать такое его определение: тембр звука — это его индивидуальное качество, представленное определенным соотношением основного тона, обертонов и различных шумов.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Как физическая (акустическая) сторона звуков, так и их произносительные характеристики могут изучаться посредством специальных экспериментальных методик. Выделяют два основных вида таких методик: *соматические* и *электроакустические*.

К соматическим методам относятся такие, с помощью которых изучается положение органов речи и их движение в момент произнесения звука. В качестве примера такого метода можно привести *палатографию* (лат. *palatum* ‘нёбо’, греч. *grapho* ‘пишу’).

Суть методики заключается в следующем. Изготавливается искусственное нёбо, которое покрывается специальным составом и затем вставляется в рот диктору. Диктор произносит звук, соответствующий условиям эксперимента, после чего нёбо вынимают и, определив, в каких местах язык коснулся нёба (там смазка стерта), делают вывод о характере артикуляции данного звука. Схематичное изображение результата этого процесса принято называть *палатограммой*.

Другая разновидность соматической методики — *рентгенография*. При рентгено съемке с достаточно высокой степенью точности может быть зафиксировано движение речевых органов в момент произнесения звука.

Электроакустические методы используются для изучения акустических характеристик звуков. Среди этих методов выделим *осциллографию* и *спектрографию*.

Для *осциллографии* (лат. *oscillum* ‘качание’ и греч. *grapho* ‘пишу’) используются особые приборы — осциллографы. С помощью осциллографа колебания воздуха преобразуются в электрические импульсы, которые передаются в виде зигзагообразной линии и могут фиксироваться на специальной бумаге или киноплёнке. При этом размах колебаний позволяет судить о силе звука, частота пиков и спадов — о частоте, а протяженность на плёнке — о длительности.

При *спектрографии* (греч. *spectrum* ‘видимое’, *grapho* ‘пишу’) используются звуковые спектрографы. С помощью спектрографа звуковые колебания также превращаются в видимые, но в результате получается не зигзагообразная линия, как при осциллографии, а возникает визуальное изображение звука — спектрограмма. На спектрограмме можно увидеть области усиления обертонов, то есть на ней фиксируются форманты звука.

В ходе анализа спектрограмм сложилась терминология, с помощью которой звуки характеризуются в зависимости от того, как распределены форманты на спектрограмме. Звуки, при произнесении которых форманты на спектрограмме сосредоточены в центре, называются *компактными*. Если же форманты расположены по краям спектрограммы, то звуки, их порождающие, называются *диффузными*. На спектрограмме может преобладать, то есть быть особенно интенсивно выделенной, область высоких частот или, наоборот, низких. В соответствии с этим звуки считаются *высокими* или *низкими*.

Экспериментальное изучение звуков стало особенно интенсивным во второй половине XX века, когда была поставлена задача найти пути искусственного синтезирования речи с одной стороны и установления с помощью электроакустической аппаратуры индивидуальных речевых характеристик — с другой. Хотя эта задача пока до конца не решена, тем не менее растущие возможности электронно-вычислительной техники, совершенствование имеющихся методик и появление новых, а также интенсивность, с которой ведутся исследования в данной области, позволяют надеяться на успех.

КЛАССИФИКАЦИИ ЗВУКОВ

ГЛАСНЫЕ И СОГЛАСНЫЕ

Все встречающиеся в речи звуки можно разделить на гласные и согласные. В латинском языке гласные назывались *vocales* (*vox, vocis* ‘голос’), поэтому, говоря о системе гласных, ее часто называют также системой **вокализма**. Согласные по-латыни назывались *consonantes* (*con* ‘с, со’, *sonantes* ‘звучные’), отсюда термин, обозначающий систему согласных звуков, — **консонантизм**.

Деление звуков на гласные и согласные подчас представляется тривиальным и как бы само собой разумеющимся, хотя провести строгую границу между ними не так просто. Существующие критерии разделения звуков на гласные и согласные в ряде случаев не дают возможности провести это разграничение с предельной четкостью. Вместе с тем комплексное применение этих критериев позволяет прийти к выводу, что разделение звуков на гласные и согласные в целом вполне обоснованно.

Акустический критерий разграничения гласных и согласных звуков состоит в том, что гласные рассматриваются как звуки, характеризующиеся тоном, голосом, в то время как согласные

состоят из шума — импульсного или турбулентного. Гласные звуки характеризуются периодическими колебаниями, согласные же — непериодическими.

При внимательном рассмотрении, однако, оказывается, что противопоставить гласные и согласные на основании их акустических свойств довольно сложно, так как состав звуков, традиционно считающихся согласными, в данном отношении весьма неоднороден. Среди них имеются звуки, состоящие исключительно из шума (*p, t, s, f*), и звуки, в которых голос безусловно преобладает над шумом. Это так называемые сонорные согласные, или сонанты (лат. *sonorus* ‘звучный’, *sonans, sonantis* ‘звучащий’), *l, m, n, w* и др., которые в акустическом отношении сближаются с гласными. И хотя по степени участия голоса сонанты, возможно, уступают таким гласным, как *a*, однако уже само по себе преобладание голоса и у сонантов, и у гласных показывает, насколько зыбким оказывается акустический критерий. В акустическом отношении резкое противопоставление гласных и согласных заменяется постепенным переходом от гласных через сонанты к шумным согласным. Кстати, шумные согласные в акустическом отношении тоже весьма неоднородны. В частности, звонкие шумные (например, *v, z*) в акустическом отношении сближаются с сонантами.

Другой принцип, на основе которого могут быть противопоставлены гласные и согласные, связан с различием их роли в слого: гласные — это звуки, образующие вершину слога, слоговые звуки; согласные — это звуки, лишь входящие в состав слога, неслогообразующие звуки. Даже само их название («согласный», то есть встречающийся вместе с гласным) указывает на подчиненную роль согласного в слого. Однако и этот критерий оказывается не вполне надежным. Дело в том, что в ряде языков согласные могут выполнять слогообразующую функцию. Весьма показателен в этом отношении чешский язык, в котором использование согласных *l, r* в качестве слоговых является нормой, ср. чешск. *prst* ‘палец’, *prs* ‘грудь’, *plst* ‘войлок’, *vlk* ‘волк’. Более того, вероятно, в большинстве языков, допускающих закрытые слоги, есть случаи, когда согласный выполняет роль слогового звука. Например, в таких русских словах, как *бобр, жизнь*, многие лингвисты конечный согласный считают слоговым. Таким образом, и способность образовать слог при разделении звуков на гласные и согласные может учитываться весьма ограниченно.

Существует еще одно различие между гласными и согласными — характер их артикуляции. Артикуляторное различие гласных и согласных состоит в том, что при произнесении согласных на пути воздушной струи всегда есть преграда вследствие полного или

неполного смыкания органов речи. В связи с этим считается, что согласные являются звуками локализованными, имеющими четкое место, фокус образования. При образовании гласных воздушная струя не встречает сколько-нибудь существенных препятствий, поэтому они являются звуками нелокализованными, не имеющими четкого места, фокуса образования. Впрочем, и этот критерий не является абсолютным, поскольку во многих языках имеются примеры близкой артикуляции звуков, один из которых по традиции считается гласным, другой — согласным, например, *i — j*, *u — w*.

Таким образом, можно констатировать, что проводить резкую границу между гласными и согласными вряд ли правомерно. Сделать этот вывод заставляет анализ сонорных согласных, которые занимают промежуточное положение между гласными и шумными согласными. Конечно, полярные, крайние случаи прозрачны, и нет сомнения, к гласным или согласным надо относить, например, *n* или *a*.

КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

При образовании гласных в полости рта четкой преграды нет и проход для воздушной струи достаточно широк. Как уже отмечалось, само название этого разряда звуков — гласные — указывает на связь с голосом. Именно поэтому часто считают, что для гласных наличие голоса обязательно. Легко убедиться, однако, в том, что гласные могут быть произнесены и без участия голоса, при этом качественные различия между ними сохраняются. В частности, при восприятии шепотной речи обычно несложно определить, какой гласный произнесен. Во всех языках гласные произносятся на выдохе, и, хотя физически несложно произнести гласный на вдохе (практически иногда так и происходит), однако языков, в которых произношение вдыхательных гласных являлось бы нормой, пока не обнаружено.

Разные гласные мы получаем благодаря изменению формы резонатора полости рта. Наибольшее значение для изменения формы и объема резонатора имеют движения губ и языка (особенно последнего). При классификации гласных опираются обычно (как и при классификации согласных) на их артикуляционные и — реже — акустические признаки.

1. ПО УЧАСТИЮ ГУБ

Прежде всего следует уточнить терминологическое содержание сочетания «участие губ». Имеется в виду не просто движение губ при произнесении гласного (ни один гласный с сомкнутыми губами произнесен быть не может), а совершенно определенная артикуляция — вытягивание вперед губ, сложенных в трубочку. Данную артикуляцию называют *огублением*, или *лабиализацией* (лат. *labialis* ‘губной’). В результате лабиализации объем ротового резонатора несколько увеличивается, и это приводит к тому, что звуковые форманты соответствующих звуков понижаются. Гласные звуки, произнесенные с данной артикуляцией, называются *лабиализованными*. Гласные звуки, не имеющие такой артикуляции, называются *нелабиализованными*.

В русском языке лабиализованными являются гласные *о*, *у*, причем *у* лабиализован в большей степени, чем *о*. Остальные гласные нелабиализованные. В других языках соотношение лабиализованных и нелабиализованных гласных может оказаться иным. В частности, богат лабиализованными гласными французский язык. Более разнообразны, чем в русском, лабиализованные гласные в немецком языке. В целом можно отметить, что число лабиализованных гласных, встречающихся в языках мира, немногим меньше, чем нелабиализованных, поскольку практически любому нелабиализованному гласному может соответствовать лабиализованный. Ср., например, *i* нелабиализованный и *i* лабиализованный (в немецком языке они обозначаются соответственно *i*-и), *e* нелабиализованный и *e* лабиализованный (в немецкой графике соответственно *e*-о) и т.д.

2. ПО ПОЛОЖЕНИЮ ЯЗЫКА

Принято считать, что язык может передвигаться в двух основных направлениях — горизонтальном и вертикальном. Разумеется, строго эти направления соблюдены быть не могут и движение по горизонтали и вертикали совмещается. Тем не менее описание артикуляции гласных в данной системе координат удобно тем, что позволяет установить с достаточно высокой степенью точности положение произносительных органов в момент произнесения гласного по отношению к произнесению другого гласного.

Гласные, при произнесении которых язык в горизонтальной плоскости занимает крайнее переднее положение, называют гласными *переднего ряда*. Таков, например, гласный *i* во многих языках. Гласные, при произнесении которых язык занимает крайнее заднее положение, являются гласными *заднего ряда*. В качестве

примера можно привести гласный *y* (ср. русск. *угол, ухо*). В том случае, если язык занимает промежуточную позицию между этими двумя крайними положениями, произносятся гласные *среднего ряда*. В качестве примера можно привести русский *ы*. Таким образом, получаем три основные позиции положения языка в горизонтальной плоскости при произнесении гласных звуков:

передний ряд	средний ряд	задний ряд
<i>i</i>	<i>ы</i>	<i>u</i>

Перемещение языка снизу вверх в условной вертикальной плоскости условно называют *подъемом*. Степень подъема языка влияет на различие гласных звуков. Так, в русском языке при произнесении ударных гласных язык может занимать в вертикальной плоскости три основные позиции: крайнюю верхнюю (*и, ы, у*), крайнюю нижнюю (*а*), промежуточную между ними (*э, о*). Гласные, которые произносятся в этих позициях, принято называть соответственно гласными верхнего подъема, нижнего подъема, среднего подъема.

Существуют два способа представления классификации гласных в зависимости от подъема языка. Первый — в виде таблицы — был разработан английскими фонетистами Беллом (A. Bell) и Свитом (H. Sweet) в конце XIX века. Именно этот способ часто используется для представления гласных какого-либо конкретного языка. Ср., например, гласные русского языка:

	Ряд	Передний	Средний	Задний
Подъем				
Верхний		<i>и</i>	<i>ы</i>	<i>у</i>
Средний		<i>э</i>		<i>о</i>
Нижний			<i>а</i>	

Другой способ (хронологически более ранний) был предложен в конце XVIII века западноевропейским ученым Хеллвагом (Ch.F. Hellwag). Хеллваг предложил расположить гласные, имеющие крайние артикуляции, по трем вершинам треугольника:

<i>i</i>	<i>u</i>
<i>a</i>	

Гласные *i, u, a*, таким образом, становятся как бы точками отсчета, а все остальные считаются переходными между ними, причем число переходных ступеней не устанавливается. Ясно, что такое представление классификации гласных по положению языка наиболее удобно для использования в работах, стремящихся показать репертуар гласных во всех языках мира наиболее полно. Вот как,

например, выглядит базирующаяся на этом принципе классификация гласных, созданная академиком Л.В. Щербой, который, впрочем, использует фактически трапецию, то есть усеченный треугольник:

Передние	Смешанные	Задние
У	Ы	У

Примечания:

1. На каждом уровне там, где рядом помещены два гласных, тот из них, который расположен ближе к центру, является нелабиализованным, а тот, что находится на внешней стороне боковых сторон трапеции, — лабиализованным.

2. В случае, если рядом с нелабиализованным гласным нет лабиализованного, это означает, что такой гласный реально неизвестен, хотя теоретически его существование вполне вероятно.

С различием гласных по подъему связана дифференциация гласных *открытых* и *закрытых*. Вообще само по себе понятие открытости гласного связано со степенью раскрытия прохода для воздушной струи: чем шире этот проход, тем более открытым должен считаться гласный. Если же проход для воздушной струи узкий, гласный является закрытым. При таком понимании открытости — закрытости самым закрытым гласным переднего ряда должен считаться *i*, самым закрытым гласным заднего ряда — *u*, а самым открытым — *a*. Очень часто, однако, понятие открытости — закрытости употребляется в более узком смысле: его используют для дифференциации гласных либо переднего, либо заднего ряда, близких по подъему. Так, при сопоставлении французских гласных [e] и [ɛ] в словах *fee* [fe] ‘фея’ и *fait* [fɛ] ‘факт’, *mes* [mɛ] ‘мой’ и *mais* [mɛ] ‘но’ первый является закрытым, поскольку степень раскрытия раствора рта при его произнесении несколько меньше, а второй — открытым.

Часто открытые гласные называют также *широкими*, *ненапряженными*, а закрытые — *узкими*, *напряженными* (напряжение речевого аппарата при произнесении закрытых гласных действительно большее, чем при произнесении открытых).

3. ПО ПОЛОЖЕНИЮ НЕБНОЙ ЗАНАВЕСКИ

По положению нёбной занавески в момент произнесения звука все гласные делятся на *ртовые*, или *чистые*, и *носовые*. При произнесении ртовых гласных нёбная занавеска поднята, проход воздуха в носовую полость закрыт и воздух выходит наружу через рот. При произнесении носовых гласных нёбная занавеска опущена, но проход в рот остается приоткрытым и воздух проходит одновременно через полости рта и носа. В результате гласные приобретают характерный носовой резонанс. Носовые гласные в языках мира встречаются не часто. Есть они, например, во французском и польском языках. Ср. франц. *vent* [va] ‘ветер’, *fin* [f] ‘конец’, польск. *lad* [lod] ‘материк, континент’, *lek* [lek] ‘страх’.

4. ПО ДОЛГОТЕ, ИЛИ КОЛИЧЕСТВУ

Различение гласных по количеству может быть осуществлено в двух аспектах — абсолютном и относительном.

Под абсолютным различием понимается деление гласных на *долгие* и *краткие* вне зависимости от того, в какой позиции по отношению к ударному слогу они находятся. Есть языки, в которых краткие и долгие гласные могут выступать в качестве различителей слов, ср., например, в эстонском языке *puri* ‘парус’ — *puuri* ‘клетки’; *sada* ‘сто’ — *saada* ‘пришли’. Или финск. *kari* ‘мель’ — *kaari* ‘дуга’; мансийское *taryg* ‘сосна’ — *taaryg* ‘журавль’.

Относительное различие по количеству гласного предполагает деление гласных на *гласные полного образования* и *редуцированные* (лат. «*reductio*» ‘возвращение, отодвигание назад’), причем эта противопоставленность осуществляется в пределах одного слова: гласные полного образования выступают под ударением, а редуцированные — в безударной позиции. Наиболее ярко различие между гласными полного образования и редуцированными выступает в тех языках, где имеется сильное динамическое ударение, например, в русском. Звук полного образования произносится как более длительный и определенный, а редуцированный — как ослабленный. Ср. русск. *дуб* — *дубы*, *стол* — *столы* или англ. *land* [l nd] ‘земля, страна’ — *England* [ˈɪŋl nd] ‘Англия’.

5. ПО ОДНОРОДНОСТИ ЗВУЧАНИЯ

С точки зрения однородности звучания все гласные звуки могут быть разделены на *монофтонги* (греч. *monos* ‘один’, *phthongos* ‘звук’),

дифтонги (греч. *di(s)* ‘двойной’, *phongos* ‘звук’) и *трифтонги* (*triphongos* ‘трехзвучный’).

Монофтонгами называются гласные, при произнесении которых качество звука остается одним и тем же на всем его протяжении. Разумеется, единство качества гласного весьма относительно, поскольку при анализе его звучания с помощью акустической аппаратуры как правило обнаруживаются различия характеристик начала, середины и конца гласного. Тем не менее различия эти в целом незначительны и поэтому говорящими монофтонг воспринимается как звук однородного звучания, ср. русские *и, э, а*.

Дифтонги — это гласные звуки, состоящие из двух элементов, образующих единый слог. В сущности это соединение двух гласных в одном слоге. Принято различать два основных типа дифтонгов — *истинные* (другие термины — *однородные, равновесные*) и *ложные*. Истинный дифтонг представляет собой такое соединение гласных, в котором оба звука играют одинаковую роль в образовании слога. В языках мира истинные дифтонги встречаются редко. Они есть, например, в одном из тунгусо-маньчжурских языков — удэйском (удэгейском), в латышском языке и некоторых других, ср. латышские *meita* ‘дочь’, *tauta* ‘народ’.

В ложных дифтонгах один из компонентов является слогообразующим, а другой, более слабый и краткий, как бы «дополняет», сопровождает его. В зависимости от того, какой из компонентов дифтонга играет основную роль, все ложные дифтонги разделяют на *нисходящие (падающие)* и *восходящие*.

В нисходящих дифтонгах более сильный первый элемент. Именно он и является слогообразующим. Дифтонги такого типа широко представлены в немецком, английском, латинском языках: нем. *Nein* [naen] ‘нет’, англ. *smoke* [sm uk] ‘дым’, лат. *audio* [audio] ‘слушаю’.

В восходящих дифтонгах более сильным является второй элемент, который и является вершиной слога. Такие дифтонги встречаются, например, во французском и испанском языках: ср. франц. *piéd* [pie] ‘нога’, *nuit* [nuí] ‘ночь’, испанск. *buenos* [buenos] ‘хороший, добрый’.

Существует категория звуков, которые занимают промежуточное положение между монофтонгами и дифтонгами. Это так называемые *дифтонгоиды*. Дифтонгоиды представляют собой гласные, имеющие в начале или в конце произнесения незначительный элемент другого гласного. Наличие этого элемента не позволяет безоговорочно считать такой гласный монофтонгом. Вместе с тем незначительность данного элемента мешает считать его

дифтонгом. В качестве примера дифтонгоида часто приводят русский *о*, который начинается с *у*-образного элемента и затем переходит к *о* открытому, то есть звук в целом можно представить как []. Дифтонгоидный характер имеют и русские гласные, выступающие после мягких согласных: в этом случае в начале гласного выступает *и*-образный элемент. Например, в слове *свет* выступает дифтонгоид [], в слове *ряд* — [а].

Кроме дифтонгов и монофтонгов в языках мира иногда встречаются трифтонги, то есть сочетания трех гласных в одном слого. Такие звуки есть, например, в английском языке: *our* [au] 'наш', *fire* [fai] 'огонь'.

КЛАССИФИКАЦИИ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Прежде всего все согласные звуки можно разделить на два класса — дыхательные, или *экспираторные*, *экспираты* (лат. *exspiro* 'выдыхать'), и недыхательные, или *инспираторные*, *инспираты* (лат. *inspiro* 'вдохнуть'). Экспираты произносятся на выдохе, в тот момент, когда поток воздуха идет из легких через речевой аппарат. Это преобладающий тип согласных в языках мира. Инспираты — это звуки, произносимые при движении воздушной струи извне в рот, однако не при втягивании воздуха в легкие, а за счет создания разрежения во рту с помощью губ и языка. Иначе говоря, это звуки, получаемые с помощью сосательных движений. Звуки данного типа часто называют также *щелкающими*. В качестве примера такого звука можно привести употребляемый русскими звук, который выражает сожаление. При его произнесении язык смыкается с передними зубами, затем создается разрежение во рту, после чего смычка разрывается и возникает звук, акустически напоминающий *ц*.

Щелкающие звуки достаточно разнообразны. Они могут быть произнесены с помощью губ, а также передней и средней части языка. Все они являются смычными, то есть в начале произнесения активный и пассивный органы образуют полную смычку. Довольно широко инспираты представлены в готтентотско-бушменских языках. В дальнейшем изложении, однако, речь будет идти только о звуках, произносимых на выдохе, то есть об экспиратах.

В зависимости от принципа, который кладется в основу при анализе системы консонантизма, существует несколько классификаций согласных звуков.

1. ПО ДЛИТЕЛЬНОСТИ

По длительности согласные могут быть разделены на долгие и краткие. Долгие согласные называются также *геминатами* (лат. *geminatus* ‘удвоенный’). Они произносятся продолжительнее кратких за счет продления артикуляции. Существуют языки, в которых долгота и краткость согласного используется для смысловоразличения. Приведем несколько примеров:

финск. *kato* ‘потеря’ — *katto* ‘крыша’; *palo* ‘пожар’ — *pallo* ‘шар, мяч’;

итальянск. *cane* ‘собака’ — *canne* ‘трости’; *fero* ‘дикий’ — *ferro* ‘железо’;

эстонск. *kamin* ‘камин’ — *kammin* ‘чешу’; *koti* ‘мешка’ — *kotti* ‘в мешок’.

Широко распространено деление согласных на *мгновенные* и *длительные* в зависимости от того, сохраняет ли тот или иной звук свое качество при протягивании. К мгновенным относят звуки, которые не могут звучать длительно без перерыва звучания (например, *t*, *k*) или теряющие при протягивании свое качество (русские *ц*, *ч*). Остальные звуки считаются длительными (*з*, *ж*, *ф* и др.).

2. ПО ЗВУЧНОСТИ (степени участия голоса)

По звучности все согласные могут быть разделены на *шумные* и *сонорные (сонанты)*. При произнесении сонорных согласных тон, голос успешно конкурирует с шумом, поэтому, как уже отмечалось, они могут быть сближены с гласными звуками. К сонорным согласным в европейских языках обычно относятся *r*, *l*, *m*, *n*, *j*, *ɲ*, *w*. Остальные согласные являются шумными, то есть у них безусловно шум преобладает над тоном.

Все шумные согласные могут быть произнесены с участием голоса или без него и в зависимости от этого подразделяются на *звонкие* и *глухие*. Когда голосовые связки вибрируют, напряжены, получаем звонкий согласный: *b*, *d*, *g*, *z*, *v* и др. Глухие согласные произносятся с большим шумом и более энергичной артикуляцией, чем звонкие.

Поскольку любой шумный согласный может быть произнесен как звонкий и как глухой, то неудивительно, что во многих языках существуют парные соответствия глухих и звонких: *b-p*, *d-t*, *g-k* и т.д. Следует отметить, однако, что наличие таких пар отнюдь не обязательно. Нет их, например, в мансийском и хантыйском языках.

Согласные *r, l, m, n, j, ŋ, w*, входящие в состав сонорных, очень редко бывают глухими, или, иначе говоря, имеют глухую пару, поэтому, проводя деление на глухие и звонкие, имеют в виду только шумные согласные. Между тем любой согласный может быть произнесен с участием голоса и без участия голоса. В эскимосском языке, например, наряду с сонорными *l, n* имеются соответствующие глухие. При этом необходимо учесть, что глухие *l, n*, конечно, не могут считаться сонорными и должны быть отнесены к шумным согласным.

3. ПО СПОСОБУ ОБРАЗОВАНИЯ

Способом образования согласного звука принято называть характер преодоления воздушным потоком имеющегося на его пути препятствия, созданного с помощью тех или иных произносительных органов. Иначе говоря, это способ, при помощи которого преодолевается преграда на пути воздушной струи при произнесении согласного звука. В зависимости от способа образования выделяют следующие группы согласных:

I. Щелевые согласные. Их называют также **фрикативными** (лат. *frictio* ‘трение’).

При произнесении согласных данного типа речевые органы образуют щель и воздушный поток устремляется в нее. Струя воздуха производит трение о края щели, и в результате получается характерный шум. К щелевым согласным относятся *f, v, s, z, ʃ, ʒ, j* и др.

II. Смычные согласные.

При образовании смычных согласных органы речи на пути воздушной струи воздвигают полную преграду, смыкаются. В зависимости от того, каким образом струя воздуха преодолевает эту преграду, в составе смычных согласных выделяется ряд подгрупп:

1) **Смычно-взрывные** согласные.

Само название говорит о способе преодоления препятствия: смычка как бы взрывается под напором воздушного потока, и струя воздуха с силой вырывается за пределы образования смычки. В артикуляции смычно-взрывных можно различить три элемента: *смычку*, *выдержку* и *взрыв*. Смычка — это смыкание органов речи, выдержка — период, в течение которого накапливается давление воздуха, достаточное для того, чтобы разорвать смычку, и, наконец, взрыв — мгновенный выход воздуха за пределы преграды. Поскольку смена этих фаз происходит очень быстро, данные согласные называют также мгновенными. В разных языках это звуки типа *b, p, d, t, g, k*. Смычно-взрывные согласные — это наиболее ярко выраженные смычные согласные с точно очерченной артикуляцией. Поэтому их иногда еще называют собственно смычными или чистыми смычными.

В зависимости от того, в каком месте разрывается смычка, куда устремляется воздух после ее преодоления, все смычно-взрывные согласные можно разделить на *ртовые* и *фаукальные* (лат. *fauces* ‘глотка, горло’). При произнесении ртовых смычно-взрывных согласных воздух после взрыва выходит через рот, ср. отдельно произнесенные согласные *d, t*. Если же эти согласные произнести перед последующим *n*, то легко обнаружить, что смычка в передней части рта остается не нарушенной. Вместо этого происходит резкое опускание нёбной занавески и воздух выходит через нос. Такие согласные и называют фаукальными, ср. произношение тех же *d, t* в словах *дно, плотно*.

2) **Смычно-щелевые** согласные. Другое, более распространенное название этой группы звуков — *аффрикаты* (лат. *affricata* ‘притертая’).

Аффрикаты по своему образованию напоминают смычно-взрывные. Но если у смычно-взрывных согласных смычка преодолевается мгновенным и полным разъединением активного и пассивного органов речи, то в аффрикатах это разъединение оказывается неполным: органы речи лишь слегка раздвигаются, и струя воздуха проходит в щель. Иначе говоря, при произнесении аффрикат представлены две фазы из артикуляции смычно-взрывных — смычка и выдержка, — а последней фазы, взрыва, не происходит. Вместо этого совершается переход от смычной артикуляции к щелевой. Активный речевой орган отрывается от пассивного не сразу, а отходит от него постепенно, изменяя характер препятствия: вместо смычки оказывается щель, проходя через которую воздух производит характерный шум.

В каждом отдельном языке аффрикат обычно немного. В русском языке, например, их две — *ц* и *ч*. В целом, однако, в языках мира их разнообразие достаточно велико. Можно утверждать, что аффрикат существует примерно столько же, сколько есть смычно-взрывных согласных. Как и другие согласные, аффрикаты могут быть звонкими и глухими. Если в русском языке представлены только глухие аффрикаты, то, например, в английском глухая и звонкая — *ch* [tʃ] и *j* [dʒ]. Богат аффрикатами польский язык. Так, в польских словах *cap* ‘козел’, *cena* ‘цена’ выступает звук, подобный русскому *ц* (обозначается буквой *c*); в словах *czas* ‘время’, *czarny* ‘черный’ представлен звук типа русского *ч*, но твердый, как в белорусском языке (обозначается буквосочетанием *cz*); в словах *sadza* ‘сажа’, *rdza* ‘ржавчина’ выступает озвонченный *ц* (обозначается буквосочетанием *dz*); в словах *buc* ‘быть’, *ciem* ‘тьма’ выступает звук, близкий русскому *ч*, но еще более мягкий (обозначается буквой *ć*); имеется звук, соответствующий русскому озвонченному *ч* (обозначается буквосочетанием *dź*), ср. *dzwigac* ‘нести, поднимать’; озвонченный *ч*, но твердый (обозначается буквосочетанием *dz*), ср. *drozdze* ‘дрожжи’, *dzungla* ‘джунгли’). Добавим, что аффрикаты могут быть не только язычными. Например, в немецком языке есть глухая губная аффриката *pf* (*Pferd* ‘лошадь’, *Pflug* ‘плуг’).

3) Смычно-проходные согласные.

При образовании смычно-проходных согласных смычка, образованная органами речи, остается ненарушенной. Струя воздуха обходит смычку. В зависимости от того, каким образом обходится смычка, все смычно-проходные согласные делят на две подгруппы:

а) **Носовые**, или **назальные** (лат. *nasalis* ‘носовой’).

К носовым смычно-проходным согласным относятся такие, при произнесении которых струя воздуха обходит смычку не по краям соединения речевых органов, а в совершенно другом месте, через нос. Это согласный *m* и различные типы *n*: зубной русский *n*, английские альвеолярный *n* и заднеязычный *n* и другие. Необходимо подчеркнуть, что термин «носовые» в рамках данной классификации указывает не на место произнесения согласного, а на способ, путь, посредством которого обходится смычка.

б) **Боковые**, или **латеральные** (лат. *lateralis* ‘боковой’)

При произнесении латеральных согласных смычка обходится по краям соединения речевых органов, то есть воздушная струя идет по бокам смычки, как бы обтекая ее. Бока языка (иногда только один бок) опускаются, и воздух проходит по его сторонам. К боковым согласным относятся разные типы *l*: русские зубные твердый *л* и мягкий *л'*, западноевропейский альвеолярный *l*.

III. Дрожащие согласные, или **вибранты** (лат. *vibrans, vibrantis* ‘дрожащий, колеблющийся’).

К дрожащим относятся согласные, при произнесении которых активные органы речи вибрируют в момент прохождения мимо них воздушной струи. Вследствие этой вибрации струя воздуха выходит наружу прерывисто, толчками. Это разные типы *p*: картавый язычковый, когда дрожит маленький язычок, сближаясь с задней частью языка (такой [] есть во французском языке); язычный, когда дрожит кончик языка, сближаясь с нёбом несколько выше альвеол (в русском языке). Может быть еще губной *p*, например, в русском языке в слове *тпру*. Встречается губной *p* в русском языке и у детей, когда они еще не научились хорошо говорить.

4. ПО МЕСТУ ОБРАЗОВАНИЯ

Местом образования согласного звука считается та точка, в которой сближаются в щель или образуют смычку два речевых органа на пути струи воздуха. При определении места образования следует учитывать как активный речевой орган, так и пассивный, причем в учебной практике их принято называть именно в таком порядке: например, *переднеязычный зубной, губно-зубной* и т.д.

I. Губные согласные, или **лабиальные** (лат. *labialis* ‘губной’)

В зависимости от того, с каким пассивным речевым органом взаимодействует нижняя губа, губные согласные делятся на две подгруппы:

1) **Губно-губные** согласные, или **билабиальные** (лат. *bis* ‘дважды’, *labialis* ‘губной’). При их произнесении нижняя губа сближается с верхней Губно-губными являются, например, *m, n* в русском языке. В английском к ним добавляется *w*, в немецком — *pf* и т.д.

2) **Губно-зубные** согласные, или **лабиодентальные** (лат. *labium* ‘губа’, *dens, dentis* ‘зуб’). Согласные данного типа образуются обычно слегка неполным сближением нижней губы с верхними зубами. Это часто встречающиеся в различных языках звуки *v, f*.

II. Язычные согласные

1) **Переднеязычные** согласные.

При их произнесении преграда создается сближением языка (его передней части или кончика) с зубами, альвеолами или передним нёбом. Передняя часть языка, особенно его кончик, очень подвижна, она может принимать разнообразные положения, менять свою форму

и величину. В зависимости от того, какое положение принимает кончик языка, различают три типа переднеязычных согласных:

— **дорсальные** (лат. *dorsum* ‘спина’). При их образовании передняя часть спинки языка приближена к верхним зубам или альвеолам, а кончик языка опущен вниз. Это, например, русские *д, т, з, с, л*.

— **апикальные** (лат. *apex* ‘кончик’). При их образовании кончик языка устремлен вперед и составляет примерно единую линию с передней частью спинки языка. Это, например, *t, d, z, s, l* в английском языке.

— **какуминальные** (лат. *casimen* ‘верхушка’). При произнесении согласных данного типа весь край передней части спинки языка поднят к переднему нёбу, а спинка языка слегка прогнута внутрь. С какуминальной артикуляцией произносятся, например, русский и английский *г*, русские *ж, ш* и др.

В зависимости от того, с каким пассивным органом взаимодействует передняя часть языка, среди переднеязычных согласных выделяется ряд подгрупп:

а) **межзубные**, или **интердентальные** (лат. *inter* ‘между’, *dens, dentis* ‘зуб’); кончик языка помещается между зубами, а воздух идет в узкую щель между языком и зубами. Это английские [], [].

б) **собственно зубные**, или **дентальные** (лат. *dens, dentis* ‘зуб’); кончик языка взаимодействует с передними зубами. Согласные этой подгруппы широко представлены в русском языке: *д, т, з, с, л, н, ц*.

в) **альвеолярные**; при их произнесении кончик языка сближается с альвеолами — бугорками над верхними зубами. Альвеолярными являются, например, английские *t, d, l, n*.

г) **передненёбные**; передняя часть спинки языка при их произнесении сближается с передней частью нёба выше альвеол. В русском языке это, например, *ж, ш*.

2. Среднеязычные согласные

При произнесении среднеязычных согласных средняя часть спинки языка сближается с твердым нёбом. Поскольку определить границы средней части спинки языка с высокой степенью точности довольно трудно, к средненёбным согласным нередко относят достаточно широкий круг звуков. Бесспорно среднеязычным среди них является звук *j*, который широко представлен в языках мира, ср. русск. *ель* [jэл’], *ёж* [jош]. Глухим соответствием этому согласному является встречающийся в немецком языке так называемый *ich-Laut*, обозначаемый в немецкой графике через *ch*: *ich* [i] ‘я’, *Storch* [t r] ‘аист’ и др.

3. Заднеязычные согласные.

При произнесении заднеязычных согласных активным органом является задняя часть спинки языка, которая может сближаться с мягким нёбом или с задней частью твердого нёба. К заднеязычным относятся широко известные во многих языках звуки *k*, *g* и другие.

III. Язычковые согласные, или **увулярные** (лат. *uvula* ‘маленький язычок’)

Маленький язычок (*uvula*), которым кончается мягкое нёбо, сближается с задней частью языка. Последняя в данном случае выступает как пассивный орган. Увулярным является, например, французский *r*: *roman* ‘роман’, *ruban* ‘лента’.

IV. Фарингальные согласные

Фарингальные согласные произносятся при сближении корня языка с задней стенкой глотки. В качестве примера такого звука часто приводят согласный, встречающийся в русском языке в словах *ага!*, *ого!*. Фарингальным считают также звук, обозначаемый буквой *h* в английском и немецком языках.

V. Гортанные согласные

Гортанными называются согласные, которые представляют собой шум, получающийся при прохождении струи воздуха через препятствие, образованное ненапряженными голосовыми связками в гортани. Число таких звуков невелико, поскольку возможности гортани для образования согласных звуков весьма ограничены. В качестве примера приведем так называемый гортанный взрыв (немецкое название — *Knacklaut*, французское — *coup de glotte*, английское — *glottal stop*). При его произнесении голосовые связки смыкаются, полностью перекрывая поток воздуха, а затем резко расходятся и расслабляются. В результате возникает не голос (поскольку связки расслаблены), а резкий щелчок, который и принято называть гортанным взрывом. Гортанный взрыв достаточно широко встречается в немецком языке: он произносится, когда слово начинается с гласного звука (в учебной литературе его называют «сильный приступ»): *Arbeit* ‘работа’, *Abend* ‘вечер’, *Ort* ‘место’. В русском языке этот звук можно услышать, например, в разговорно-просторечном [н’э а] ‘нет’.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ АРТИКУЛЯЦИЯ ПРИ ПРОИЗНЕСЕНИИ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Артикуляция при произнесении согласного звука может быть основной и дополнительной. Практически основная артикуляция описывается в рамках классификаций по способу и месту

образования. Дополнительной артикуляцией называются добавочные к основной артикуляции движения речевых органов.

1. **Палатализация** (лат. *palatum* ‘нёбо’)

Палатализация — это дополнительный к основной артикуляции подъем средней части спинки языка к среднему нёбу. Согласный, произнесенный с дополнительной артикуляцией палатализации, называется палатализованным. Палатализованные согласные также называют мягкими, а сам процесс палатализации — смягчением. В том случае, если палатализации нет, то есть если средняя часть спинки языка не поднята, согласный считается твердым. Приобрести дополнительную артикуляцию палатализации может любой согласный, кроме среднеязычных: для среднеязычных согласных сближение средней части спинки языка с твердым нёбом — это основная артикуляция, а не дополнительная. Именно поэтому считают, что такого рода согласные следует называть не палатализованными, а палатальными.

2. **Веляризация** (лат. «*velum*» ‘парус’, точнее — «*velum palati*» ‘парус нёба’)

Веляризация — это дополнительный к основной артикуляции подъем задней части спинки языка к мягкому нёбу. Согласный, произнесенный с дополнительной артикуляцией веляризации, называется веляризованным. Часто в качестве примера веляризованного согласного приводят русский твердый *л*. Считается, что и другие русские непалатализованные согласные также веляризованы. Тем не менее твердость согласного и веляризацию не следует отождествлять. Как уже было отмечено, твердость согласного определяется отсутствием палатализации, при этом согласный может быть твердым и не будучи веляризованным. Веляризоваться может любой согласный, кроме заднеязычных: для заднеязычных согласных подъем задней части спинки языка к мягкому нёбу — это основная артикуляция (не дополнительная).

3. **Придыхание**, или **аспирация** (лат. *aspiro* ‘выдыхать’)

Дополнительная артикуляция аспирации заключается в том, что произнесение согласного сопровождается дополнительным коротким выдохом с шумом. Согласные, имеющие дополнительную артикуляцию аспирации, называются *аспирами* (ед. число — «аспирата»). В языках Индии, Кавказа придыхательные согласные могут использоваться для смысловоразличения, будучи противопоставлены непридыхательным. Встречаются аспирированные согласные и в английском языке, где в начале слова произносятся с придыханием звуки *p*, *t*, *k*.

4. **Глоттализация** (лат. *glottis* ‘голосовой аппарат’)

Согласные, имеющие дополнительную артикуляцию глоттализации, называются *глоттализированными*, или *абруптивами* (ед. число «абруптив», от лат. *abruptus* ‘прерванный, сломанный’). При их произнесении одновременно со смычкой во рту образуется вторая смычка — в гортани между связками. Взрывается смычка во рту, и почти одновременно следует гортанный взрыв. То есть получаются звуки не *p, t, k*, а *p̣, ṭ, ḳ*. Глоттализуются как правило только смычные глухие согласные — смычно-взрывные и аффрикаты. Такие звуки встречаются в ряде языков Кавказа — в грузинском, лезгинском, даргинском. Ср. примеры: грузинск. *k wat* ‘утка’, лезгинск. *p uz* ‘губа’, даргинск. *t im* ‘запах’.

ЗВУКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЗВУКОВЫЕ ЗАКОНЫ

ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ АНАЛОГИЯ

В языке непрерывно происходят изменения. Обычно они идут медленным, эволюционным путем, поэтому на протяжении жизни одного поколения малозаметны. Тем не менее изменения происходят. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно даже самого беглого сравнения древних и современных текстов. Есть все основания утверждать, что в каждый данный момент существования языка имеющиеся в нем звуки не остаются неизменными: происходят едва заметные сдвиги в артикуляции, звуки могут изменять свои количественные и качественные признаки, меняется характер взаимодействия звуков друг с другом.

В зависимости от характера протекания все звуковые процессы принято делить на две группы — *зависимые*, или *обусловленные*, и *независимые*, или *спонтанные* (лат. *spontaneus* ‘добровольный, произвольный’). Зависимые, или обусловленные, процессы делятся на *комбинаторные* и *позиционные*. Комбинаторными называются звуковые процессы, обусловленные взаимодействием звуков в речевом потоке. В качестве примера можно привести оглушение звонкого согласного перед глухим в русском языке, ср. [скаскъ] ‘сказка’, [р’этка] ‘редко’ и т.п. Позиционными называют такие звуковые процессы, которые обусловлены положением звука по отношению к ударному слогу, а также его местом в начале или конце слова или слога. Позиционным изменением является, например, оглушение звонких согласных на конце слова в русском языке.

Спонтанными называются звуковые процессы, протекание которых не связано ни с взаимодействием звуков, ни с их местом в слове. В качестве примера можно привести изменение звука, который существовал в русском языке до XVIII века и обозначался на письме буквой Ъ. На протяжении XVII-XVIII вв. этот звук без видимых причин в русском литературном языке совпал со звуком э.

Тот или иной фонетический процесс приводит к тому, что звучание слова меняется. Следует отметить, однако, что звуковой облик слова может измениться не только в результате действия фонетических процессов, но и под влиянием *грамматической аналогии*. Под грамматической аналогией в данном случае понимается изменение звучания той или иной формы слова под влиянием других его форм. Механизм действия аналогии удобно показать на современных просторечных формах некоторых слов в русском языке. Так, у глагола *мочь* под влиянием формы 1 лица единственного числа (*могу*) в просторечии может быть употреблена форма *может* или *могёт* вместо литературного *может*. У глагола *хотеть* под влиянием форм единственного числа могут появиться формы *хочем, хочете, хочут* (ср. чеховское «Они *хочут* свою образованность показать»). Результаты аналогических преобразований могут обрести и нормативный статус. Так, в древности русские слова *нога* и *рука* в дательном и предложном падежах имели формы *нозе, руце*, однако в результате воздействия других падежных форм, в которых преобладали основы *ног-* и *рук-*, в дательном и предложном падежах установилось произношение (и написание) *ноге, руке*.

СПОНТАННЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Спонтанные фонетические процессы могут иметь весьма разнообразный характер. Хотя непосредственные причины данных процессов остаются для нас скрытыми, это, разумеется, не означает, что причин вообще не существует. Сходство в направлении звуковых изменений в разных языках говорит о том, что данные процессы нельзя рассматривать как случайные переходы одних звуков в другие. Например, в истории индийских, славянских, романских языков, а также в арабском языке имели место похожие процессы перехода [г] в [ж] или в [дж], [к] в [ч]. В индийских, романских и тюркских языках происходил переход [j] («йот») в [ж] или [дж].

В ходе поисков причин, вызывающих спонтанные фонетические процессы, сформировался ряд теорий, среди которых наиболее распространенной является так называемая *концепция наименьших усилий*, или, иначе, *теория экономии усилий*. Согласно

этой теории при произнесении звуков существует постоянная тенденция к снятию напряжения с органов речевого аппарата. Вот что писал, например, один из отечественных лингвистов Е.Д. Поливанов: «Если попытаться одним словом дать ответ относительно того, что является общим во всех этих тенденциях разнообразных (и без конца — в самых различных языках — повторяющихся) «типичных» процессов, то лаконичский ответ этот — о первопричине языковых изменений — будет состоять из одного, но вполне неожиданного для нас, на первый взгляд, слова: ‘лень’».

В чем же конкретно, согласно этой теории, может проявляться тенденция к экономии усилий при произнесении отдельных звуков? В замене неудобной артикуляции более удобной, а также в замене более энергоемкого способа образования звука менее энергоемким. В частности, полагают, что звуки заднего образования произнести труднее, чем переднего, именно поэтому, например, [к] в истории ряда языков переходил в [ч]: так, общеславянский [к] перешел в [ч] в словах *звучный*, *кричать*; древнеанглийский [к] перешел в [с] в словах *child* [t aild] (из *cild*) ‘ребенок’, *church* [t :t] (из *cirice*) ‘церковь’ и др. Аналогичный процесс, как уже говорилось, имел место в ряде других языков. Звук [г] в славянских языках переходил в [дж], а затем в [ж], ср., например, такие русские слова, как *можно*, *бежать*. Фактически такое же изменение происходило в романских языках, ср., например, лат. *gelum* ‘мороз’ и франц. *gel* [el], лат. *gens* ‘племя, народ’ и франц. *gens* [].

С другой стороны, при сравнении смычных и щелевых согласных произнесение первых признается более энергоемким, поэтому обычно в истории многих языков смычные согласные переходили в щелевые, а не наоборот. Примером такого перехода является первое общегерманское передвижение согласных, одним из составляющих которого было изменение [p] в [f], [t] в [θ], а [k] в [h]. При сопоставлении носовых и ртовых гласных более энергоемкими, вероятно, являются носовые, именно поэтому они в большинстве языков были утрачены и перешли в ртовые.

Теория наименьших усилий как будто достаточно аргументированно объясняет, что общей причиной звуковых процессов является тенденция к упрощению произношения. Вместе с тем, как остроумно отметил французский фонетист Морис Граммон, если бы только данный закон определял направление всех звуковых процессов, то в конечном счете все слова содержали бы только один звук. Именно поэтому многие лингвисты считают, что наряду с тенденцией к экономии произносительных усилий в языке действует и другая тенденция — стремление наиболее точно выразить, обозначить то, что представляется необходимым. Для реализации

второй тенденции необходимо удерживать определенный уровень сложности языковых средств, поскольку богатство содержания, передаваемого с помощью языка, требует, чтобы число разнообразных единиц, с помощью которых это содержание может быть выражено, было бы достаточно велико. Осуществление тенденции иметь такое число единиц, которого было бы достаточно для дифференциации всего комплекса языковых значений, называют принципом *эмфазы* (греч. *emphasis* 'выразительность'). Именно этот принцип позволяет понять, почему в ряде случаев в истории многих языков происходило не упрощение, а усложнение артикуляции отдельных звуков.

Таким образом, признавая возможность привлечения теории наименьших усилий для объяснения причин спонтанных фонетических процессов, одновременно следует учитывать и другую тенденцию, влияющую на характер протекания звуковых процессов, — принцип эмфазы.

Иной подход при объяснении причин фонетических процессов представлен в *теории иноязычного воздействия*. Согласно этой теории фонетические изменения являются результатом языковых контактов. Само собой разумеется, что контакты, приводящие к такого рода результатам, должны быть достаточно глубокими и продолжительными. Как правило они возможны при совместном проживании народов, пользующихся разными языками, на одной территории. Наиболее глубоким влияние одного языка на другой бывает в случаях *субстрата* и *суперстрата*, то есть когда представители одного из народов переходят на язык своих соседей. При этом, переходя на чужой для себя язык, говорящие вносят элементы своего языка в усваиваемый. Иноязычным (финно-угорским и тюркским) влиянием объясняют, например, такие фонетические особенности русских диалектов, как цоканье (когда говорят *цяй, хоцю, враць* вместо *чай, хочу, врач*), произношение *сэлый, сарь* (вместо *целый, царь*), *шяшка, заш'ем* (вместо *чашка, зачем*). Считается, что под влиянием субстрата в испанском языке исходное латинское *f* отражается как *h*: ср. лат. *faba* 'боб' — испанск. *haba*; лат. *ferrum* 'железо' — испанск. *hierro*. Большое значение имели явления субстрата для французского языка.

Существуют и другие теории, пытающиеся объяснить причины фонетических изменений. Одна из них носит название «теория поколений». Суть ее состоит в следующем. Младшее поколение воспринимает язык от старшего на слух. При этом неизбежны неточности в воспроизведении звучаний. Поскольку каждое поколение представляет собой в какой-то мере единство, связанное особенностями культурно-языковых приоритетов, то та или иная

языковая черта, отличающая представителей данного поколения от предыдущего, может получить в рамках этого поколения достаточно широкое распространение. Таким образом, от поколения к поколению в артикуляции отдельных звуков происходят едва заметные изменения. С течением времени эти сдвиги накапливаются и в конечном счете приводят к качественным переменам.

Имеются и другие теории, которые привлекаются для объяснения причин спонтанных фонетических процессов. Думается, что правы те лингвисты, которые утверждают, что фонетические процессы в языке протекают под влиянием не одной тенденции, а целого комплекса.

КОМБИНАТОРНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Причиной комбинаторных фонетических процессов является взаимодействие звуков. Дело в том, что звуки в потоке речи произносятся не изолированно. Произнося один звук, органы речи уже принимают исходное положение для произнесения другого, а произнося этот другой, еще не окончательно изменили предшествующую артикуляцию. Одни сочетания звуков характеризуются относительной устойчивостью, другие же нестабильны, и поэтому в речи существует более или менее устойчивая тенденция к их переработке. Все комбинаторные фонетические процессы можно разделить на четыре типа: 1) *аккомодация*, 2) *ассимиляция*, 3) *диссимиляция* и 4) *процессы, связанные с перестановкой, исчезновением или появлением звука*.

1. Аккомодация

Аккомодация (лат. *accomodatio* ‘приспособление’) — это такой комбинаторный фонетический процесс, при котором взаимно влияют друг на друга артикуляции соседних звуков: артикуляция конца предшествующего звука испытывает влияние со стороны начала артикуляции последующего и наоборот. В результате аккомодации акустико-артикуляционные характеристики звука меняются частично (начало или конец произнесения). Говоря об аккомодации, обычно имеют в виду взаимовлияние артикуляций разнородных звуков, чаще всего гласных и согласных, хотя взаимодействовать могут и гласный с гласным, и согласный с согласным.

Для понимания процесса аккомодации необходимо иметь в виду, что артикуляция каждого звука проходит три стадии:

- *экскурсия*, то есть начало произнесения;
- *выдержка* — состояние произнесения звука;
- *рекурсия* — прекращение произнесения звука.

Поскольку в потоке речи звуки следуют друг за другом, во время рекурсии одного звука органы речи уже готовятся к экскурсии последующего, а произнося последующий, какое-то время продолжают сохранять элементы артикуляции предыдущего. Принято различать два вида аккомодации — прогрессивную и регрессивную. При *прогрессивной аккомодации* рекурсия предшествующего звука воздействует на экскурсию последующего. Так, если сравнить гласный в двух слогах — [ta] и [ka], — то отчетливо слышно, что во втором случае гласный [a] — более заднего ряда, и это различие связано с воздействием рекурсий предшествующих согласных: [t] — переднеязычный, а [k] — заднеязычный.

При *регрессивной аккомодации* экскурсия последующего звука влияет на рекурсию предыдущего. Например, если сравнить согласный [k] в слогах [ku] и [ka], то в первом случае в рекурсии [k] явственно слышен лабиализованный оттенок — результат влияния лабиализованного гласного [u], то есть [k], в то время как во втором слоге лабиализация в рекурсии [k] отсутствует.

Поскольку при произнесении происходит как бы наложение артикуляций двух соседних звуков друг на друга, можно утверждать, что во всех случаях, когда у звука меняется сосед, акустико-артикуляционные характеристики этого звука в той или иной мере меняются.

Аккомодация — широко распространенное явление во всех языках мира.

2. Ассимиляция

Ассимиляцией (лат. *assimilatio* ‘уподобление’) называется такое взаимодействие двух смежных или расположенных на расстоянии однородных звуков (гласного с гласным или согласного с согласным), в ходе которого один из звуков качественно уподобляется другому, приобретая его артикуляционно-акустические признаки.

В качестве примера можно привести слова *просьба* или *свадьба*. Под влиянием последующего звонкого [б] глухие [с] и [т] (ср. *просить*, *сватать*) в этих словах также становятся звонкими: [проз’бъ], [свад’бъ], причем у слова *свадьба* это произношение закрепилось и орфографически.

Различают ассимиляцию *регрессивную* и *прогрессивную*, *контактную* и *дистантную* (или *дистактную*), *полную* и *неполную*.

- Регрессивная и прогрессивная ассимиляция

Ассимиляция называется регрессивной, если при взаимодействии двух звуков артикуляционно-акустические характеристики изменяются у предшествующего, ср. [лоткь] ‘лодка’, [ф пут’] ‘в путь’ и др.

Если же артикуляционно-акустически изменяется последующий звук, такая ассимиляция называется прогрессивной, ср., например, в английском языке произношение окончания множественного числа имен существительных: после звонких согласных — [z], после глухих — [s]: *desk* ‘письменный стол, парта’ — *desks* [desks]; *dog* ‘собака’ — *dogs* [d gz].

Если в ходе взаимодействия изменяются оба звука — как предшествующий, так и последующий — следует говорить о прогрессивно-регрессивной, или взаимной, ассимиляции, ср. в русском языке изменение сочетания [сч] в таких словах, как *счастье* [ш’ш’ас’т’ь] или *песчаный* [п’и ш’ш’аны].

- Контактная и дистантная (дистантная) ассимиляция

При контактной ассимиляции взаимодействуют смежные звуки, то есть стоящие рядом: [р’эtk’ij] ‘редкий’, [р’эск’ij] ‘резкий’ (контактная регрессивная ассимиляция).

При дистантной ассимиляции взаимодействуют звуки, которые не являются смежными. В качестве примера можно привести встречающееся в соответствии с общераспространенным *маленько* диалектное *маненько* (регрессивная дистантная ассимиляция). Звук [а] в первом слого русского слова *баран* — результат дистантной регрессивной ассимиляции (раньше было *боран*). Встречается такая ассимиляция при освоении иноязычных слов, ср. русское имя *Артамон* (из греч. *artemes* ‘невредимый, здоровый’); фамилию *Нестеров* (ср. греч. *Nestor*); слово *батарея* (из франц. *batterie*); французское *colonne* (при исходном латинском *columna*) — во всех случаях дистантная прогрессивная ассимиляция.

Разновидностью дистантной ассимиляции считают также *сингармонизм* (греч. *syn* ‘с, со’, *harmonia* ‘связь, созвучие’). Сингармонизм — это встречающееся в некоторых языках явление, при котором гласные в присоединяемых аффиксах полностью или частично уподобляются гласным основы. Широко представлен сингармонизм, в частности, в тюркских языках. Так, в казахском языке при образовании форм множественного числа используется аффикс *-лер*, если в основе находится гласный переднего ряда, и аффикс *-лар*, если гласный основы — не переднего ряда, ср. *бала* ‘ребенок’ — *балалар* ‘дети’; *тау* ‘гора’ — *таулар* — ‘горы’, но *жер* ‘земля’ — *жерлер* ‘земли’.

- Полная и неполная (частичная) ассимиляция

Ассимиляция считается полной, если оба звука, участвующие в процессе, становятся совершенно одинаковыми: [ддат'] 'отдать', [пътт лкнут'] 'подтолкнуть' и т.п. Ср. еще лат. *irrationalis* (из *in-rationalis*) 'неразумный'; *immobilis* (из *in-mobilis*) 'неподвижный'; немецк. *Zimmer* (из *zimber*) 'комната'.

При неполной (частичной) ассимиляции звуки становятся более сходными, чем раньше, но продолжают оставаться неодинаковыми: [дб'ит'] 'отбить', [скасць] 'сказка' и др.

В зависимости от того, какой признак у одного из звуков изменился под воздействием другого звука, различают отдельные разновидности частичной ассимиляции:

а) по глухости — звонкости: русск. [трафць] 'травка', [бутць] 'будка'; франц. [ops rve] 'наблюдать (орфогр. — *observer*)', [sybziste] 'существовать (орфогр. — *subsister*)';

б) по месту образования: в латинском языке *in* ('не') + *possibilis* ('возможный') > *impossibilis* ('невозможный') — под влиянием последующего [p] переднеязычный согласный [n] становится губным; английск. *conquest* [k kwest] ('завоевание, победа') — согласный [n] под воздействием последующего заднеязычного [k] утрачивает переднеязычную артикуляцию и становится заднеязычным;

в) по способу образования: ср. лат. *faba* и развившееся из него франц. *feve* 'боб'; лат. *februarius* и заимствованное из латинского языка русское *февраль* — в обоих случаях смычно-взрывной согласный [b] под влиянием предшествующего щелевого [f] приобрел щелевую артикуляцию;

г) по палатализации (твердости-мягкости): ср. русск. *летний* [л'эт'н'иј] и *весна* [в'и сна], *дни* [д'н'и] и *дно* [дно] — в зависимости от мягкости или твердости согласного [н] предшествующий звук также становится или не становится палатализованным.

Данный перечень не исчерпывает всех видов частичной ассимиляции, которые встречаются в языках мира, но достаточно показателен, чтобы увидеть многообразие данного процесса.

Таким образом, ассимиляция может быть следующих видов: регрессивная и прогрессивная, контактная и дистантная, полная и частичная. В учебной практике принято при анализе того или иного конкретного примера указывать все данные характеристики. Так, в английском слове *cats* [k ts] 'кошки' имеет место ассимиляция прогрессивная, контактная, частичная, по глухости; в русском слове *летний* [л'эт'н'иј] — ассимиляция регрессивная, контактная, частичная, по мягкости.

3. Диссимиляция

Диссимиляцией (лат. *dissimilatio* ‘расподобление’) называется такое взаимодействие двух смежных или расположенных на расстоянии однородных звуков (гласного с гласным или согласного с согласным), в ходе которого один из звуков качественно отдалается от другого, утрачивая сближавшие их характеристики.

В диссимиляции могут быть выделены практически те же виды, что и у ассимиляции, за исключением «полная-частичная». Таким образом, диссимиляция может быть *регрессивная* и *прогрессивная*, *контактная* и *дистантная*.

- Регрессивная диссимиляция

В русском просторечном произношении встречаются случаи произношения сочетаний *мп*, *мб*, *мв* соответственно как [нп], [нб], [нв]: *конпот* (вм. *компот*), *бонба* (вм. *бомба*), *транвай* (вм. *трамвай*) — во всех этих примерах имеет место *контактная* регрессивная диссимиляция: в сочетании, состоящем из двух губных согласных, предшествующий теряет губную артикуляцию и становится переднеязычным зубным.

Регрессивная *дистантная* диссимиляция относительно часто встречается в русском просторечии в словах, где выступают два *р*: *директор* (иногда, ошибаясь, произносят *дилектор*), *секретарь* (иногда произносят *секлетарь*), *курьер* (*кульер*); ср. также французск. *nappe* (из лат. *tappa*) ‘скатерть’.

- Прогрессивная диссимиляция

Контактная прогрессивная диссимиляция представлена, например, в просторечном варианте слова *асфальт* — *асвальт*. В данном случае это диссимиляция по глухости-звонкости: в сочетании, состоящем из двух глухих согласных, один из них стал звонким.

В качестве примеров прогрессивной дистантной диссимиляции можно привести русское *февраль* (из лат. *februarius*), испанские *marmol* (из лат. *marmor*) ‘мрамор’; *arbol* (из лат. *arbor*) ‘дерево’.

4. Комбинаторные фонетические процессы, связанные с перестановкой, исчезновением или появлением звуков

Метатеза

Метатеза (греч. *metathesis* ‘перестановка’) — это изменение порядка следования взаимодействующих звуков относительно друг друга. Следует отметить, что при метатезе могут меняться местами не только отдельные звуки, но и звукосочетания, как стоящие рядом, так и расположенные на расстоянии. Например, русск. *футляр* (из немецк. *Futteral*), имя *Фрол* (из лат. *flor* ‘цветок’), *мрамор* (из лат. *marmor*), русское диалектное *ведмедь* в соответствии с литературным *медведь* (ср. украинское *ведмідь*).

Диереза

Диерезой (греч. *diuresis* ‘разрыв, разделение’) называют исчезновение звука из произношения. Очень часто диереза встречается при произнесении громоздких групп согласных, ср. русские [п јэскъ] вместо «поездка», [чэсныј] вместо «честный»; английские [ka:sl] в соответствии с орфографическим *castle* ‘замок, дворец’, [fa:sn] в соответствии с *fasten* ‘прикреплять’, [fn] в соответствии с *often* ‘часто’.

Термин «диереза» используется как общее обозначение процесса исчезновения звука из произношения. Кроме этого термина для обозначения разновидностей диерезы используется еще целый ряд терминов:

- **апокопа** (греч. *apokore* ‘усечение’) — отпадение конечного, обычно безударного гласного, ср. русск. *рукой* вместо более раннего [рукоју], *хотя б* вместо *хотя бы*;

- **синкопа** (греч. *syncope* ‘сокращение’) — выпадение звука или слога в середине слова, ср. встречающееся в русской устной речи *жавронок* вместо *жаворонок*, лат. *disciplina* из *discipulina* ‘учение, обучение’;

- **элизия** (лат. *elisió* ‘выжимание, выталкивание’) — отпадение конечного гласного, иногда гласного и согласного, в том случае, если следующее слово также начинается с гласного, ср. две первые строчки из известнейшего стихотворения Горация «Ad Melpomēnen» (элидированные звуки помещены в скобках):

Exegi monument(um) aere perennius

Regalique situ pyramid(um) altius...

‘Воздвиг я памятник вечнее меди прочной

И зданий царственных превыше пирамид’

(Перевод А. Фета)

- **стяжение гласных** — объединение в единый звук (необязательно долгий) двух одинаковых гласных, ср. русск. *приду*, *придет* вместо *прииду*, *приидет*;

- **гаплогогия** (греч. *haplos* ‘простой’, *logos* ‘учение’) — выпадение одного из двух одинаковых или похожих слогов, ср. русские *минералогия* вместо *минералология*, *знаменосец* вместо *знаменоносец*.

Эпентеза

Эпентеза (греч. *epenthesis* ‘вставка’) — это появление звука в том или ином звукосочетании: ср. в русском языке просторечные формы *радиво* (вместо *радио*), *ндравится* (вместо *нравится*); немецкое *Strom* (из *srom*) ‘течение’; английские *empty* [empti] (из *emti*) ‘пустой’, *glimpse* [glimps] (из *glimse*) ‘взгляд’. Вставленный звук называют эпентетическим.

Протеза

Протеза (греч. *prothesis* ‘стоящий впереди’) — это появление звука в начале слова. Добавленный звук называют протетическим. В том случае, если слово начинается с гласного, в качестве протетического обычно выступает согласный звук, и наоборот. Наиболее часто перед гласным в качестве протетических встречаются звуки [w], [v], [j]. Примеры: русск. *вострый* (из *острый*), *восемь* (из *осьмь*), просторечные *јэто*, *јэх* вместо *это*, *эх*; русские диалектные и просторечные формы *аржаной*, *иржаной* (вместо *ржаной*).

ПОЗИЦИОННЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Позиционными фонетическими процессами называются такие, при которых те или иные артикуляционно-акустические характеристики звука зависят от его места в слове или слоге. Обычно позиционные изменения бывают связаны с началом или концом слова, а также с положением по отношению к ударному слогу. Например, в русском языке на конце слова происходит оглушение звонких согласных, а в безударном положении не различаются гласные среднего и нижнего подъема, то есть [э], [о], [а]; в английском языке согласные *p*, *t*, *k* в начале слова произносятся с дополнительной артикуляцией аспирации, а в немецком перед гласным, с которого начинается слово, произносится гортанный взрыв.

ЗВУКОВЫЕ ЗАКОНЫ

Законы, управляющие сохранением или изменением фонетических единиц, называют *звуковыми законами*.

Говоря о звуковых законах, обычно имеют в виду два типа явлений: 1) изменения звуков в определенный момент существования языка, то есть в синхронии; 2) перемены, которые произошли в звуковой системе языка за более или менее продолжительный промежуток времени, то есть в диахронии.

Соответственно звуковые законы могут быть синхроническими и диахроническими.

Синхроническими звуковыми законами называются регулярные звуковые процессы, имеющие место в тот или иной момент существования языка. Любой синхронический закон действует только в определенных условиях, в определенный период времени и на определенной территории. В качестве примера можно привести оглушение звонких согласных на конце слова в современном русском языке. Условие осуществления этого процесса — конец слова. Зависимость реализации его от территории можно показать, в частности, на примере украинского языка, который, как и русский, развился из древнерусского, но в нем согласные на конце слова не оглушаются. Ограничен данный закон и временными рамками: начало его действия — не раньше XI века. Иными словами, до XI века согласные в русском (для того времени - в древнерусском) языке на конце слова не оглушались. Можно ли утверждать, что, однажды возникнув, определенный фонетический закон будет действовать далее во все периоды последующего существования языка? История многих языков показывает, что такой гарантии дать невозможно. Существует много случаев, когда тот или иной звуковой закон переставал действовать. Например, в праславянском языке перед гласными переднего ряда [e], [i] согласный [ɣ] переходил в [ж]: **togetь* > *можемь* **drugina* > *дружина*. Впоследствии, однако, этот закон перестал действовать, ср. современные *гений*, *гимн*, где *г* в *ж* не переходит, хотя условия те же.

В том случае, если фонетический закон перестал действовать, в языке остаются так называемые *исторические чередования*, которые являются как бы «воспоминанием», «памятью» об этом процессе. Дело в том, что в системе словоизменения и словообразования слова могут сохранять ту звуковую форму, которую они имели в период действия того или иного закона. Иначе говоря, современное чередование *г/ж* в русских словах *могу* — *можешь*, *бегу* — *бежишь* — это уже не реализация древнего фонетического закона (сейчас, как

уже сказано, *з* в *ж* не переходит) а сохранение исторически сложившихся форм словоизменения и словообразования.

Диахроническими звуковыми законами называются регулярные звуковые соответствия между разными языками, восходящими к одному общему для них языку, или между хронологически разными формами одного языка.

В качестве примера для первого случая приведем два ряда слов:

1) русск. *беру*, греч., лат. *fero*, древнеиндийск *bharati*;

2) русск. *брат*, греч., лат. *frater*, древнеиндийск.

bhratar.

Сопоставив эти ряды, получим диахронический звуковой закон: русский звук *b* соответствует греч., лат. *f*, древнеиндийскому *bh*.

Регулярные звуковые соответствия между хронологически разными формами одного языка можно показать на русских примерах. Так, в соответствии с гласным *о*-носовым ([o]), выступавшим в древнерусском языке — *roka*, *potь*, *gosь*,- в современном языке выступает *у*: *рука*, *путь*, *гусь*.

УЧЕНИЕ О ФОНЕМЕ

Описание звуков, используемых в процессе речевого общения, с точки зрения физической (акустической) и физиологической (артикуляторной) позволяет получить достаточно полное представление о материальной природе речевых единиц. Совершенно естественно, однако, что для лингвиста сведения о физико-физиологических характеристиках звуков представляют интерес постольку, поскольку звуки являются частью материального механизма, обеспечивающего языковое общение. Каждый звук в составе той или иной значимой единицы выполняет определенную функцию по ее формированию и отличению от других единиц. Именно этот, функциональный аспект для лингвиста наиболее важен. Собственно лингвистическое исследование и начинается с того момента, когда из всех материальных характеристик выделяются те, которые существенны для обеспечения общения. Изучением функционального, коммуникативно значимого начала в звуках занимается особый раздел фонетики — *функциональная фонетика*, или *фонология*.

Для обозначения языковых единиц, соответствующих реально произнесенным звукам и имеющих функциональную значимость, в фонологии используется особый термин — *фонема*. Таким образом, *фонемы* — это минимальные единицы языка, которые служат для

складывания и различения материальных оболочек значимых единиц, таких, как морфемы и слова.

Данное определение нуждается в комментарии. Как установить, какое количество звучания является минимальным? Например, если взять два русских слова — *сок* и *рак*, то очевидно, что их различают звучания *со* и *ра*. Можно ли такие звуковые отрезки считать минимальными единицами? Очевидно, нет, поскольку в их составе могут быть выделены менее крупные единицы — *с*, *о* (в *со*) и *р*, *а* (в *ра*). Дело в том, что внутри данных звуковых отрезков возможно проведение морфемной границы. Так, сравнив формы слов *колесо* и *колеса*, *жара* и *жару*, можно легко установить, что и *со*, и *ра* распадаются на два элемента, причем каждый из них может играть самостоятельную роль при различении слов и морфем, ср. *сок* — *рок*, *рок* — *рак*, *сом* — *сам* и т.д. Таким образом, минимальным элементом следует считать такое звучание, которое в пределах данного языка не может быть представлено состоящим из других сегментных отрезков и внутри которого не может проходить морфемная граница.

Различая единицы языка, обладающие разными значениями, сами фонемы как таковые никакого определенного значения непосредственно не обозначают. В отличие от слов и морфем, имеющих двусторонний, знаковый характер (означающее и означаемое), фонема является единицей односторонней, это единица только плана выражения. Если же оказывается, что за той или иной фонемой закреплено какое-то значение, то из этого следует, что данная единица является одновременно морфемой или даже словом, а иногда и предложением. Например, в слове *рука* последний гласный является однофонемной морфемой, которая выражает грамматическое значение «существительное единственного числа именительного падежа женского рода». Такую однофонемную морфему необходимо отличать от тех реализаций, когда фонема выступает исключительно в своей собственной функции, например, *а* в словах *сад*, *там*, *сам* и т.д.

Выявление состава фонем в языке

Выделение фонем в языке основано на их способности различать материальную оболочку значимых единиц. Наиболее распространенным и простым методом выявления состава фонем в том или ином языке является *метод минимальных пар*. Минимальной парой называют две значимые единицы, различающиеся минимумом звучания, возможным для произнесения в качестве отдельной сегментной единицы. Примеры минимальных пар: *кот* — *тот*, *вот* — *рот*, *том* — *дом* и т.д. Минимальную пару

могут составлять и значимые единицы, одна из которых имеет на один звук (минимум звучания) больше или меньше: *победа* — *обеда*, *дверь* — *верь*, *шутка* — *утка* и т.п. Если те или иные звуки выступают в качестве различителей минимальных пар, это означает, что данные звуки являются реализациями самостоятельных фонем. Например, на основании рассмотрения минимальных пар *том* — *дом*, *том* — *ком*, *том* — *ром*, *том* — *лом*, *том* — *там* можно утверждать, что в русском языке существуют самостоятельные фонемы, соответствующие представленным в членах этих пар звукам [т], [д], [к], [р], [л], [о], [а]. Расширив число таких пар, можно выявить основной состав фонем того или иного языка.

Фонема и аллофоны

Фонема является минимальной единицей языка и, следовательно, имеет абстрактную природу. Одной фонеме может соответствовать несколько реализаций, которые принято называть *аллофонами*. Различия между аллофонами могут иметь разную природу. В связи с этим прежде всего можно выделить *аллофоны фонетически обусловленные*. Фонетическая обусловленность определяется закономерностями, существующими в том или ином языке. Например, согласный перед лабиализованным гласным в силу законов аккомодации приобретает огубленную рекурсию, ср. произношение начального *к* в русских словах *как* и *кукла*. Фонетически обусловленными аллофонами одной и той же фонемы /э/ в русском языке будут ее реализации под ударением в словах *целый* и *сели*: в первом случае с точки зрения артикуляционной выступает открытый гласный, во втором (между мягкими согласными) — закрытый. Как уже отмечалось, в потоке речи фонетические единицы активно взаимодействуют друг с другом, поэтому разнообразие фонетически обусловленных аллофонов достаточно велико.

Далее можно выделить так называемые *свободные аллофоны*. Речь идет о случаях, когда разные звучания могут заменять друг друга без изменения смысла. Например, в японском языке свободными аллофонами являются *r* и *l*: *r* может употребляться вместо *l* и наоборот. В русском языке губно-зубной согласный звук *v* и губно-губной *w* также могут считаться свободными аллофонами одной фонемы. Следует отметить, что границы свободного варьирования по языкам различаются весьма существенно, и то, что в одном языке можно квалифицировать как свободные аллофоны, в другом следует считать разными фонемами. В частности, нет сомнений в том, что, в отличие от японского языка, в русском языке

r и *l* — разные фонемы, ср. *ром* — *лом*, *рак* — *лак*. С другой стороны, свободное варьирование *v* и *w*, допустимое в русском языке, невозможно в английском, где данные согласные являются самостоятельными фонемами: ср. *vale* [veɪl] 'дол, долина' — *whale* [weɪl] 'кит', *veal* [vi:l] 'телятина' — *wheel* [wi:l] 'колесо', *vie* [vai] 'соперничать' — *why* [wai] 'почему'.

Наконец, аллофоны могут быть *стилистически окрашенными*. О стилистической окрашенности аллофонов можно говорить в тех случаях, когда за разными произносительными стилями закрепляются разные звучания. Как писал один из основателей фонологии Н.С. Трубецкой, «... в одном и том же языке могут сосуществовать вульгарный, благородный и стилистически нейтральный варианты одной и той же фонемы...». В качестве примера можно привести произношение ударного гласного в русском слове *пойдём* [п јд'ом]: в тех случаях, когда гласный частично утрачивает лабиализацию и получает открытую артикуляцию, его произношение приобретает характер разговорный и даже вульгарно-просторечный.

Некоторые лингвисты полагают, что аллофоны не следует считать единицами речи, поскольку существующие между ними различия отражают закономерности, имеющиеся в языке, и не связаны с конкретными условиями речевого процесса. Из этого следует, что фонема как единица языка существует (в языке же) как набор аллофонов, а в речи ей соответствуют реальные звуки, по отношению к которым аллофоны являются своего рода языковой абстракцией.

Согласно другой точке зрения аллофоны — это определенные звуки, произнесенные в соответствии с той или иной фонемой. Являясь реализацией языковой единицы (фонемы), аллофон по своим характеристикам соответствует имеющимся в языке закономерностям и, одновременно, отражает особенности произношения того или иного говорящего. Впрочем, что касается индивидуальных особенностей произношения, то считается, что при лингвистическом анализе они существенного значения иметь не могут и поэтому обычно не учитываются.

Из всего разнообразия конкретных реализаций фонемы принято выделять основной вариант. *Основным вариантом фонемы* считается такая реализация, которая в наименьшей степени зависит от позиции и окружения. Например, согласные фонемы русского языка в основном варианте выступают перед гласными [a], [o], [y]. У гласных основной вариант выступает под ударением в абсолютном начале слова. Именно основной вариант дает название фонеме.

Встречаясь в одной и той же позиции, разные фонемы противопоставлены друг другу. Отношения между фонемами, встречающимися в одной и той же позиции, можно назвать *отношениями контраста*. Например, различая слова *сом* и *сам*, в отношении контраста вступают фонемы /o/ и /a/.

Иной тип отношений существует между фонетически обусловленными реализациями (аллофонами) одной и той же фонемы. Такие реализации никогда не встречаются в одинаковой позиции. Так, в слове *сом* в корне выступает гласный [o], а в слове *сома* [с ма] в той же морфеме несколько иной звук — [], причем под ударением невозможен [], а в безударном положении в русском литературном языке невозможен [o]. В обоих случаях выступает одна и та же морфема, а [o] и [] в рамках данной морфемы — фонетически обусловленные аллофоны одной и той же фонемы. Отношения, при которых из двух реализаций фонемы одна может выступать в таких фонетических условиях, в которых не может выступать другая, и наоборот, называются *отношениями дополнительной дистрибуции* (англ. *distribution* ‘распределение, размещение’). Иначе говоря, аллофоны [o] и [] находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, поскольку не могут встречаться в одной и той же позиции.

Наличие отношений дополнительной дистрибуции часто используют в качестве доказательства отнесенности двух аллофонов к одной фонеме. Приведем пример, аналогичный предыдущему: *ряд* [р’ат] — *ряды* [р’и ды]. Можно ли утверждать, что [а] и [и] представляют одну фонему, или, иначе говоря, являются ее аллофонами? Да, можно, так как оба звука выступают в рамках одной и той же морфемы, но [а] встречается только под ударением, а [и] — только в безударном положении и, следовательно, они находятся в отношениях дополнительной дистрибуции.

Дифференциальные и интегральные признаки фонем

Каждая фонема включает в себя ряд признаков, которые образуют ее качественную определенность. Так, фонема /ч/ в русском языке характеризуется следующими признаками: глухостью, смычно-щелевым способом образования, переднеязычным передненебным образованием, мягкостью.

Не все признаки в составе фонемы играют одинаковую роль. Одни из этих признаков отличают данную фонему от других фонем, или, иначе говоря, используются для сопоставления. Так, признак «смычно-щелевой» отличает /ч/ от /т’/, причем это единственный

признак, с помощью которого /ч/ противопоставлена /т'/, все остальные признаки у них совпадают.

Признак, с помощью которого та или иная фонема противопоставлена другой фонеме, называется *дифференциальным*. Совокупность дифференциальных признаков, входящих в состав той или иной фонемы, называется ее *фонологическим содержанием*.

С другой стороны, в состав фонемы могут входить признаки, посредством которых она не противопоставлена другим фонемам. Эти признаки называются *интегральными*. Так, у фонемы /ч/ в русском языке признаки «глухой» и «мягкий» являются интегральными.

Легко заметить, что отнесенность признака к дифференциальным или интегральным в разных языках окажется неоднозначной. Так, если для русской фонемы /ч/ признак «глухость» должен быть отнесен к интегральным, то в английском языке у аналогичной фонемы /t / тот же признак является дифференциальным, так как с помощью именно этого признака она противопоставлена другой фонеме — /d /: ср. *chain* [t ein] 'цепь' — *Jane* [d ein] 'Джейн (имя)'.

Фонологические оппозиции

Функционирование фонем в качестве смыслоразличительных единиц предполагает, что сами фонемы должны отличаться друг от друга, или, иначе говоря, должны быть противопоставлены друг другу. Каждую фонему можно представить членом парного сопоставления, в котором вторым членом пары выступает любая другая фонема: например, /b/ : /p/, /b/ : /d/, /b/ : /k/ и т.д. Противопоставление одной фонемы другой фонеме в составе таких пар в фонологии получило название *фонологической оппозиции*.

В зависимости от характера различий, имеющих место между членами фонологических противопоставлений, принято выделять несколько типов фонологических оппозиций.

1. Привативные, эквиполентные и градуальные оппозиции.

Привативными (лат. *privativus* 'отрицательный') оппозициями называются такие, в составе которых один член характеризуется наличием, а другой — отсутствием признака, при том, что все остальные признаки совпадают. Член оппозиции, который обладает признаком, называется *маркированным*, а тот, у которого признак отсутствует, — *немаркированным*. Так, оппозиция /б/ : /п/ в русском языке является привативной, поскольку входящие в ее состав члены различаются наличием/отсутствием одного признака: /б/ обладает

звонкостью, а /n/ не обладает. Что касается остальных признаков, то они у обоих членов совпадают: оба они являются смычно-взрывными, губно-губными, непалатализованными. Маркированным членом оппозиции является /б/: он обладает признаком звонкости. Согласный /п/ — немаркированный член, поскольку он характеризуется отсутствием звонкости.

Эквиполентными (лат. *aequipollens* ‘равносильный, равнозначный’) называются такие оппозиции, у членов которых различающие признаки являются равноправными, то есть не представляют собой отрицание или утверждение по отношению друг к другу. В качестве примера эквиполентной оппозиции можно привести /б/ : /д/. Ее члены различаются местом образования (/б/ — губно-губной, /д/ — переднеязычный зубной), причем оба признака — «губно-губной» и «переднеязычный зубной» — являются логически равноправными, и отрицание одного не ведет к утверждению другого. Иначе говоря, если звук не является губно-губным, то это отнюдь не означает, что он должен быть переднеязычным: он может быть и средне-, и заднеязычным. К эквиполентным относятся и такие оппозиции, члены которых противопоставлены не по одному, а по нескольким признакам: например, /ф/ : /к/. В этой паре фонемы противопоставлены по способу образования (/ф/ — щелевой, /к/ — смычно-взрывной) и по месту образования (/ф/ — губно-зубной, /к/ — заднеязычный задненебный). Эквиполентные оппозиции встречаются намного чаще, чем привативные.

Градуальной называется оппозиция, члены которой различаются за счет разной степени проявления того или иного признака. Например, в эстонском языке градуальной является оппозиция гласных по долготе: в нем различаются гласные краткие, долгие и сверхдолгие.

2. Пропорциональные и изолированные оппозиции.

Пропорциональными называются такие оппозиции, в которых содержание отношений между членами может быть свойственно другой оппозиции в том же языке. Например, оппозиция /д/ : /т/ является пропорциональной в русском языке, потому что точно такие же отношения свойственны оппозициям /б/ : /п/, /з/ : /с/ и др.

Изолированные оппозиции включают в свой состав члены, отношения между которыми не повторяются более ни в одной другой паре в данном языке. Такой является, например, оппозиция /л/ : /н/ в русском языке: /л/ — смычно-проходной боковой : /н/ — смычно-проходной носовой. Другой оппозиции, в которой согласные были бы противопоставлены только по этим признакам, в русском языке нет.

3. Постоянные и нейтрализуемые оппозиции.

П о с т о я н н ы м и называются такие оппозиции, в которых отношения между членами устойчиво сохраняются во всех случаях реализации данных фонем в языке. Например, согласные /к/ и /с/ в русском языке сохраняют противопоставленность друг другу в любой позиции.

Н е й т р а л и з у е м ы е оппозиции включают в свой состав члены, различия между которыми в определенных фонетических условиях могут нейтрализоваться и, следовательно, оппозиция как таковая в этих условиях перестает существовать. Например, оппозиция /д/ : /т/ в русском языке на конце слова нейтрализуется, противопоставленность входящих в нее согласных фонем исчезает.

Те положения, в которых происходит нейтрализация оппозиций, называются *позициями нейтрализации*. Так, позицией нейтрализации для оппозиции по глухости-звонкости в русском и немецком языках является конец слова. Для оппозиции гласных среднего и нижнего подъема (/о/ : /а/) позицией нейтрализации в русском языке является безударное положение.

В позиции нейтрализации некоторые из признаков, с помощью которых фонема противопоставлена другим фонемам, утрачивают дифференциальный характер, смысловозначительная способность фонемы становится несколько слабее. Поэтому позицию нейтрализации называют *слабой позицией*. Например, для фонемы /д/ в русском языке «звонкость» является дифференциальным признаком (ср. минимальную пару *дом* — *том*), однако в слабой позиции (то есть в позиции нейтрализации по глухости-звонкости) этот признак перестает быть дифференциальным, ср.:

<i>код</i>	<i>пруд</i>	
> <i>кот</i>	> <i>прут</i>	и т.д.
<i>кот</i>	<i>прут</i>	

Сильной позицией, в отличие от слабой, является такая, в которой дифференциальный признак может быть использован для противопоставления другой фонеме. Так, для русских глухих и звонких согласных сильной является позиция перед гласным или сонорным согласным.

Системность фонем в языке

В каждом языке фонемы образуют систему. Более того, из всех языковых уровней фонологический уровень, пожалуй, обнаруживает черты системной организации в наибольшей степени.

Базовыми элементами фонологической системы, естественно, выступают фонемы. Как известно, любой элемент в системе приобретает значимость, то есть содержание, которое формируется на основе связей с другими членами системы. Для фонемы понятие значимости должно быть соотнесено с ее фонологическим содержанием. Дело в том, что фонологическое содержание фонемы (то есть совокупность присущих ей дифференциальных признаков) целиком зависит от ее места в системе.

Покажем это на примере фонемы /ð/ в русском языке. Фонема /ð/ обладает дифференциальным признаком «звонкость» в силу того, что в системе есть противопоставленная ей по этому признаку фонема /m/. Если бы в языке фонемы /m/ не было, признак «звонкость» для /ð/ утратил бы дифференциальный характер. Точно так же обстоит дело и с наличием других дифференциальных признаков: «твердость» — благодаря тому, что есть /ð', «смычно-взрывной характер» — из противопоставления фонеме /з/, «переднеязычное зубное образование» — из противопоставления /б/ и /г/.

Итак, фонологическое содержание фонемы целиком формируется в системе, а это означает, что и сама фонема вне системы существовать не может. Схематически взаимная зависимость фонем в системе может быть представлена следующим фрагментом фонологической системы:

/к'/	-	/к/	-	/г/	-	/г'/
/т'/	-	/т/	-	/д/	-	/д'/
/с'/	-	/с/	-	/з/	-	/з'/

Как явствует из схемы, фонологическое содержание фонем /т/, /д/ и др. целиком зависит от наличия или отсутствия других фонем.

Другой фрагмент:

/ч/		
?	-	/ц/
-	-	?
/т'/	-	/т/
-	-	/д/

(Значком ? обозначено отсутствие соответствующей фонемы в фонологической системе русского языка).

Фонологическое содержание фонемы /ц/ — «смычно-щелевой характер» (в отличие от /т/ и «переднеязычное зубное образование» (в отличие от /ч/). Что касается глухости и твердости, то они для фонемы /ц/ дифференциальными не являются, так как нет фонем, которым она могла бы быть противопоставлена по этим признакам.

Таким образом, можно констатировать, что существующая в языке фонологическая система определяется как составом фонем, так и их фонологическим содержанием. Системные связи фонем основаны на их противопоставлениях (оппозициях) по отношению к другим членам системы.

Фонологическая система каждого языка характеризуется своеобразием по всем аспектам, затрагивающим отношения между фонемами.

Можно отметить, что в разных языках мира различается, и довольно значительно, общее число фонем. Так, в языке гуахино, входящем в число аравакских языков индейцев Южной Америки, — 20 фонем (6 гласных и 14 согласных), в то время как в одном из кавказских языков, лезгинском, — 65 фонем (5 гласных и 60 согласных), а в абхазском — 71 фонема (3 гласных и 68 согласных). В большинстве европейских языков — около 40 фонем: в английском — 45 (21 гласная, 24 согласных), в немецком — 39 (19 гласных, 20 согласных), в русском — 42 (5 гласных, 37 согласных), во французском — 36 (15 гласных, 21 согласная).

Различия в численности фонем характеризуют лишь внешнюю сторону фонологических систем разных языков. Более глубокими оказываются особенности, затрагивающие другие аспекты.

Прежде всего необходимо отметить, что состав дифференциальных признаков фонем в различных языках весьма разнообразен. Например, противопоставление согласных по глухости-звонкости, существенное для многих языков, в мансийском и хантыйском языках для смысловоразличения не используется. Долгота гласного, имеющая фонологическое значение для немецкого языка, в русском языке не является дифференциальным признаком. С другой стороны, в немецком и в эстонском языках долгота гласного имеет смысловоразличительное значение, однако в немецком языке различаются краткие и длинные гласные, а в эстонском — краткие, длинные и сверхдлинные. Мягкость согласных, играющая весьма важную роль в системе оппозиций русских фонем, во многих языках (немецком, английском, французском) не может различать смысл. В этой связи важно отметить, что фонологический слух говорящего ориентирован и точно настроен именно на те дифференциальные признаки, которые используются в фонологической системе его

родного языка. Именно поэтому при изучении иностранного языка освоить новую систему бывает весьма непросто.

Соотношение сильных и слабых позиций для конкретных реализаций фонем по языкам также может иметь весьма существенные особенности. Так, конец слова для согласных в русском и немецком языках — слабая позиция по глухости-звонкости, ср. русск. *стог* — *сток*. (= [сток]), немецк. *Rad* — *Rat* (= [rat]) — соответственно ‘колесо’ и ‘совет’. В других же языках, например, в английском, украинском, французском, конец слова — сильная позиция по глухости-звонкости, так как противопоставление глухих и звонких согласных не утрачивается, а продолжает служить для смысловоразличения, ср. англ. *bad* [bæd] ‘плохой’ и *bat* [bæt] ‘летучая мышь’; *need* [ni:d] ‘нужда’ и *neat* [ni:t] ‘аккуратный’.

В конечном счете любой тип отношений, имеющих в одной фонологической системе, в другой системе может либо совсем отсутствовать, либо быть представленным с особенностями.

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ РЕЧИ

Звуковая речь существует как последовательность звуков, объединенных в определенные группы, каждая из которых может рассматриваться как фрагмент, имеющий свои собственные характеристики. Данные фрагменты представляют собой отдельные звенья речевой цепи, выделяемые за счет фонетических факторов: перерывов звучаний (пауз), смены интонационного рисунка, изменения темпа, ритма и т.д. В этой связи и говорят о фонетическом членении речи и его единицах. Объединения однородных единиц фонетического членения речи могут быть представлены как классы (уровни), находящиеся между собой в иерархических отношениях. Обычно выделяются следующие единицы, образующие такие классы: *звуки, слоги, фонетические слова (речевые такты), синтагмы, фразы.*

Фраза

Фраза (греч. *phrasis* ‘выражение, способ выражения’) является самой большой единицей фонетического членения речи. Единого определения фразы пока не выработано. Имеющиеся дефиниции обычно соотносят фразу и предложение. Иногда это приводит к их фактическому отождествлению. Приведем одно из таких определений: фраза — это «предложение как интонационно-синтаксическая единица, обладающая интонационной

законченностью и имеющая определенную интонационную структуру». Многие лингвисты, однако, стремятся различать фразу и предложение, как единицы, выделяемые на разных основаниях: фраза — это единица фонетического членения речи, и составляющие ее элементы имеют целиком фонетическую природу, а предложение — единица грамматическая, поэтому в его составе должны быть представлены грамматические составляющие (подлежащее, сказуемое и др.). Хотя фраза и предложение часто имеют одинаковое материальное выражение, бывают случаи, когда они не совпадают. Особенно ярко это прослеживается в случаях так называемой *парцелляции* (франц. *parcelle* ‘частица’) — то есть в тех случаях, когда единая синтаксическая структура выступает в речи как несколько самостоятельных единиц, каждая из которых может быть соотнесена с фразой. Так, предложению «*Она работает в школе уже пять лет*» могут соответствовать как одна, так и несколько фраз: «*Она работает в школе уже пять лет*», «*Она работает. В школе. Уже пять лет.*», «*Она работает в школе. Уже пять лет.*». Если попытаться исходить исключительно из фонетических характеристик (что вполне естественно для единицы фонетического членения речи), то фразу можно определить как отрезок речи между двумя достаточно продолжительными паузами, обладающий интонационным единством. Вместе с тем нередко в современных словарях и пособиях представлено мнение, что в дополнение к этим признакам фраза выражает смысловое единство и обладает определенной синтаксической структурой.

Синтагма

Термин *синтагма* в лингвистике используется с несколькими значениями. В данном случае под синтагмой понимается часть фразы, представляющая собой слово или группу слов, объединенную ударением и интонационно. Синтагмы могут отделяться друг от друга паузами, которые, однако, меньше по длительности, чем паузы между фразами. Часто паузы между синтагмами нет, однако акустическое впечатление паузы создается за счет изменения интонации. Так же как и при определении фразы, при характеристике синтагмы довольно часто указывается, что синтагма выражает некое смысловое единство и имеет определенную синтаксическую организацию.

Одно из слов в синтагме обычно выделяется за счет усиления в нем ударного слога. Это ударение называют *синтагматическим*. Так, в синтагме /*нам было необходимо*/ синтагматическое ударение несет слово *необходимо*, в синтагме /*выйти к реке*/ — слово *реке*, в синтагме /*до наступления ночи*/ — слово *ночи*. Одно из

синтагматических ударений в составе фразы может быть выделено более, чем остальные. Это ударение называют *фразовым*. Место фразового ударения в нейтральной речи во многих языках находится в последней синтагме, однако в зависимости от смысла, который хочет передать говорящий, это ударение может находиться практически в любой синтагме. Так, во фразе *//Нам было необходимо/ выйти к реке/ до наступления ночи//* фразовое ударение может нести любое из имеющихся синтагматических ударений. В том случае, если говорящий не стремится специально подчеркнуть значение того или иного слова во фразе, фразовое ударение носит в целом нейтральный характер и служит лишь средством ритмико-мелодической организации речи. Если же происходит сознательное выделение определенного слова, фразовое ударение приобретает дополнительную функцию смыслового подчеркивания и такое фразовое ударение принято называть *логическим*.

Как явствует из предшествующего изложения, фраза может состоять как из одной синтагмы, так и из нескольких. Выделение синтагм в составе фразы может носить как обязательный, так и факультативный характер. В стихотворных текстах, имеющих четкую ритмическую организацию, часто допустим только один вариант выделения синтагм, ср., например, известное пушкинское: *//Я помню чудное мгновенье:/ передо мной явилась ты,/ как мимолетное виденье,/ как гений чистой красоты //*. Существует, однако, достаточно много случаев, когда границы между синтагмами могут перемещаться, причем последствия изменения границ могут быть весьма разнообразными: стилистическими, синтаксическими, смысловыми. Примеры такого рода весьма многочисленны и имеют особенности по языкам. Ср.: *//На небольшой полянке / около дома играли две девочки//* и *//На небольшой полянке около дома/ играли две девочки//*; *//Мы нашли его / в доме нашего знакомого//* и *//Мы нашли его в доме / нашего знакомого//*. Или широко известный пример: *//Казнить нельзя/ помиловать//* и *//Казнить/ нельзя помиловать//*. Пример из французского языка: *//Pierre affirme/ mon pere est parti//* ‘Пьер утверждает, что мой отец уехал’ и *//Pierre/ affirme mon pere/ est parti//* ‘Мой отец утверждает, что Пьер уехал’.

К сказанному о синтагме необходимо добавить, что именно в рамках синтагмы реализуются основные типы интонации, представленные в том или ином языке.

Фонетическое слово

Фонетическое слово (иногда используется другой термин — *речевой такт*) — это часть синтагмы, обладающая самостоятельным ударением. Следует различать слово как лексическую единицу и слово фонетическое, хотя они часто совпадают. Дело в том, что фонетическое слово может включать в свой состав несколько лексических единиц, если из них самостоятельным ударением обладает только одна. Так, в синтагме */не началась бы гроза/* представлены два фонетических слова: *не началась бы* и *гроза*. В первом из них самостоятельным ударением обладает лексическая единица *началась*. Что же касается *не* и *бы*, то они примыкают к ней, образуя единый комплекс. В том случае, если безударный лексический элемент в составе фонетического слова предшествует ударному, он называется *проклитикой* (греч. *proklino* ‘наклоняю вперед’) — в приведенном примере это *не*. Если же безударный лексический элемент примыкает к слову, имеющему самостоятельное ударение, сзади, то он называется *энклитикой* (греч. *enklino* ‘склоняюсь’) — здесь это *бы*. У слова *гроза* проклитик и энклитик нет, поэтому слово фонетическое и слово как лексическая единица в данном случае совпадают. Не следует думать, что энклитиками и проклитиками могут быть только незначительные слова, ср. такие случаи, как *медведь на ухо наступил* или *вести под руки*, где энклитиками являются полнозначные слова *ухо* и *руки*.

Особый случай реализации фонетических слов представляют так называемые ритмические группы во французском языке. Они имеют в целом аналогичную природу, но способны объединять большее число лексических единиц, чем фонетические слова русского языка: *mon pere* ‘мой отец’, *apres les classes* ‘после занятий’, *je dessine* ‘я рисую’ (ударение в ритмических группах французского языка — всегда на последнем слоге последнего слова).

Слог

Как отмечают многие исследователи, именно слог — наиболее естественная единица членения речевого потока и, вместе с тем, наименьшая произносительная единица. Иначе говоря, при произнесении говорящий членит речь не на звуки, а на слоги. Вероятно, можно сказать, что мы говорим слогами. Возможно, некоторым подтверждением этому является история письма: слоговое письмо появилось раньше буквенно-звукового и, следовательно, осознание слога как произносительной единицы требует меньше усилий, чем выделение отдельного звука.

Слог как единица фонетического членения речи может состоять из одного или нескольких звуков, при этом главную роль в его составе играет слогаобразующий звук. Не все звуки могут быть

слогообразующими. Очевидно, не могут быть слоговыми смычно-взрывные согласные и аффрикаты, то есть такие, удлинение которых связано либо с задержкой экскурсии, либо с изменением качества. Что же касается звуков, допускающих длительное произнесение с сохранением качества, то все они, в разной степени, конечно, способны выступать в качестве слогообразующих. Прежде всего это, разумеется, гласные. Гласные и согласные есть во всех языках мира, и нет ни одного языка, в котором гласные звуки не выступали бы в качестве слогообразующих. Затем это сонорные согласные, ср., например, чешские *prs* ‘грудь’, *plst* ‘войлок’. Наконец даже глухие шумные согласные в некоторых случаях способны нести слоговую функцию, ср. русск. *тсс!* или *тшш!*, франц. *pst!* ‘тсс!’ и др. Что же касается неслоговых элементов в составе слога, то в этом отношении по языкам существует довольно большое разнообразие.

По расположению слоговых и неслоговых звуков в начале или в конце слога принято различать слоги *открытые* и *закрытые*, *прикрытые* и *неприкрытые*. Открытым называется слог, кончающийся на слоговой звук, а закрытым — слог, кончающийся на неслоговой звук. Например, в слове *о-дин* первый слог открытый, а второй — закрытый. Слог называется неприкрытым, если он начинается со слогового звука, и прикрытым, если он начинается с неслогового звука: в слове *о-дин* первый слог неприкрытый, а второй прикрытый. Если слоговой звук обозначить символом *a*, а неслоговой — символом *t*, то схематически типы слогов можно представить следующим образом:

a — неприкрытый, открытый;

ta — прикрытый, открытый;

at — неприкрытый, закрытый;

tat — прикрытый, закрытый.

Иногда слоги, начинающиеся сонорными согласными, называют *полуприкрытыми*, а кончающиеся сонорными согласными — *полуоткрытыми* (или *полузакрытыми*).

Несмотря на то, что интуитивно слоги выделяются без особого труда, при теоретическом осмыслении всего комплекса относящихся сюда вопросов лингвисты встретились с рядом трудностей, причем некоторые из них не преодолены до сих пор. Существует целый ряд концепций, однако ни одна из них не объясняет природу слога и принципы слогаделения исчерпывающим образом. Рассмотрим некоторые из этих теорий.

Экспираторная теория. В рамках данной теории слог рассматривается как звук или сочетание звуков, произносимое одним выдохательным толчком. В ряде случаев этот принцип действительно может быть использован с успехом, ср. *во-да* или *то-*

пор — два толчка и, соответственно, два слога. Однако если взять такие слова, как *ау* или *кто*, то результаты анализа, получаемые в рамках экспираторной теории, вызывают сомнение: в слове *ау* будет выделен один слог (один толчок), а в слове *кто* — два слога (два выдыхательных толчка — после *к* и после *т*).

Теория сонорности. Наиболее отчетливо она была представлена в трудах датского ученого О. Есперсена. Все звуки — гласные и согласные — по теории О. Есперсена могут быть расположены в определенном порядке в зависимости от степени звучности, которой они обладают. Так, если принять, что наименьшей степенью звучности обладают глухие смычно-взрывные согласные, то шкала сонорности примет следующий вид:

Разряды звуков	Примеры
1. Согласные шумные глухие смычно-взрывные	<i>p, t, k</i>
2. Согласные шумные глухие смычно-щелевые	<i>c, c</i>
3. Согласные шумные глухие щелевые	<i>s, s, f</i>
4. Согласные шумные звонкие смычно-взрывные	<i>b, d, g</i>
5. Согласные шумные звонкие смычно-щелевые	<i>dz, dz</i>
6. Согласные шумные звонкие щелевые	<i>z, z, v</i>
7. Согласные сонорные носовые	<i>m, n</i>
8. Согласные сонорные плавные	<i>r, l</i>
9. Гласные верхнего подъема	<i>i, u</i>
10. Гласные среднего подъема	<i>e, o</i>
11. Гласные нижнего подъема	<i>a</i>

Слог рассматривается как волна сонорности. Вершина волны — это слогаобразующий звук, который обладает наивысшим баллом звучности, а ее склоны — входящие в состав слога неслоговые звуки. Начиная слог, неслоговые звуки следуют в порядке нарастания сонорности, то есть каждый последующий звук обладает большей степенью звучности по сравнению с предшествующим. Заканчиваться волна может как слоговым, так и неслоговым звуком. Если слово состоит из нескольких слогов, в нем, следовательно, заключено несколько волн сонорности. На основе приведенных теоретических положений в рамках данной теории строится и слогаделение. Например, в слове *зонтик* могут быть выделены два слога — *зон-* и *-тик*. Иное слогаделение — *зо-нттик* — невозможно, так как в этом случае звуковая волна второго слога начнется с

ослабления звучности (согласный *n*, несомненно, более звучный по сравнению с *m*).

Теория сонорности в настоящее время наиболее распространена при объяснении вопросов слогообразования и слогоделения. Тем не менее существуют случаи, которые на базе данной концепции не получают удовлетворительного объяснения. Прежде всего это касается начального слога, в котором последовательность неслоговых звуков не всегда располагается в порядке нарастания сонорности, ср. русск. *мгла*, *мчатъ* и др.

Теория эксплозии — имплозии. Автором данной теории является Ф. де Соссюр. Все звуки в речи, согласно этой теории, могут произноситься как «смыкательные», *имплозивные*, и как «размыкательные», *эксплозивные*. Например, звук *m* в слове *мать* эксплозивный, так как при переходе к произнесению следующего звука органы речи обнаруживают тенденцию к размыканию, раскрытию, а в слове *компот* тот же звук выступает как имплозивный, поскольку при переходе к артикуляции последующего *n* смыкание органов речи усиливается. В учебной и научной литературе для обозначения имплозии используется значок «>», а для обозначения эксплозии — «<».

В составе слога эксплозивные и имплозивные звуки образуют определенное единство. Если слово состоит из нескольких слогов, то каждый из них объединяет группу эксплозивных и имплозивных звуков. Слогораздел предполагает установление границы между этими группами. Так, в слове *подросток*, согласно теории эксплозии-имплозии, должны быть выделены следующие слоги: *по-дрос-ток* (*n* — эксплозивный, *o* — имплозивный, *д* — эксплозивный, *p* — эксплозивный, *o* — имплозивный, *c* — имплозивный, *t* — эксплозивный, *o* — имплозивный, *k* — имплозивный). В учебной практике удобно пользоваться значками эксплозии-имплозии, помещенными над буквами: в том месте, где значки повернуты вершиной угла друг к другу (то есть «> <»), и проходит слогораздел (ср. *по/дрос/ток*).

Теория эксплозии-имплозии позволяет достаточно последовательно объяснить многие факты слогообразования и слогоделения, однако существуют случаи, которые трудно интерпретировать на ее основе. Например, в таких словах, как *стой*, *жду*, с точки зрения этой теории первые согласные должны составлять самостоятельный слог (*с-той*, *ж-ду*), поскольку они являются имплозивными, а следующие за ними согласные — звуки эксплозивные. Вряд ли, однако, такой слогораздел будет принят носителями языка: очевидно, что эти слова односложны.

Теория мускульного напряжения. Согласно этой теории слог произносится единым мускульным усилием речевых органов. В каждом таком усилии можно выделить три составляющие: нарастание напряжения, его максимум и ослабление. Если слогаобразующим элементом является гласный звук (в подавляющем большинстве случаев это именно так), то фаза ослабления напряжения должна быть связана именно с ним. Что же касается согласных, то они делятся на сильноначальные (произносимые с ослаблением напряжения) и сильноконечные (произносимые с нарастанием напряжения). Если анализируемое слово представляет собой структуру типа СГСГ (*вода*) или СГСГС (*поток*), то деление на слоги не должно вызывать затруднений: согласные, предшествующие гласным, являются сильноконечными и образуют с этими гласными единый слог, а согласный, находящийся на конце слова, является сильноначальным и также образует с предшествующим гласным единый слог. То есть слоговоеделение должно быть таким: *во-да*, *по-ток*. Если же анализируемое слово имеет структуру типа СГСССГ (*пусто* или *пуста*), то возникает проблема, как определить границу слогов. Как полагал один из авторов этой теории, акад. Л.В. Щерба, при определении границы слога в этом случае действует следующее правило: согласный, следующий после ударного гласного, является сильноначальным и образует с ним единый слог, а согласный, следующий после безударного согласного, является сильноконечным и, если дальше следует гласный, составляет с этим последующим гласным единый слог. Поэтому слово *пусто* должно быть разделено на слоги следующим образом: *пус-то* (поскольку гласный *у* стоит под ударением, следующий за ним согласный *с* — сильноначальный); слово *пуста* делится на слоги так: *пу-ста* (гласный *у* — безударный, поэтому стоящий после него согласный образует слог в сочетании с последующим слоговым звуком). Слабой стороной данной теории является ее недостаточная доказанность экспериментальными данными: дело в том, что очень трудно измерить степень мускульного напряжения речевых органов в момент произнесения того или иного звука, поэтому рекомендации относительно границ слоговоеделения носят несколько субъективный характер.

Таким образом, каждая из рассмотренных концепций может достаточно аргументированно и последовательно объяснить подавляющее большинство фактов слогаобразования и слоговоеделения, однако обойтись без исключений, порой довольно многочисленных, ни одна из этих теорий не в состоянии.

Звук

Последней единицей, выделяемой при фонетическом членении речи, является *звук*. Звук может быть определен как минимальная часть слога, то есть звучание, которое не может быть представлено состоящим из единиц, каждая из которых способна существовать и употребляться самостоятельно. Учение о звуках как артикуляционно-акустических единицах изложено в разделе «Классификации звуков».

ПРОСОДИЯ

Все фонетические явления могут быть разделены на *сегментные* и *суперсегментные*. *Сегментными* (лат. *segmentum* ‘отрезок’) называют фонетические средства, реализованные в речи как последовательности звуков: звуки, слоги, фонетические слова и т.п. *Суперсегментные* средства (иногда употребляется вариант «супрасегментные», — обе формы от лат. *super, supra* ‘над, сверх’, *segmentum* ‘отрезок’) как бы накладываются на сегментные, сопутствуют им, причем они соотносятся не с отдельными звуками, а с их объединениями: слогами, фонетическими словами, синтагмами, фразами. Учение о суперсегментных фонетических средствах называется *просодией* или *просодикой* (греч. *prosodia* ‘припев, ударение’). К суперсегментным средствам относятся *интонация*, *слоговые тоны* и *ударение*.

ПРОСОДИЯ ФРАЗЫ И СИНТАГМЫ. ИНТОНАЦИЯ

Интонацией (лат. *intono* ‘громко произношу’) называют систему фонетических средств, служащих для выделения в речи протяженных сегментных единиц, таких, как фраза и синтагма, для выражения синтаксических значений, а также для передачи эмоционально-экспрессивного содержания высказывания.

Интонация является обязательным признаком естественной речи. В чистом виде интонация не существует, она всегда сопутствует определенному речевому отрезку и воспринимается с ним как единое целое. Выделить из этого целого именно интонацию возможно либо при слушании текста в затрудненных условиях (например, разговор за стеной, когда слов разобрать невозможно), либо при восприятии текста на иностранном, непонятном для слушающего языке. Функции интонации в речи весьма разнообразны. С ее помощью осуществляется выделение в речи

синтагм и объединение их в составе фразы; интонация служит для оформления различных грамматических типов предложений (вопрос, сообщение, побуждение) и выражения синтаксических отношений (ср.: *Лес рубят — щепки летят* — обусловленность, *Лес рубят, щепки летят* — перечисление). С помощью интонации передается богатейшая гамма эмоций. В этом отношении возможности ее поистине огромны. В лингвистической литературе описывается эксперимент, в ходе которого при произнесении однословного предложения «Осторожно» передавались 22 эмоциональных оттенка: вежливой просьбы, утверждения, предупреждения, приглашения, обиды, перечисления, просьбы, повествования, сопоставления, безразличия, удивления, увещания, настойчивого повеления, поучения, повеления, убеждения, эмоциональной просьбы, изумления, угрозы, сильной угрозы, вопроса, восклицания. Уже этот перечень достаточно обширен, хотя и его, вероятно, можно дополнить.

Термин «интонация» в лингвистической литературе употребляется в узком и широком смысле. Интонация в узком смысле слова — это только *мелодика*. Часто в учебной литературе исходят именно из такого значения, поэтому интонация определяется как мелодический рисунок фразы. Интонация в широком смысле включает *мелодику, ритм, темп, тембр, паузы, логическое ударение*. В дальнейшем изложении будут охарактеризованы компоненты, входящие в состав интонации в широком смысле слова.

Мелодика

Мелодика (греч. *melodikos* ‘мелодический, песенный’) — это, как уже отмечалось, относительное изменение высоты основного тона звуков в процессе говорения. С известной долей упрощения мелодику можно охарактеризовать как повышение и понижение голоса говорящего во время произнесения текста.

Мелодика является основой интонации, именно она используется при классификации различных интонационных типов. Для описания мелодики используются два основных подхода: 1) *от значения к форме*, 2) *от формы к значению*.

Первый подход (от значения к форме) основывается в первую очередь на тех значениях, которые могут быть переданы с помощью интонации. В качестве исходных единиц при этом выступают интонация (мелодика) сообщения, вопроса, побуждения, перечисления, сопоставления и т.д. Далее для каждой из этих единиц описывается движение тона.

Второй подход основан на изучении типов конфигураций основного тона. Движение тона при этом изображается с помощью

графика в виде системы координат, на котором по вертикали откладывается высота основного тона, а по горизонтали — время звучания. Обычно сплошной линией отмечается движение основного тона в гласных (в некоторых случаях сплошная линия сохраняется для ударных гласных, а движение тона в безударных гласных изображается последовательностью точек или пунктиром). Получаемый в итоге график часто называют *мелодическим контуром*, или *мелодическим рисунком*.

Использование того или иного подхода имеет существенное значение для определения того, какие единицы интонации могут быть выделены и с какими сегментными единицами они могут быть связаны. Семантический подход предполагает прежде всего выделение конструкции, которая выражает то или иное значение (например, вопрос или сообщение), а затем описание используемых при этом мелодических средств. В связи с тем, что сообщение или вопрос могут быть как очень короткими и состоять из одного слова, так и довольно многословными, оказывается не совсем ясно, должна ли мелодика определяться по отношению к высказыванию в целом, или же относительно протяженные высказывания следует делить на отрезки и описывать мелодику, свойственную каждому из этих отрезков. Иначе говоря, при семантическом подходе довольно трудно определить тот круг минимальных мелодических единиц, которые используются в том или ином языке.

Подход «от формы к значению» требует анализа мелодических контуров. Целью этого анализа должно быть определение типичных конфигураций, которые могут считаться единицами, способными образовать мелодику любого текста данного языка. Выявление минимальных единиц, из которых состоит мелодика достаточно большого текста, должно опираться на определенные сегментные последовательности. Обращаясь к единицам фонетического членения речи, можно сразу отметить, что звук, слог и даже фонетическое слово (если оно — часть синтагмы) не имеют шансов выступать в качестве носителей единиц интонации. Что же касается синтагмы, то, как показали экспериментально-фонетические исследования, наличие (или ощущение) пауз на ее границах позволяет соотнести минимальную мелодическую единицу именно с синтагмой. Именно в соответствии с синтагмами выявляется набор типичных минимальных мелодических контуров, которые образуют основу интонационной системы того или иного языка. Для обозначения данных единиц используется термин *интонационная конструкция* (реже — *интонаема* или *тональная группа*).

Набор интонационных конструкций в различных языках, несмотря на богатство выражаемых с помощью интонации значений,

невелик — обычно не более десяти (например, в русском языке — 7, во французском — 10). Поскольку принципы описания таких конструкций в разных языках неодинаковы, дать более точную картину трудно. Тем не менее можно сделать определенное заключение, что в различных описаниях мелодики используются в общем аналогичные понятия: синтагма как носитель интонационной конструкции делится на три части: центральную, или ядерную, и соседние с ней — предшествующую и последующую. Например, в русской синтагме */вот и гости приехали/* ядром («центром») является слог *го-*, предшествующая часть («предцентр») — *вот и*, последующая («постцентр») — *-сти приехали*. При описании интонационных конструкций обычно указывают движение тона в зоне ядра (восходящий, нисходящий, ровный и т.д.) и соотношение уровня тона в предцентральной и постцентральной части.

Примеры интонационных конструкций:

русск.	— \ _ _ _	<i>Когда он придет?</i>
немецк.	— - _ _ _ \	<i>Lesen sie diesen Satz!</i> 'Читайте это предложение!'
английск.	. · \ ..	<i>He is here again.</i> 'Он снова здесь.'
французск.	_ _ _ _ _	<i>Est-ce que vous comprenez?</i> 'Вы понимаете?'

Яркость проявления мелодического контура может быть связана со структурой фразы. Например, вопросительная интонация становится все более ясной и отчетливой, если произнести три фразы, соотносимые в общем с одним и тем же содержанием:

1). *Читал ли ты книгу?* 2). *Читал ты книгу?* 3). *Ты читал книгу?*

В первом случае вопрос передается с помощью интонации, вопросительной частицы *ли* и порядка слов (глагол стоит на первом месте). Во втором предложении интонация вопросительности должна быть несколько усилена, так как вопросительной частицы нет, хотя порядок слов, соответствующий вопросу, сохраняется. Наконец в третьем случае вопросительная интонация становится совершенно четкой, поскольку вопрос передается только интонацией. Таким образом, чем больше «помощников» бывает у мелодики, тем слабее она выражена: оттенки смысла передаются сразу несколькими средствами. С другой стороны, чем «помощников» меньше, тем

мелодика отчетливее, поскольку именно с ее помощью может быть точно передано нужное содержание.

Ритм

Под ритмом понимается чередование любых фонетических явлений, которые соотнесены друг с другом и употреблены в тексте более двух раз: ударных и безударных слогов, ускорения и замедления, напряжения и ослабления и т.д. Наиболее ритмичной является, конечно, поэтическая речь, в которой стихотворный размер диктует ритмичную повторяемость ударных и безударных слогов. Ритм может создаваться не только чередованием звуков, но и чередованием синтагм, абзацев.

Для каждого языка ритм, очевидно, имеет свои особенности. Связано это может быть уже с тем, что длина слова в разных языках неодинакова, поэтому частота ударных слогов во фразе должна быть различной, например, в русском, английском, вьетнамском языках. В английском языке слова обычно короче, чем в русском, поэтому ударные слоги ближе друг к другу, следовательно, ритм будет более насыщенным. Во вьетнамском языке слова еще короче, поэтому ударные слоги почти всегда стоят рядом и ритм характеризуется очень высокой степенью насыщенности.

Темп

Темп как составная часть интонации — это замедление или ускорение протекания речи во времени. Значение темпа состоит в передаче степени важности того, о чем идет речь: важное обычно произносится в медленном темпе, неважное — убыстренно. Темп речи зависит от стиля произношения и от ситуации. Так, при официальном общении темп обычно медленнее, чем при неофициальном. Как правило в более быстром темпе по отношению к основной части высказывания произносятся вводные и вставные конструкции. Наблюдения над темпом произнесения разных типов предложений позволяют сделать вывод, что относительно быстрый темп характерен для вопроса. Темп обычно замедляется к концу высказывания. Быстрый темп характеризует эмоциональную, взволнованную речь, а также рассказ о быстро следующих друг за другом событиях.

Весьма интересной представляется постановка вопроса о различиях среднего темпа речи в разных языках, однако имеющиеся данные весьма противоречивы и недостаточно надежны. Ограничимся поэтому лишь соображениями общего порядка. Известно, в частности, что темп речи у южных народов выше, чем у

северных. Кроме того, в разного рода источниках как будто достаточно устойчиво прослеживается вывод о том, что темп речи у женщин несколько выше, чем у мужчин.

Существует мнение, что средний темп речи со временем меняется и что в XX веке говорили несколько быстрее, чем в XIX.

Интенсивность

Интенсивность — одно из недостаточно изученных свойств интонации. В лингвистической литературе интенсивность часто понимается как сила звука и соотносится с громкостью. Уровень интенсивности обычно связывают со степенью эмоционального напряжения говорящего. Основная функция интенсивности — выделение того или иного речевого отрезка. В связи с этим считается, что усиление ударения в тех или иных словах способствует тому, что эта часть высказывания воспринимается как более интенсивная.

Артикуляционно интенсивность высказыванию придает увеличение произносительного усилия, напряжение речевых органов, поэтому есть основания утверждать, что интенсивным может считаться речевой отрезок, произнесенный с подчеркнuto четким проговариванием согласных звуков или даже удлинением их. Удлинение же гласных без увеличения громкости ведет к ослаблению интенсивности.

Тембр

Так же как и интенсивность, тембр относится к числу недостаточно исследованных элементов интонации. Прежде всего отметим, что не следует смешивать понятие интонационного тембра с употреблением слова «тембр» в других значениях («тембр звука» или «тембр голоса»). Тембр как составная часть интонации придает речи специфическую окраску. В зависимости от тембра высказывание может быть «мрачным», «веселым», «кокетливым», «игривым», «испуганным» и т.д.

Паузы

Среди элементов интонации паузы занимают особое место, выступая как своего рода нулевые элементы. По своей физической природе пауза представляет собой перерыв звучания. Следует отметить, однако, что в речи впечатление паузы может возникать не только в случаях прекращения звучания, но и тогда, когда происходит смена интонационных конструкций, кончается одна синтагма и начинается другая. Так, во фразе //Около дома / играли дети// после сочетания слов *около дома* физической паузы может и

не быть, однако ощущение ее наличия при интонационном выделении синтагмы /около дома/ обязательно присутствует. В этом случае говорят о так называемой *психологической паузе*.

В спонтанной, неподготовленной речи довольно часто встречаются так называемые *паузы хезитации* (франц. *hesitation* ‘колебание, нерешительность’). Эти паузы появляются в тех случаях, когда говорящий испытывает затруднения в выборе слова, постановке его в нужной форме, не уверен в том, что сумеет правильно произнести, и т.д.

Логическое ударение

Логическим ударением называется выделение наиболее существенного с точки зрения данной ситуации слова. Логическим ударением может быть выделено любое слово во фразе. Например, фраза //студент внимательно читает эту книгу // может быть произнесена с логическим ударением на любом слове в зависимости от вкладываемого значения. Логическое ударение не обязательно присуще каждой фразе. Если ни одно слово специально не выделяется и не подчеркивается, логического ударения во фразе нет.

В заключение необходимо отметить, что различные элементы интонации не существуют порознь, они представлены всегда в тесном единстве.

ПРОСОДИЯ СЛОГА И ФОНЕТИЧЕСКОГО СЛОВА. СЛОГОВЫЕ ТОНЫ

Слоговые тоны (греч. *tonos* ‘натяжение, напряжение’) представляют собой видоизменения высоты основного тона голоса на протяжении произнесения слогаобразующего звука. Слоговые тоны как единицы, используемые для смыслоразличения, встречаются не во всех языках. Языки, для которых характерны слоговые тоны, называются *тональными*. К таким языкам, в частности, относятся бирманский, китайский, вьетнамский. Особенностью этих языков является совпадение слога с морфемой и словом, поэтому своим особым тоном характеризуется каждый слог.

Различия слоговых тонов обусловлены уровнем относительной высоты произносимого звука и характером движения тона: ровный, нисходящий, восходящий, нисходяще-восходящий и т.д. Все слоговые тоны делят в этой связи на *регистровые*, или ровные, и *контурные*, или скользящие. Различие между ними состоит в том, что регистровый тон не меняет высотного уровня на протяжении произнесения слога, а контурный меняет.

Как уже было отмечено, в тональных языках слоговые тоны широко используются для смысловоразличения. Так, во вьетнамском языке шесть тонов. В зависимости от того, с каким тоном произнесен слог (морфема, слово), меняется значение. Приведем пример:

<i>ba</i> (ровный тон)	‘три, отец’
<i>ba</i> (низкий слабо нисходящий)	‘женщина’
<i>ba</i> (высокий восходящий)	‘обнять’
<i>ba</i> (резко нисходящий)	‘наугад, наобум’
<i>ba</i> (нисходяще-восходящий)	‘яд’
<i>ba</i> (восходящий прерывистый)	‘отбросы’

Еще примеры: *ta* ‘мы’, *ta* ‘плохой’, *ta* ‘помогать’, *ta* ‘благодарить’, *ta* ‘левый’, *ta* ‘пелёнка’; *ong* (ровный тон) ‘муж’, *ong* (высокий восходящий) ‘шланг’.

Пример из китайского языка (в китайском литературном языке 4 тона):

ma (ровный тон) ‘мать’, *ma* (восходящий) ‘конопля’, *ma* (нисходяще-восходящий) ‘лошадь’, «*ma*» (нисходящий) ‘ругать’.

Часто слоговые тоны отождествляют со словесным ударением, что не совсем правильно. С точки зрения физической природы слоговые тоны и музыкальное ударение действительно существенно не различаются, однако функции их в составе слова различны. Дело в том, что словесное ударение служит средством для объединения слогов в многосложном слове, причем предполагается, что ударный слог обладает свойством, отличающим его от безударных слогов. Что же касается тона в тональных языках, то он не используется для выделения одного из слогов в слове, тон в этих языках — обязательная характеристика каждого слога. Следует отметить также, что наличие словесного ударения в таких языках, как китайский и вьетнамский, многими лингвистами вообще отрицается.

УДАРЕНИЕ

Ударением называется выделение из группы слогов одного слога. Выделенный слог называется ударным, ударяемым. Когда говорят об ударении, то имеют в виду обычно словесное ударение, то есть выделение с помощью фонетических средств одного из слогов в слове (следует помнить, однако, что существуют также синтагматическое и фразовое ударения, которые считаются групповыми ударениями). Учение о словесном ударении называется *акцентологией* (лат. *accentus* ‘ударение’).

Основная функция ударного слога в слове — объединяющая, то есть связывающая все слоги в единое целое, формирующая

отдельность слова. Часто эту функцию называют также *кульминативной* (лат. *culmen* ‘верх, верхняя точка’). Ударный слог в слове может отличаться от безударных силой звука, долготой и (или) высотой голосового тона. Все эти средства как правило выступают не изолированно, а в том или ином сочетании. Тем не менее обычно какое-либо из них преобладает, что дает возможность говорить о трех типах ударений — *силовом*, *долготном* и *музыкальном*.

Силовым (греч. *dynamikos* ‘силовой’) называют ударение, при котором ударный слог выделяется за счет усиления голоса и интенсивности артикуляции. Такое ударение называют также *динамическим* или *экспираторным* (лат. *expiro* ‘выдыхать’).

Долготное, или *количественное*, или *квантитативное* (лат. *quantitas* ‘количество’) ударение предполагает выделение ударного слога за счет удлинения слогаобразующего элемента.

Музыкальное, или *тоновое*, или *мелодическое*, ударение для выделения ударного слога использует относительную высоту голосового тона. О физической природе этого явления речь уже шла при рассмотрении слоговых тонов.

В чистом виде ни один из этих типов ударений не встречается. Чаще всего встречается *долготно-силовое* ударение. Такое ударение, например, представлено в русском, английском, немецком языках. Считается, однако, что для английского и немецкого языков интенсивность важна в большей степени, чем для русского, в котором ведущую роль играет длительность слогового звука.

Музыкальное ударение в сочетании с количественным (долготным) встречается в одном из славянских языков — сербскохорватском, — в котором слогаобразующие звуки — пять гласных (*a, o, u, i, e*) и один согласный (*r*) могут быть долгими и краткими, восходящими (произносятся с повышением тона) и нисходящими (произносятся с понижением тона). Приведем примеры с разными характеристиками ударного гласного:

<i>често</i> ‘часто’ (долгий нисходящий)	—	<i>често</i> ‘густо’ (долгий восходящий);
<i>лажа</i> ‘ложь’ (долгий восходящий)	—	<i>лажа</i> ‘лгун’ (краткий восходящий);
<i>пут</i> ‘путь’ (долгий нисходящий)	—	<i>пут</i> ‘кожа’ (краткий нисходящий).

Обычно в различных языках в словах, имеющих одну основу, выделяется только один ударный слог, хотя исключения из данного правила довольно многочисленны, причем появление второго ударения обычно связано с многосложностью слова, ср., англ. *composition* [ˌkɒmpəˈzɪʃən] ‘сочинение, композиция’; *comprehension* [ˌkɒmpriˈhenʃən] ‘понимание’; двойным ударением обладают в немецком

языке слова с суффиксами *-schaft*, *-heit*, *-bar* и др. В словах, имеющих несколько основ, двойное ударение встречается довольно часто и в русском языке, ср. *нефтепровод*, *природоведение* и др. Следует отметить, однако, что во всех этих случаях одно из ударений является основным, главным, а другое — второстепенным, причем фонетические средства, используемые для выделения обоих ударных слогов, в общем одни и те же.

Исключением из этого правила является шведский язык, в котором многие двусложные и многосложные слова имеют динамическое ударение на первом слоге и музыкальное на одном из последующих. В восприятии носителя русского языка в связи с этой особенностью шведское слово как бы распадается на две части.

По месту в слове различают ударение *фиксированное* (связанное) и *свободное*.

Фиксированное — это ударение, закрепленное за определенным слогом (или — за определенными слогами) в слове. Фиксированное ударение может быть *одноместным* и *разноместным*. Одноместное фиксированное ударение падает всегда только на определенный слог в любом слове данного языка. Такое ударение имеется, например, в чешском языке — всегда на первом слоге (*družicka* ‘подружка’, *lomiti* ‘ломать’, *bezpečne* ‘безопасно’), в польском — всегда на предпоследнем слоге, если, конечно, это не односложное слово (*bogacz* ‘богач’, *koncert* ‘концерт’, *uroda* ‘красота’) и т.д. Разноместное фиксированное ударение было в латинском языке, где ударным мог быть второй или третий слог от конца слова.

Свободное ударение, в отличие от фиксированного, не закреплено за определенным слогом в слове. Такое ударение представлено, например, в английском, немецком, русском языках. Ср. англ. *delicate* [’delikit] ‘тонкий, тактичный’; *delicious* [di’li s] ‘вкусный’; *demand* [di’mɑ:nd] ‘требовать’; нем. *General* ‘генерал’; *Genitiv* ‘родительный падеж’; *gerade* ‘прямой’; русск. *красный*, *фиолетовый*, *голубой*.

В зависимости от способности перемещаться в ходе процессов словоизменения с одного слога на другой различают ударение *постоянное* (неподвижное) и *подвижное*. Если слово имеет постоянное ударение, то место ударного слога сохраняется во всех формах слова, ср. русск. *книга*, *корова*, *кожа*, *ручка*; нем. *Tag* ‘день’, *Tage* ‘дни’ и др. При подвижном ударении место ударного слога меняется, ср. русск. *волна* — *волны*, *окно* — *окна*, *просит* — *прошу*; польск. *slucham* ‘слушаю’ — *sluchamy* ‘слушаем’; *polski* ‘польский’ — *polskiego* ‘польского’.

Совокупность фиксаций места ударения во всех формах слова принято называть *акцентной парадигмой* этого слова. Например, русские слова *гроза*, *овца*, *кольцо* имеют общую акцентную парадигму, которая отличается от акцентной парадигмы слов *спина*, *душа* ударением формы винительного падежа единственного числа. Понятие акцентной парадигмы широко используется при описании норм произношения в языках, где слова могут иметь подвижное ударение.

Иногда подвижное ударение усматривают и в фактах словообразования (например, русск. *город* — *городской* или нем. *leben* ‘жить’ — *lebendig* ‘живой’), что вряд ли правомерно, поскольку в данном случае речь должна идти о разных лексических единицах, каждая из которых имеет свою акцентную парадигму.

Если следовать принципу иерархической организации языковых уровней, то после рассмотрения звукового строя языка нужно было бы перейти к его морфологическому строю. Но дело в том, что все три последующих уровня — морфемный, лексический и синтаксический — принципиально отличаются от фонемного своим знаковым характером, образуя в противовес ему некую общность, в центре которой находится **слово**. Можно даже сказать, что морфология и синтаксис — это разные аспекты изучения грамматических форм слов: морфология изучает их с точки зрения строения самих форм, а синтаксис — с точки зрения их связи в предложении. Поэтому представляется целесообразным начать рассмотрение знаковых уровней языка с лексического, основной единицей которого и является слово.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Лексикология — это раздел языкознания, изучающий слова и устойчивые сочетания слов. Как и все лингвистические дисциплины, она может быть общей и частной. Общая лексикология изучает общие закономерности строения, функционирования и развития лексической подсистемы языка, характер значений, которыми могут обладать слова, и т.д. Частная лексикология исследует словарный состав какого-то конкретного языка. Лексикология может быть сопоставительной и изучать словарный состав двух или более языков в сравнении. Она также может изучать словарный состав языка как в синхроническом плане, описывая его состояние в какой-то определенный момент, так и в диахроническом, то есть проследивать путь развития отдельных слов или всего словарного состава языка. Диахроническую лексикологию иногда еще называют исторической, что, строго говоря, не совсем верно, поскольку историческое изучение предполагает сочетание синхронического и диахронического подходов: для того, чтобы проследить изменения в той или иной системе, нужно сначала описать состояние этой системы в какие-то определенные моменты в прошлом.

Слово — единица чрезвычайно сложная и многогранная, и изучать ее можно в разных аспектах. Соответственно этому и в самой лексикологии выделяется несколько разделов. Способность слова что-то *называть*, механизмы создания *названий* изучает

ономасиология. Значения слов изучает **семасиология.** Изучением происхождения слов занимается **этимология.** Существует специальный раздел лексикологии, изучающий *имена собственные*, которые по многим своим характеристикам отличаются от всех остальных слов; этот раздел называется **ономастика** и в нем в свою очередь выделяются **антропонимика**, изучающая *личные имена*, и **топонимика**, изучающая *географические названия*. Раздел лексикологии, изучающий устойчивые сочетания слов, называется **фразеологией.** **Лексикография** — это раздел лексикологии, занимающийся теорией и практикой *составления словарей*, делом настолько сложным, требующим такого количества знаний и такого мастерства, что практическую лексикографию поистине можно считать сплавом науки и искусства.

СЛОВО КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Для того, чтобы изучать слово во всех перечисленных аспектах, необходимо прежде всего определить, что оно собой представляет, чем оно отличается от всех других единиц языка. Важнейшее свойство слова состоит в том, что оно имеет **значение**, то есть оно является **знаком**. При этом оно обладает одновременно двумя типами значений — лексическим и грамматическим. **Лексическое значение** возникает в результате соотнесенности слова (а точнее — его корня) с какой-то предметной или понятийной сферой, а **грамматическое значение** — в результате соотнесенности входящих в него аффиксов (в том числе нулевых) с мыслительными категориями, отражающими *отношения* между предметами, явлениями или понятиями.

Рассмотрим разницу между лексическим и грамматическим значениями на примерах. Корень **стекл-** дает нам общее представление о той сфере внеязыковой действительности, с которой он соотносится (*что-то, связанное со стеклом*), но он еще не выделяет, не называет никакого конкретного фрагмента этой действительности. Лишь добавляя к этому корню какие-либо аффиксы, мы можем назвать что-то более или менее определенное: сам этот материал (**стекло**), свойство какого-то предмета, состоящее в том, что он сделан из стекла (**стеклянный**), действие, заключающееся в том, что стекло куда-то вставляют (**стеклить**), и т.д. Итак, для того, чтобы что-то назвать, на неопределенную, аморфную предметную или понятийную сферу, обозначаемую корнем слова, необходимо наложить трафарет грамматического значения. Ни то, ни другое значение само по себе называния не обеспечивает. Более того, в процессе называния лексическое и

грамматическое значения выполняют разные функции. Но именно в результате их взаимодействия у слова появляется способность выполнять свою основную функцию — **функцию называния**, или, как ее чаще называют, **номинативную функцию**.

Грамматическое значение будет подробно рассматриваться в разделах, посвященных грамматике (морфологии и синтаксису). Говоря же о словах, то есть о *лексических* единицах, достаточно лишь сказать, что одно из наиболее существенных отличий слова от единицы предыдущего языкового уровня — морфемы — состоит в том, что каждая морфема обладает только одним типом значения — или вещественным (корни), или грамматическим (аффиксы), — а слово характеризуется наличием и взаимодействием двух типов значения. Следующий признак слова как единицы языка — его фонетическая оформленность в соответствии с фонетическими законами данного языка. Одним из признаков фонетической оформленности слова в большинстве языков является так называемая **недвуударность**, то есть наличие только одного основного ударения. Недвуударностью слово может отличаться от словосочетания, в чем нетрудно убедиться, сравнив слово *впередсмотрящий* с основным ударением на предпоследнем слоге или английское слово *brownstone* (*песчаник*) с ударением на первом слоге и соответствующие сочетания слов *вперед смотрящий* и *brown stone* (*коричневый* или *бурый камень*), где каждое слово имеет собственное ударение.

Наличие только одного основного ударения ведет к фонетической **цельнооформленности** слова. На письме слово также должно быть цельнооформленным, то есть писаться слитно или через дефис. Именно в этом, например, проявляется разница между французским существительным *pourboire* (*чаевые*) и сочетанием глагола *boire* с предлогом *pour* — *pour boire* (*чтобы выпить*), между английским прилагательным *everyday* (*повседневный*) и словосочетанием *every day* (*каждый день*). Очень показателен в этом отношении процесс превращения словосочетания в сложное слово в английском языке: сначала слова пишутся отдельно (например, *dining room* — *комната, где ужинают*), затем начинают писаться через дефис, что служит показателем начала процесса превращения их в одно слово (*dining-room* — *столовая* или *bed-room* — *спальня*), и наконец появляется слитное написание, свидетельствующее о том, что процесс словообразования завершен (*bedroom*). Однако цельнооформленность — это признак, обязательный для слова лишь в его начальной, исходной форме. Так, скажем, в немецком языке при спряжении сложных глаголов с ударной приставкой эта приставка в ряде случаев отделяется от глагола и перемещается в конец предложения. Например, глагол *aufstehen* (*встать*) в повелительном

наклонении перестает быть цельнооформленным: *Steh endlich auf!* (*Вставай же наконец!*).

Наряду с цельнооформленностью, слово характеризуется **непроницаемостью**, что означает невозможность вставить что-то внутрь слова, не разрушив при этом самого слова. В отличие от свободного словосочетания, внутрь которого можно вставить какое-то новое слово (скажем, *вперед и назад смотрящий* или ***brown and yellowish stone*** — *коричневый с желтоватым камень*), в слово ничего вставить нельзя. Однако, как и в случае с цельнооформленностью, требование непроницаемости относится лишь к начальной, исходной форме слова и не распространяется, скажем, на формы косвенных падежей таких слов, как *кое-что*, *кое-кто*, которые в именительном падеже непроницаемы, тогда как в других падежах между их частями можно вставить предлог: *кое о чем*, *кое к кому*. При этом, естественно, происходит и нарушение цельнооформленности слова.

Слово также характеризуется грамматической оформленностью по законам данного языка и обязательной **лексико-грамматической отнесенностью** (то есть оно всегда обладает признаками определенной части речи).

Слово отличается от морфемы **позиционной свободой**. Морфемы внутри слова имеют жестко закрепленные позиции, их нельзя поменять местами, переставить. Слова же в предложении не имеют такой жесткой закрепленности: *вчера он приехал из Москвы* — *он вчера приехал из Москвы*. Даже в языках с жестким, фиксированным порядком слов положение слова по отношению к окружающим его единицам можно изменить, либо перенести его в другую часть предложения, либо что-то вставив между ним и окружающими его словами: ср. английское ***this book is interesting*** — ***this is an interesting book*** или французское ***il est venu*** — ***il est deja venu***.

Следующее свойство слова как единицы языка — его **синтаксическая самостоятельность**. Это значит, что слово может самостоятельно выступать в качестве члена предложения или даже отдельного предложения.

Итак, **слово** — это минимальная номинативная единица языка, обладающая совокупностью лексического и грамматического значений, характеризующаяся фонетической и грамматической оформленностью в соответствии с нормами данного языка, цельнооформленностью и непроницаемостью в своей исходной форме, а также лексико-грамматической отнесенностью, позиционной свободой и синтаксической самостоятельностью.

В языке слово может иметь несколько лексических значений (каждое из которых называется **лексико-семантическим**

вариантом) и несколько грамматических форм. В *речи* же каждый раз используется конкретная словоформа, в которой, как правило, реализуется только одно лексическое значение.

Будучи знаковой, двусторонней единицей, слово имеет план содержания и план выражения. В плане *содержания* оно представлено семемой, а в плане *выражения* — лексемой. **Семема** — это совокупность всех лексико-семантических вариантов слова, а **лексема** — это материальная оболочка слова в совокупности всех его возможных форм.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Обратимся теперь к важнейшему признаку слова — его лексическому значению. Как мы уже видели, связь между означающим и означаемым возникает только в результате "вмешательства" человека, означающее становится представителем означаемого в сознании человека. Употребленное слово вызывает не появление самого обозначаемого предмета, а появление *мысли* об этом предмете, его *образа* в сознании слушающего. Впрочем, и сам говорящий, употребляя слово, имеет в своем сознании не предмет, а мысль, образ, понятие. Связь между предметом, мыслью о нем и словом можно изобразить в виде следующей схемы, где пунктирная линия, соединяющая слово и предмет, означает, что связь между ними носит не прямой, а опосредованный характер. Она существует постольку, поскольку и сам предмет, и слово связаны с мышлением, которое выступает как бы посредником между предметом и называющим его словом:

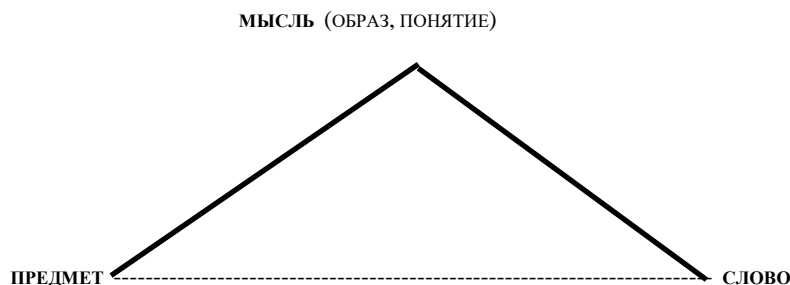
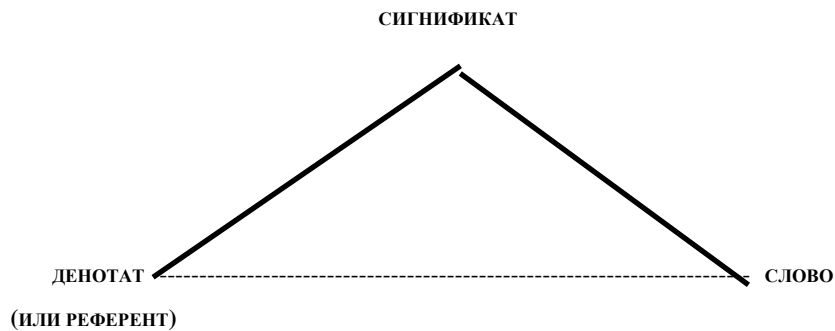

Схема наглядно показывает, что связь между предметом и словом устанавливается только через мышление.

Слово может обозначать как отдельный предмет, так и весь класс однородных предметов. *Карандаш* — это и тот конкретный карандаш, о котором мы в данный момент говорим (*Карандаш не пишет, дай мне, пожалуйста, другой*), и любой карандаш (*У тебя есть какой-нибудь карандаш?*), и карандаш как тип предмета

(Карандаш — это письменная принадлежность, представляющая собой деревянную палочку со стержнем из глинистой массы с графитом). Такая способность слова **обобщать** объясняется тем, что предметы и явления реальной действительности могут отражаться в нашем сознании как в виде **представлений**, то есть наглядных образов, в которых сохраняются индивидуальные признаки конкретного предмета, так и в виде **понятий**. Понятие — это обобщенное отражение сознанием целого класса предметов. При формировании понятия сознание отвлекается от индивидуальных особенностей предметов, от всего того, что не составляет сущности этих предметов. Никто из нас никогда не видел "дерева вообще", то есть дерева, которое не было бы ни дубом, ни березой, ни сосной, ни представителем какой-либо другой породы деревьев, которое не было бы ни хвойным, ни лиственным, ни большим, ни маленьким. Такого дерева в природе не существует. Однако мы можем определить "дерево вообще" (*многолетнее растение с твердым стволом и ветвями, образующими крону*) именно потому, что, наряду с представлениями о конкретных виденных нами деревьях, у нас сформировалось общее понятие — *дерево*.

Теперь еще раз обратимся к нашей схеме, заменив на ней лишь названия.

Обозначаемый словом фрагмент действительности называется **денотатом**, а его отражение в нашем сознании — **сигнификатом**. Соответственно этому, на основе связи материальной оболочки слова с денотатом (пунктирная линия) формируется **денотативное** значение, а на основе ее связи с сигнификатом (то есть с понятием или представлением) возникает **сигнификативное** значение. Денотат может представлять собой как целый класс предметов, так и конкретный, единичный предмет, который иногда называют **референтом**, чтобы разграничить соотношенность слова с одним предметом и с целым классом предметов. Если человек говорит, что он каждый день съедает яблоко, то словом *яблоко* он называет не отдельный плод, а сразу целый класс предметов (яблоки в отличие,

скажем, от груш). Денотатом слова *яблоко* в этом случае будет весь класс яблок, а в качестве сигнификата ему будет соответствовать общее понятие "яблоко". Но если человек ест яблоко и говорит, что яблоко кислое, то он характеризует не яблоки вообще, а конкретное яблоко, находящееся у него в руках, которое и будет в данном случае референтом. В качестве сигнификата ему будет соответствовать представление об этом конкретном яблоке.

Сигнификативное, денотативное и референциальное значения слов могут не совпадать, поскольку они имеют разную природу и разную основу. Так, например, у слов *ученик* и *школьник* разное сигнификативное значение, так как эти два понятия сформированы на основе разных признаков (*ученик* — тот, кто учится; *школьник* — тот, кто ходит в школу), но денотативное значение у них при этом одно и то же, то есть оба эти слова обозначают людей, обучающихся в школе. В зависимости от характера и степени обобщения один и тот же референт может получать в нашем сознании отражение в виде разных сигнификатов (то есть понятий). Так, увидев яблоко, мы можем соотнести его с классом *яблок*, можем воспринять его как представителя более общего класса — как *фрукт*, можем подняться на еще более высокую ступень обобщения и сказать, что это — *плод*. У слов *яблоко*, *фрукт* и *плод* разные сигнификативные значения, так как они являются результатом обобщенного отражения разного количества предметов, имеющих разные свойства. У них разные денотативные значения, так как в реальной действительности им соответствуют разные классы предметов, различающиеся объемом и степенью однородности. Но при этом у них в описанной ситуации будет один референт (конкретное яблоко) и одно референциальное значение.

Последний пример наглядно свидетельствует о том, что название — это результат не только *непосредственного* отражения действительности нашим сознанием, но еще и *классифицирующей* деятельности нашего мышления. Один и тот же предмет может входить в разные по объему и степени однородности классы в зависимости от степени абстракции, степени отвлечения от конкретных признаков, на основе которой выделяется тот или иной класс. Предмет можно рассматривать как представитель вида, а можно — как представитель рода. Так, предмет, за которым мы сидим во время обеда, соотносится с родовым понятием "мебель" и с видовым понятием "стол". Слово *мебель* по отношению к слову *стол* является **гиперонимом** (то есть именем более высокого уровня, соответствующим классу, выделенному на основе более высокой степени абстракции), а слово *стол* по отношению к слову *мебель* — **гипонимом** (то есть именем более низкого уровня, соответствующим

более низкому уровню обобщения). Наличие гипогиперонимических отношений между словами — прекрасное подтверждение того, что язык хранит в себе накопленные людьми знания о мире и передает последующим поколениям не только названия открытых, познанных и созданных предметов, но и сведения об их связях, сходствах и различиях. Такого же рода сведения отражаются в **синонимических, антонимических** и других подобных им отношениях между словами. Эти отношения здесь специально не рассматриваются, так как они достаточно полно и подробно изучаются в курсах русского и иностранного языков.

Понятия, лежащие в основе сигнификативного значения, — это результат логической деятельности нашего мышления. Но наряду с логикой человеку свойственно эмоциональное восприятие действительности, которое также находит свое выражение в лексическом значении. Сравним два высказывания: *Эх, пожарить бы сейчас картошки!* и *Эх, пожарить бы сейчас картошечки!* Слова *картошка* и *картошечка* имеют одно и то же денотативное значение. Сигнификативное значение у них тоже совпадает, поскольку слово *картошечка* в данном случае не означает размера картошки. Оно отличается от слова *картошка* тем, что, называя предмет, одновременно выражает отношение к нему говорящего, то есть имеет еще **дополнительное, сопутствующее** значение. Такое дополнительное значение, как бы наслаивающееся на основное, называется **коннотативным** (то есть *со-означающим*). Коннотация — это эмоционально-экспрессивная, оценочная и стилистическая окраска слова. При совпадении денотативного и сигнификативного значений следующие пары слов различаются своим коннотативным значением: *хорошо* и *здорово*, *прийти* и *заявиться*, *труженик* и *трудяга*, *отвратительный* и *отвратный*, *солнце* и *солнышко*. Впрочем, следует отметить, что некоторые лингвисты включают коннотативное значение в состав сигнификативного. По их мнению, у приведенных пар слов совпадает только денотативное значение, а сигнификативное различается коннотативными компонентами.

Говоря о лексическом значении, различают понятия *семантическая структура* слова и *структура лексического значения*. Под **семантической структурой** понимают всю совокупность лексико-семантических вариантов. Таким образом, понятие семантической структуры тесно связано с явлением **полисемии**, то есть многозначности. Сколько бы у слова ни было значений, они обязательно связаны между собой. Так, например, слово *стол* обозначает и предмет мебели (*письменный стол, обеденный стол*), и учреждение (*стол справок, стол заказов*), и пищу (*сладкий стол*, то есть сладкие блюда), и диету (*пятый стол*, то есть диета для людей с

больной печенью). Однако, несмотря на различия между обозначаемыми предметами и понятиями, все эти значения так или иначе восходят к значению *предмет мебели* и являются производными от него: *столом* называют либо то, что стоит на столе (пищу), либо то место, где стоит сам стол (учреждение). Некоторые значения производятся от значений, которые уже сами являются производными. Так, например, значение *диета* образовано от значения *пища*: предмет мебели □ → то, что на нем стоит (пища) → пища, пригодная для больного человека (диета, диетический стол). Таким образом, в семантической структуре слова выделяются **основные** и **производные значения**, причем у производных может быть разная степень производности, разная степень удаленности от основного значения. Совокупность значений слова и связывающие их отношения и образуют семантическую структуру этого слова.

Структура же лексического значения — это строение отдельного лексико-семантического варианта, структура какого-то одного значения. Каждое значение слова имеет свою собственную структуру. Дело в том, что любое лексическое значение складывается из иерархически организованных **сем** — минимальных единиц плана содержания, которые представляют собой элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов. Эти мельчайшие компоненты значения неравноправны. Например, в словах *отец*, *брат*, *дядя*, *бабушка* и в других терминах родства имеется сема *родственник*. Такая общая для целого класса слов сема называется **архисемой** и является **интегрирующей** (то есть объединяющей). Кроме этого, в структуре значения есть **дифференциальные** семы, которые, в отличие от архисемы, являются уже не родовыми, а видовыми, то есть на иерархической лестнице занимают более низкую ступеньку. В частности, для слова *отец* такими семами будут *родитель* (компонент значения, отличающий слово *отец* от слова *брат*), *мужской род* (сема, отличающая значение слова *отец* от слова *мать*), *первое поколение* (в отличие от слов *дед*, *бабушка*), *прямое родство* (в отличие от *дядя*) и т.д. Подобным образом можно выделить компоненты в значении любого слова. Анализ семного состава лексического значения так и называется — **компонентный анализ**.

С течением времени значения слов в любом языке меняются. Прежде всего меняется семантическая структура слова. Появляются новые значения, утрачиваются старые, изменяются связи между ними. Иными словами, происходит развитие лексического значения. Обычно в основе такого развития лежит **перенос** наименования с одного предмета или явления на другой, то есть называние какого-то нового предмета или явления именем другого, уже известного, на том

основании, что у этих предметов или явлений обнаруживаются какие-то общие признаки. Появляющееся в результате этого новое значение слова называется **переносным**. В основе образования переносных значений могут лежать разные механизмы. Какой-то предмет может быть назван так же, как другой предмет, на который он похож. Например, мы называем *вилкой* всевозможные приспособления, имеющие зубцы (*штенсельная вилка*), потому что они по своей форме похожи на ту вилку, с помощью которой мы едим. Таким образом, у слова *вилка* на основе **прямого** значения (*принадлежность столового прибора с острыми зубьями на длинной ручке*) возникло **переносное значение** — *различные устройства и приспособления с деталью в виде зубьев, выступов*. Такой перенос наименования, основанный на сходстве признаков или материальных свойств предметов, называется **метафорическим переносом**, или **метафорой**.

Близок к метафоре **перенос по функции**. Отличается он лишь тем, что основан не на внешнем сходстве предметов, не на общности их материальных свойств, а на сходстве выполняемых ими функций. Так, маленькая металлическая пластинка, используемая для письма чернилами или тушью, называется *пером* не потому, что она похожа на перо птицы, а потому, что она выполняет ту же функцию, которую когда-то выполняло при письме гусиное перо. Точно так же стеклоочиститель автомобиля никак не похож на дворника, но его в обиходе называют *дворником*, потому что он выполняет функцию (расчищать, разметать), похожую на функцию дворника.

Помимо переносов по сходству и по функции, существует также перенос по смежности, называемый **метонимией**. Это значит, что наименование одного предмета может быть перенесено на другой, если эти предметы соприкасаются в пространстве или во времени. Примером метонимии может служить слово *аудитория*, означающее как помещение для чтения лекций (прямое значение), так и слушателей, находящихся в этом помещении (переносное значение), ср.: *просторная, светлая аудитория* и *внимательная, заинтересованная аудитория*. Слово *бумага* означает как материал, на котором пишут (прямое значение), так и написанный на этом материале документ (переносное значение), ср.: *белая бумага* и *важная, срочная бумага*.

Разновидность метонимии, заключающаяся в переносе наименования с части на целое или, наоборот, с целого на часть, получила особое название — **синекдоха**. Так, слово *рука*, наряду с прямым значением (*одна из двух верхних конечностей человека*), имеет переносное значение (*тот, кто способен оказать помощь*,

протекцию), в котором оно означает уже человека, а не отдельную часть его тела: *у него в министерстве рука*.

В результате развития у слова переносных значений может произойти *расширение*, *сужение* или *смещение* его исходного лексического значения. Например, перенос наименования с метания стрел на метание камней, ядер и т.п. привел к расширению значения глагола *стрелять*. Примером сужения значения может служить слово *пиво*, которое сегодня означает пенистый напиток из ячменного солода и хмеля, а отнюдь не любой напиток. В отличие от расширения и сужения значений, при которых в новом значении частично сохраняется прежнее (стрелять по-прежнему можно и стрелами, а пиво по-прежнему остается напитком), при смещении значения слово приобретает новое значение, не включающее в себя старого, хотя и связанное с ним отношениями производности. Примером может служить глагол *красить*, значение которого в ходе развития претерпело и сужение (*делать красивым* → □ *делать красным*, то есть *покрывать или пропитывать красной краской*), и расширение (*покрывать или пропитывать красной краской* → □ *покрывать или пропитывать любой краской*), а в результате сместилось, так как значение *покрывать или пропитывать краской* не включает в себя исходного значения *делать красивым* и не является его частью. В семантической структуре слова *красить* эти два значения сегодня существуют параллельно.

Иногда случается и так, что исходное значение полностью забывается, а его место занимает какое-то другое, которое когда-то от него образовалось (то есть само является производным), но теперь уже воспринимается говорящими как основное. Так, например, большинство носителей русского языка даже не подозревает, что слова *мех* и *мешок* в прошлом были однокоренными: слово *мех* могло означать шкуру и сшитый из нее бурдюк (мешок). В результате такого развития может затемняться или разрушаться *внутренняя форма слова*.

Под **внутренней формой слова** понимается **мотивированность** исходного основного значения слова его морфемным составом, семантическая и структурная соотнесенность составляющих данное слово морфем с другими словами языка. Подоконник назван *подоконником*, потому что он находится *под окном*, рукавицы названы так, потому что их носят на руках, повар называется *поваром*, потому что он *варит*, и т.д. Таким образом, внутренняя форма слова выражает тот признак, который положен в основу называния предмета или явления. Как следует из принципа произвольности, условного характера связи между означаемым и означающим, такой признак совсем не обязательно должен быть

существенным для называемого предмета. Он может быть связан с функцией предмета, с его размерами, внешним видом и т.д. Так, например, женщина, которая занимается поддержанием порядка, то есть уборкой в помещении, называется *уборщицей*, а если она занимается тем же самым на улице, во дворе, — то *дворником*. В первом случае в основу номинации положена функция, а во втором случае — место ее выполнения. Именно поэтому синонимы, обозначающие один и тот же предмет, явление или признак, могут иметь разную внутреннюю форму — забастовка (*баста* — *хватит, конец, кончено*) и стачка (*стакнуться* — *договориться, быть заодно*); изумительный (*приводящий в изумление*), бесподобный (*не имеющий подобия*) и превосходный (*превосходящий других или другие*), и т.д.

Особенно ярко различия между лежащими в основе номинации признаками проявляются при сопоставлении внутренней формы слов, называющих одни и те же предметы и явления в разных языках. И в русском, и в английском языках человека, который шьет одежду, можно назвать по тому, что он шьет. Но если в русском языке это конкретный вид одежды (*портной* — тот, кто шьет *порты*, то есть штаны), то в английском — просто одежда, одежда вообще (*dressmaker* — тот, кто изготавливает *одежду*). В немецком языке такого человека называют *Schneider*, что связано с понятием *резать* (*schneiden*), а французское *couturière* связано с понятием *шить* (*couture* — *шитье*). То, что мы по-русски называем свиданием (*свидеться* — увидеть друг друга), по-французски называется *rendez-vous*, что можно перевести как *приходите* (от глагола *se rendre* — *являться, приходить*), а по-английски — *date*, то есть *назначенное время*.

Слово сохраняет свою внутреннюю форму до тех пор, пока в языке сохраняются другие слова с теми же морфемами. Когда же такие слова уходят из языка и забываются, бывает непросто восстановить внутреннюю форму единственного сохранившегося слова, содержащего эту морфему. Так, например, мы сегодня еще помним вышедшее из употребления слово *перст*, поэтому нам понятна внутренняя форма слов *наперсток* и *перчатки*, связь их исходных значений с их морфемным составом: *то, что надевают на перст или на персты*. Однако мало кто помнит сегодня исчезнувшее из русского языка слово *коло* (колесо), поэтому нам уже очень трудно восстановить внутреннюю форму слов *кольцо* и *около*, имеющих исторически тот же корень, что и *коло*. Очень часто восстановление внутренней формы слова требует специальных знаний в области не только исторической лексикологии, но и исторической фонетики и

исторической морфологии, поэтому обычно этим занимаются специалисты-этимологи.

Внутренняя форма слова — это мотивированность значения слова его морфемным составом, его связью с другими словами, содержащими те же морфемы. Однако эта мотивированность, характерная для первичного, исходного значения, совсем не обязательно сохраняется у последующих значений слова. Очень часто у слова появляются значения, противоречащие его внутренней форме. Так, например, значение слова *чернила* давно утратило связь с понятием *черный*. Если исходно *чернилами* называли то, что делает черным (сравните со словом *белила* — то, что делает белым), то сегодня мы пишем и *красными*, и *синими*, и *зелеными*, и даже *невидимыми чернилами*. Процесс утраты словом своей внутренней формы называется **деэтимологизацией**. Причиной деэтимологизации может стать утрата языком мотивирующего слова или морфемы (как в случае со словом *кольцо*) или развитие у слова значения, противоречащего его внутренней форме (как в случае со словом *чернила*). В результате деэтимологизации становятся возможными сочетания таких, казалось бы, несочетающихся слов, как *красноречивый взгляд* и даже *красноречивое молчание* (прилагательное *красноречивый* утратило обязательную связь с *речью* и стало синонимом слова *выразительный*), *путешествовать на теплоходе* (изначально *путешествовать* — это *шествовать*, то есть *идти пешком по пути*), *цветное белье* (*белье* значит *белое*, как же оно может быть цветным?) и т.д. В то же время появляются сочетания слов, которые, если исходить из их внутренней формы, нужно было бы признать тавтологичными, то есть повторяющимися значения друг друга: *кислый квас* (*квас* означает *квашеный*, то есть *кислый*), *белый лебедь* (слово *лебедь* произошло в результате метатезы от слова *белый*), *черные чернила* и др. Но поскольку квас бывает не только кислым, но и сладким, лебеди бывают черными, а чернила — разноцветными, то все эти словосочетания отнюдь не являются тавтологичными, а лишь свидетельствуют о происходящем у названных существительных процессе деэтимологизации.

Связь означаемого и означающего может меняться у слов также в результате так называемой народной этимологии. **Народная этимология** — это изменение материальной оболочки слова или его значения под влиянием неправильно понятой, ошибочно приписанной этому слову внутренней формы. Особенно часто примеры такого искажения слов встречаются в детской речи: слово *ртуть* превращается в *вертуть* или *вертутью*, так как, по мнению ребенка, это название происходит от свойства ртути вертеться; язык превращается в *лизык* (на основе сближения этого слова со словом

лизать); с другой стороны, словом *наблюдение* ребенок называет *то, что лежит на блюде*, и полагает, что *лодырь* — это *тот, кто делает лодки*. Подобные искажения слов встречаются и в речи взрослых людей, особенно часто — в диалектах и в просторечии: *пиджак* превращается в *спинжак* (потому, что его носят *на спине*), *поликлиника* — в *полуклинику* (это ведь не совсем *клиника*, туда только днем ходят) и т.д. Хрестоматийным стал пример народной этимологии, использованный уже в нескольких книгах и фильмах, когда слово *солист* понимается как *человек, который занимается засолкой овощей*. Однако иногда результаты народной этимологии получают закрепление и в литературном языке. Так, например, слово *близорукий* возникло из *близозъркъ* (то есть *близковидящий*) и должно было бы иметь форму *близозоркий*. Но оно было ошибочно истолковано как определение, относящееся к человеку, который из-за слабого зрения подносит то, что он держит в руках, близко к глазам, то есть подносит *близко руки*. В результате появилась форма *близорукий*, которая в конечном итоге и закрепилась в литературном языке.

Итак, в ходе развития языка слова по разным причинам изменяют свое значение и свою материальную оболочку, а иногда и вообще исчезают из языка. Одновременно с этим в языке появляются новые слова, то есть словарный состав языка постоянно меняется, и это изменение во всех языках характеризуется определенными закономерностями, определенными процессами.

ПУТИ ИЗМЕНЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

Изменение словарного состава языка характеризуется двумя разнонаправленными процессами. С одной стороны, язык обогащается новыми словами (так называемыми *неологизмами*), с другой — утрачивает те слова, которые в силу тех или иных причин устарели и перестали отвечать потребностям общества (*историзмы* и *архаизмы*). В количественном отношении преобладает первый процесс, тем более, что устаревающие слова иногда не уходят из языка полностью, а переходят в пассивный запас. Поэтому с развитием общества словарный состав языка в целом возрастает.

Уходят из словаря (а точнее — из активного словарного запаса) два типа слов — историзмы и архаизмы.

Историзмы — это слова, которые выходят из языкового обихода вместе с обозначаемыми ими предметами или понятиями: *боярин*, *кравчий*, *целовальник* и т.д. В языке как таковом эти слова

остаются, но используются только тогда, когда необходимо назвать эти исторические понятия, когда речь идет о соответствующей исторической эпохе.

Архаизмы — это устаревшие слова, обозначающие такие предметы и понятия, которые сохраняются в обществе, но получили новые названия: *очи (глаза), лицедей (актер), воитель (воин)* и т.д. Архаизмы также иногда продолжают употребляться, но только в тех случаях, когда говорящий либо специально стилизует свою речь под старину, либо хочет придать ей возвышенно-поэтическое звучание.

В целом же, как уже было сказано, развитие словарного состава языка идет по пути его обогащения.

ПУТИ ОБОГАЩЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

Очень редко, буквально в исключительных случаях новые слова придумываются искусственно. Примерами могут служить такие слова, как *lilliputian* (лилипут), авторство которого принадлежит Дж.Свифту, или *Kodak* (кодак), которое было придумано как фирменное название фотоаппарата и основано на звукоподражании, имитируя щелчок затвора. В большинстве же случаев слова создаются на основе уже имеющихся в языках морфем.

Существует четыре основных пути пополнения словарного состава языка:

1. **словообразование**, то есть создание новых слов из уже имеющихся в языке морфем (собственных или ранее заимствованных в составе других слов) по существующим правилам, или **словообразовательным моделям**;
2. **переосмысление** слов;
3. **заимствование** слов из других языков;
4. **калькирование**, то есть создание слова путем буквального перевода иноязычного слова.

Рассмотрим каждый из них подробнее.

1. Словообразование

Словообразование, которое иногда также называют **деривацией**, представляет собой процесс образования одних лексических единиц от других. В зависимости от того, как это образование осуществляется, выделяется несколько способов словообразования.

- **Аффиксация** — это способ образования новых слов путем прибавления к корням или основам словообразовательных аффиксов. Так, например, на основе корня *реклам-* и суффикса *-ист* возникло слово *рекламист*, означающее человека, создающего рекламу. Здесь использована та же словообразовательная модель, по которой в свое время были созданы слова *карикатурист*, *стилист* и т.д. Этот способ широко представлен во многих языках мира. Многие слова, не являющиеся сегодня неологизмами, когда-то были созданы с помощью аффиксации (ср.: англ. *speaker*, *helpless*, *unrest*; франц. *changement*, *mangeable*, *revoir*; нем. *blutlos*, *Reiterin*, *Behang* и т.д.). И сегодня этим способом создаются многие новые слова. Так, например, в английском языке в конце 80-х годов нашего столетия появились слова *microwaveable* для обозначения блюд, приготавливаемых в микроволновой печи, и *ovenable* (от *oven* — духовка) для обозначения посуды, которую можно ставить в духовку. Одновременно появилось сразу несколько слов с суффиксом *-er*, обозначающих различные виды кинофильмов: *suspenser* — фильм, который держит зрителя в состоянии напряженного ожидания (*suspense*), *oater* (от *oat* — овес) — вестерн, *actioner* (от *action* — действие), а от глагола *to impress*, означающего *произвести впечатление*, с помощью отрицательного префикса *un-* образовался глагол *unimpress* — *не суметь произвести впечатление*. Подобные неологизмы мы ежедневно слышим в русской разговорной речи — *приколист* (от *прикол* — шутка, розыгрыш), *жутик*, *ужастик* (названия фильмов ужасов, образованные, соответственно, от основ *жуть* и *ужас*) и т.д. На памяти старшего поколения от основы существительного *пылесос* образовались глаголы *пылесосить* и *пропылесосить*, которые сегодня уже не воспринимаются как неологизмы. Но в разговорной речи по этой же модели продолжают образовываться новые глаголы — так, например, от основы существительного *ксерокс* образованы глаголы *ксерить* и *отксерить* (ксерокопировать).

Особой разновидностью аффиксации является так называемое **обратное словообразование**, состоящее в том, что новое слово образуется путем отбрасывания аффиксов от уже имеющегося слова. В результате такого процесса (иногда также называемого **редеривацией**) в русском языке от слова *доярка* образовалось слово *дояр*, от *фляжка* — *фляга*; тот же процесс, сопровождающийся смягчением конечного согласного звука основы, привел к образованию слова *зелень* (от *зеленый*). Иногда какое-то имеющееся в языке слово ошибочно воспринимается как содержащее деривационный аффикс и образованное от другого, в действительности не существующего. И тогда по аналогии с соответствующей словообразовательной моделью создается недостающее слово. Именно таким путем в свое время возникло в русском языке слово *зонт*: заимствованное голландское слово *zonnedeck*, получившее на основе русской артикуляционной базы фонетическое оформление *зонтик*, было воспринято носителями русского языка как уменьшительная форма несуществующего слова *зонт*, которое и было создано и стало употребляться как основная форма. Достаточно распространены примеры обратного словообразования в английском языке: глагол *to lase* (действовать как лазер, от существительного *laser* — лазер), *to baby-sit* (присматривать за детьми в отсутствие родителей, от *baby-sitter* — приходящая няня), *to housekeep* (вести домашнее хозяйство, от *housekeeping* — домашнее хозяйство), *to edit* (редактировать, от *editor* — редактор), *to televise* (передавать по телевидению, от *television* — телевидение), и т.д.

- **Словосложение.** Для образования новых слов также широко используется словосложение. Под словосложением понимают образование новых слов путем соединения двух и более корневых морфем, основ или целых слов: *марсоход*, *видеопиратство*, *кинорынок* и т.п. в русском языке, *télécommande* (дистанционное управление), *radioactivité* (радиоактивность) во французском, *stand-alone* (тот, кто работает независимо, от *to stand* — стоять — и *alone* — в одиночку), *moneyman* (финансист, от *money* — деньги — и *man* — человек), *longbeard* (старик, от *long* — длинный — и *beard* — борода) в английском, *Alleinhandel* (монопольная торговля, от *allein* — один — и *Handel* — торговля), *Bildfunk* (телевидение, передача изображения по радио от *Bild* — картина — и *Funk* — радио) в немецком т.д.

- **Конверсия**

Следующий способ словообразования — конверсия, то есть образование слова одной части речи от слова другой части речи без всяких морфологических изменений его в исходной форме (так называемый переход одной части речи в другую): сравните нем. *leben* (жить) и *das Leben* (жизнь), *klappen* (хлопать) и *das Klappen* (хлопанье); франц. *boire* (пить) и *le boire* (питье); англ. *to break* (прерываться) и *a break* (перерыв), *a fine* (штраф) и *to fine* (штрафовать), *a round* (круг), *round* (круглый), *round* (вокруг); русск. *блинная*, *пельменная*, *закусочная* — существительные, образованные по конверсии от прилагательных, *любимый*, *заведующий* — существительные, образованные от причастий, и т.д. Иногда термин *конверсия* понимается в узком смысле: только как безаффиксное образование существительных от глаголов и глаголов от существительных — например, англ. *a jump* (прыжок) от *to jump* (прыгать) и *to water* (поливать) от *water* (вода). При таком понимании конверсии можно сказать, что она используется преимущественно в языках с бедной морфологической системой, где много простых, непроизводных слов и где в результате этого существительные и глаголы в своей исходной форме не имеют никаких специальных показателей части речи, как, например, в английском языке, где этот способ словообразования применяется чрезвычайно широко.

- **Аббревиация**

Еще одним способом словообразования является аббревиация — создание слова на основе *аббревиатур*, то есть сокращений (усеченных вариантов) других слов: ЭВМ (электронно-вычислительная машина), НЛО (неопознанный летающий объект), БДТ (большой драматический театр), вуз (высшее учебное заведение), госдеп (государственный департамент), адхоз (административно-хозяйственный), адхозотдел (административно-хозяйственный отдел), госдума (государственная дума) и т.д. Этот способ представлен во многих языках мира: ср.: нем. *GmbH* (*Gesellschaft mit beschränkter Haftung* — общество с ограниченной ответственностью), франц. *ovni* (*objet volant non identifié* — неопознанный летающий объект), англ. *brunch* (поздний завтрак или ранний обед от *breakfast* — завтрак — и *lunch* — обед), *VIP* (*very important person* — особо важная персона) и т.д.

2. Переосмысление

Новые слова могут появляться в языке не только в результате создания новых означающих, то есть новых материальных оболочек, но и в результате полного изменения значений уже имеющих слов, материальная оболочка которых наполняется новым содержанием. При этом речь идет не о появлении нового лексико-семантического варианта существующего слова, а о появлении нового слова, когда прежнее значение полностью утрачивается, а его место занимает новое. Такой процесс называется **переосмыслением**. В результате переосмысления в русском языке появились, например, такие слова, как *вокзал*, *истукан*, *вздор* в их современных значениях. Прежние значения этих слов (*зал для увеселений*, *статуя*, *сдираемая с бревна кора или стружка*) сначала послужили основой для появления новых, переносных значений, а затем уступили им свое место. В результате появились принципиально иные знаки, с новыми означаемыми.

3. Заимствование

Помимо словообразования и переосмысления, словарный состав языка может пополняться за счет **заимствования** слов из других языков. Слово может заимствоваться непосредственно из того языка, где оно появилось (**прямые заимствования**) и через языки-посредники (**косвенные заимствования**). Одно и то же слово может быть заимствовано разными путями и в результате появиться в заимствующем языке в виде нескольких разных слов. Такие слова называются **этимологическими дублетами**. Ярким примером многократного заимствования одного слова через разные языки-посредники служит появление в русском языке слов *юбка*, *шуба*, *zipун* и *жупан*. Все они являются вариантами заимствованного из арабского языка слова *jubba*, которое, пройдя через итальянский, польский, греческий и немецкий языки, в каждом из них приобрело несколько иное звучание и немного изменило значение, так что в результате в русском языке появились четыре названия четырех разных видов одежды.

Слова могут заимствоваться в устной форме, а могут — в письменной. В зависимости от того, каким способом слова пришли в язык, они по-разному в нем приживаются, по-разному *ассимилируются*. Под ассимиляцией слова понимается приобретение им фонетических, грамматических и семантических признаков, характерных для того языка, которым оно было заимствовано. Так, например, слова *антенна*, *стенд*, *темп* не ассимилировались фонетически, так как по фонетическим законам русского языка во

всех этих словах должно произноситься мягкое [т'], а они произносятся с твердым — то есть так, как каждое из них произносилось в языке-источнике, где отсутствует палатализация. Обычно слова, заимствованные устным путем, быстрее ассимилируются фонетически. Письменные же заимствования могут долго сохранять налет иноязычности. Они, как правило, первое время употребляются преимущественно людьми, читающими соответствующую литературу и знающими об иноязычном происхождении этих слов, а поэтому стремящимися произносить их как можно ближе к тому, как они произносятся в исходном языке. Это, естественно, замедляет процесс ассимиляции.

Слова *пальто, метро, какао, кофе* и им подобные не ассимилировались грамматически: они не приобрели присущих русским существительным форм склонения, несмотря на то, что были заимствованы достаточно давно. Существительное *кофе* еще отличается и тем, что, имея на конце -е, как русские существительные среднего рода (ср. *море, поле*), оно было заимствовано как слово мужского рода. Однако в последнее время оно все чаще употребляется в среднем роде, что свидетельствует о происходящем процессе ассимиляции.

Ассимиляция

также бывает семантической. Слово можно считать семантически ассимилированным, когда оно вступает в семантические связи с другими словами языка на основе синонимии, антонимии, гипонимии или гипо-гиперонимии и т.д., а также начинает служить основой для словообразования. Такая ассимиляция в значительной степени зависит от того, было ли это слово заимствовано вместе с новым предметом или понятием (как, например, было заимствовано русским языком слово *компьютер* или английским — *sputnik* в значении *искусственный спутник земли*) или же оно пришло в язык, где уже было слово с близким значением. В первом случае судьба слова во многом будет определяться степенью употребительности соответствующего предмета или понятия, тем, как быстро они войдут в обиход. Во втором же случае слово с самого начала оказывается включенным в семантические отношения с близкими по значению словами. Если значение такого слова полностью совпадает с уже имеющимся в языке, оно может оказаться лишним, ненужным и не прижиться (примером может служить появившееся в свое время в молодежном жаргоне заимствованное из английского языка слово *шузы* — туфли), а может разделить с ним "сферы влияния", как это произошло, например, с парами слов *экспорт* — *вывоз* и *импорт* — *ввоз*: *экспорт* и *импорт* используются как термины внешней торговли, а *вывоз* и *ввоз* сохранили за собой общее, нетерминологическое значение. В исключительных случаях оба

слова могут сохраниться в языке как абсолютные синонимы (*бегемот* и *гиппопотам*). Но так или иначе, заимствованные слова, полностью или частично дублирующие уже имеющиеся, активнее вступают в семантические и словообразовательные связи в заимствующем языке.

4. Калькирование

Промежуточное положение между заимствованием и словообразованием занимает **калькирование**, поскольку калькированное слово (калька) создано из морфем своего языка, но по заимствованной модели. Кальки подразделяются на словообразовательные и семантические. **Словообразовательная калька** — это поморфемный перевод иноязычного слова. Поэтому калькироваться могут только сложные слова. Примером такой кальки (то есть слова, образованного путем калькирования) может служить *небоскре́б* (от английского *skyscraper*, состоящего из *sky* — небо — и *scrap* — то, что скребет). Иногда иноязычное слово приходит в язык двумя путями — и в виде заимствования, и в виде кальки. Именно так в русском языке появились греческое заимствование *алфавит* (возникшее в греческом языке на основе названий двух первых букв греческого алфавита — *альфа* и *бета*) и его калькированный синоним *азбука* (на основе названий двух первых букв русского алфавита — *аз* и *буки*). Подобным образом появилась синонимическая пара *концентрировать* и *сосредоточить* (от латинских *con* — *с, вместе* — и *centrum* — *центр, средоточие*).

В качестве разновидности словообразовательной кальки выделяют еще *полукальки*, в которых переводится только часть слова (например, *антитело* от французского *anticorps*).

Семантическая калька — приобретение словом нового, переносного значения под влиянием появления такого значения у соответствующего слова другого языка. Так, под влиянием нового значения английского слова *mouse* (мышь), русское слово *мышь* также стало означать координатный манипулятор (*компьютерная мышь*). Под влиянием французского слова *borné* (*ограниченный* — о территории и человеке) русское слово *ограниченный* также приобрело значение *туповатый, недалекий*. Однако семантическое калькирование приводит к созданию не нового слова, а нового лексико-семантического варианта уже существующего.

Таковы основные пути пополнения словарного состава языка. Даже краткий их обзор показывает, что появление слов связано со множеством самых разных языковых и внеязыковых явлений. Толчком к их созданию служат, как правило, внеязыковые факторы.

Конкретный же путь создания слова может быть обусловлен как внешними факторами (скажем, влиянием другого языка), так и внутренними особенностями языка — его фонетическим и грамматическим строем, лексической системой и т.д. Учет всех этих факторов и лежит в основе общих принципов, выработанных *этимологией* для диахронического изучения словарного состава языка.

ЭТИМОЛОГИЯ

Этимологией (греч. *etymon* ‘истина’, *logos* ‘слово’) называют раздел лексикологии, исследующий историю слов. Этимология изучает происхождение слова и составляющих его морфем (приставки, корня и др.) как со стороны формальной (звуковой), так и со стороны значения. Цель этимологического анализа состоит в том, чтобы определить, когда, на основе какой словообразовательной модели возникло то или иное слово, и проследить, как изменялись со временем его форма и значение.

Как область знания этимология возникла в античности, в Древней Греции, однако длительное время попытки объяснить происхождение слов не имели научной базы и носили характер ухищрений и домыслов. Зарождение научной этимологии стало возможным только после открытия сравнительно-исторического метода, то есть с начала XIX века.

Создатели сравнительно-исторического метода немецкие ученые Ф. Бопп, Я. Гримм и датчанин Р. Раск доказали, что разные языки могут быть родственными, причем это родство обусловлено тем, что они развились из одного языка в прошлом. На это указывают многие факты. Сравним, например, числительные во французском, итальянском и испанском языках:

франц.	итал.	исп.
<i>un, une</i>	<i>uno, una</i>	<i>uno, una</i>
<i>deux</i>	<i>due</i>	<i>dos</i>
<i>trois</i>	<i>tre</i>	<i>tres</i>
<i>quatre</i>	<i>quattro</i>	<i>cuatro</i>
<i>cinq</i>	<i>cinque</i>	<i>cinco</i>
		и т.д.

Такое сходство не может быть случайным. Следовательно, числительные французского, итальянского и испанского языков восходят к единой традиции.

В качестве первоначальной предпосылки этимологического исследования и выступает идея о том, что слова разных языков могут

восходить к общему прототипу, слову-предку. Каждое слово, таким образом, имеет свою историю. В связи с этим представляется вполне уместным поставить задачу восстановить ее. Конечно, многое безвозвратно утрачено, и если исходить из фактов одного языка, то воссоздать «биографию» слова вряд ли удастся. Если же сравнить между собой слова из родственных языков, то нетрудно заметить, что они имеют значительное сходство. На этом основании было сделано предположение, что, сопоставляя родственные слова и выявляя общее между ними, мы тем самым устанавливаем то, что сохранено из древнего состояния.

Приведем в качестве примера следующий ряд: русское *два*, старославянское *ДЪВА*, литовское *du*, древнепрussкое *dwai*, древневерхненемецкое *zwai*, англосаксонское *tu*, современное английское *two*, древнеирландское *dau* санскритское *dvau*, греческое *duo*, латинское *duo*, готское *twai*. На основании сопоставления этих форм восстанавливается древнее состояние слова, к которому, как полагают, восходят приведенные формы, — **duo*. Эту восстановленную форму принято называть **архетипом** (греческ. *arche* ‘начало’, *typos* ‘образец, модель’). Звездочка рядом с архетипом означает, что данная форма реально нигде не засвидетельствована и восстановлена лишь на основании теоретических построений.

Архетипы могут быть разной степени глубины, в связи с чем различают *ближнюю* и *дальнюю* этимологию. Например, для русских исконных слов ближней этимологией будет восточнославянский архетип, который выводится на основании сопоставления фактов белорусского, русского и украинского языков. Дальняя этимология — восстановление архетипа, соответствующего индоевропейскому языковому состоянию (привлекаются данные всех индоевропейских языков). Промежуточное положение между ними занимает общеславянский архетип (привлекаются данные всех славянских языков).

Может возникнуть вопрос, насколько этимологические построения соответствуют тому, что имело место в реальной действительности, ведь формы, которые восстанавливаются, безвозвратно утрачены и наблюдать их (а тем самым и проверить) невозможно. После открытия сравнительно-исторического метода было немало скептиков, которые не верили в возможность восстанавливать древнюю форму слов. Сомнения усилились еще более, когда обнаружилось, что реконструкции древнего состояния романских языков (которые несомненно восходят к латинскому языку) не совпадали, и порой довольно существенно, с теми формами, которые были представлены в древних памятниках латинского литературного языка.

Например, из сопоставления французского *bouche*, итальянского *bocca* ‘рот’ восстанавливался архетип **bucca*. Однако в латинской письменности ‘рот’ обозначался словом *os (oris)*. Впрочем, слово *bucca* тоже встречалось, но с другим значением. Сомнения были развеяны после того, как были найдены памятники народно-разговорной латыни. Дело в том, что романские языки восходят именно к ней, а не к литературному латинскому языку. В этих памятниках были обнаружены многие из тех архетипов, которые восстанавливались в результате теоретических построений, в том числе и *bucca* ‘рот’.

Как уже говорилось, цель этимологического исследования — выяснить, когда и как возникло то или иное слово, а затем проследить, каким изменениям оно подверглось в дальнейшем. При осуществлении этой цели самой главной задачей является установление исходного состояния, от которого началось развитие данной единицы.

Все слова, которые являются предметом этимологического анализа, прежде всего могут быть разделены на *исконные* и *заимствованные*. Слова, для которых предполагается исконное происхождение, могут быть в свою очередь разделены на две группы: 1) *непроизводные* с точки зрения как современного, так и прошлого состояния языка, 2) *производные* слова, образованные по словообразовательным моделям данного языка. Особенности восстановления древней формы в значительной степени связаны с тем, к какому из данных трех разрядов относится анализируемое слово.

Для *исконных непроизводных слов* производится сопоставление со словами родственных языков и диалектов и прослеживается их формальная и смысловая история вглубь до языка-основы. Приведем примеры таких сопоставлений при объяснении происхождения русских слов *дом* и *дым*.

Дом, — украинск. *дім*, белорусск. *дом*, болгарск. *дом*, сербскохорватск. *дом* (‘семья’), словенск. *dom* (‘палата’), чешск. *dom*, словацк. *dom*, польск. *dom*; литовск. *namai*, латышск. *nam*, латинск. *domus*, греческ. *domos*, санскритск. *damah*, готск. *timrjan* ‘плотничать, строить’. Восстанавливаемый архетип в индоевропейском языке — **dom-* ‘строить’. Архетип отражает сохранившуюся в большинстве языков форму и предполагаемое исходное значение.

Дым, — украинск. *дим*, белорусск. *дым*, болгарск. *дим*, сербскохорв. *дим*, словенск. *dim*, чешск. *dym*, польск. *dym*; литовск. *dumyti* (‘дымить’), латышск. *dumi*, древнепрусск. *dumis*, готск. *dauns* (‘вонь’), латинск. *fumus*, греческ. *thumos* (‘дыхание’, ‘гнев’),

санскритск. *dhumah*. Архетип слова в индоевропейском праязыке — **dhum-* ‘дым’. Форма архетипа соответствует тем изменениям, которые претерпели звуки на протяжении истории: индоевропейское **dh* в славянских языках изменялось в *d*, а в латинском — в *f*. Индоевропейский долгий **u* в русском языке закономерно отражается как *ы*. Исходное значение, вероятно, было близко современному.

Для слов, которые являются производными в пределах данного языка, устанавливаются их составные части и основы, от которых они были образованы. Например:

Кольцо, — образовано от существ. *коло* ‘круг’ с помощью уменьшительного суффикса *-ьц-*. В русском языке известно с 14 века.

Мешок, — образовано от существ. *мѣхъ* ‘мешок из козьей шкуры’ с помощью суффикса *-ьк-*, который позднее изменился в *-ек-*, а затем в *-ок-*. Слово известно с XI века.

Для заимствований — устанавливается источник заимствования и, при необходимости, объясняются те изменения, которым слово подверглось в ходе усвоения. Например:

Вермишель, — в форме *вермишель* впервые зафиксировано в 1837 г. Восходит к французскому *vermichel*; во французском — из итальянского *vermicelli*, которое восходит к латинскому *vermis* ‘червяк’.

Верстак, — заимствовано из немецкого языка: немецк. *Werkstatt*, букв. ‘место работы’. Конечное *-ак* — вероятно, русского происхождения (влияние рядов слов *черпак*, *рысак*, *бурсак* и др.)

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Объяснение происхождения того или иного слова должно отвечать определенным требованиям. Полнота соответствия этим требованиям используется для оценки степени достоверности предлагаемой этимологической интерпретации. Основными критериями, которыми руководствуются этимологи (лингвисты, занимающиеся этимологией), являются *фонетический*, *морфологический* (*словообразовательный*) и *семантический*.

Фонетический критерий

Фонетический критерий требует при восстановлении древней формы слова руководствоваться диахроническими звуковыми законами. Напомним, что диахроническими звуковыми законами называются регулярные звуковые соответствия между разными

языками, восходящими к одному общему для них языку, или между хронологически разными формами одного языка. Приведем пример использования фонетического критерия.

Существует фонетический закон, согласно которому в исконных (не заимствованных) словах русскому звуку *з* соответствует старославянское *з*, литовское *z*, латинское *g*, греческое *g*, ирландское *g*, санскритское *j*, готское *k*, немецкое *k*. В связи с этим можно признать вполне правомерными следующие сопоставления:

русск.	<i>знать</i>	русск.	<i>зерно</i>
старослав.	<i>ЗНАТИ</i>	старослав.	<i>ЗРЪНО</i>
литовск.	<i>zīnoti</i>	литовск.	<i>zīrnis</i> ‘горох’
латинск.	<i>cognoscere</i>	латинск.	<i>granum</i>
греческ.	<i>gignosko</i> ‘знаю’	ирландск.	<i>gran</i>
санскр.	<i>janati</i> ‘знает’	санскр.	<i>jirnas</i>
			растертый’
готск.	<i>kunnan</i>	готск.	<i>kaur̃n</i>
немецк.	<i>Kennen</i>	немецк.	<i>Korn</i>
<hr/>		<hr/>	
архетип	<i>*g'no-</i>	архетип	<i>*g'er-n</i>

Если привлекаемые для восстановления древней формы факты родственных языков не соответствуют звуковому закону, это, при соотнесенности формы и значения, может быть признаком того, что слово не является исконным. Так, сопоставив русское слово *зона* с латинским *zona*, немецким *Zone*, можно констатировать нарушение приведенного выше звукового закона. Причина этого заключается в том, что данное слово в русском языке не является исконным, а было заимствовано из западноевропейских языков.

Разнообразие фонетических законов таково, что иногда к общему архетипу в разных (но обязательно родственных) языках могут восходить слова, не содержащие ни одного внешне похожего звука. Например, армянское *erku* ‘два’ и русское *два* восходят к общему архетипу: в армянском языке древнее **du/*dw* изменилось в *erk*, ср. греческ. *dwi-* (корень со значением ‘страх’) — армянск. *erkiwl* ‘страх’; греческ. *dfaron* ‘долгий’ — армянск. *erkar*, греческ. *duo* ‘два’ — армянск. *erku*.

С другой стороны, исконные слова, даже очень похожие по форме и значению, если они взяты не из родственных языков, конечно, не могут восходить к общей традиции. Например, нельзя выводить общий архетип из сопоставления английск. *name* ‘имя’, немецк. *Name* ‘имя’, латинск. *nomen* ‘имя’, мансийского *name* ‘имя’.

Из этого ряда следует исключить мансийское слово, поскольку мансийский язык не является родственным немецкому, английскому и латинскому.

Некоторые лингвисты считают, что фонетический критерий не следует абсолютизировать, то есть при восстановлении архетипа возможны и отступления от него, поскольку фонетические законы допускают исключения. В этой связи представляется интересным высказывание известного русского лингвиста В.И. Абаева: «Исследование, основанное на рабской вере в непогрешимость звуковых законов, обесценивается наполовину; исследование, вовсе игнорирующее эти законы, не имеет вообще никакой цены».

Морфологический (словообразовательный) критерий

Морфологический критерий достоверности восстановленных форм заключается в том, что лексический архетип реконструируется как целое, объясняется присутствие всех значимых элементов в слове. Если какая-то часть слова остается необъясненной, этимология не может считаться полностью достоверной.

Например, при объяснении происхождения русского слова *мертвый* можно сопоставить корень со старослав. *МЪР* ‘умираю’, болгарск. *мра*, словацк. *mrem*, армянск. *meranim*, латинск. *morior*. При этом, однако, в основе слова остается необъясненной часть *-тв-*. Если же привлечь для сопоставления также латинское *mortuus* ‘мертвый’, то этот элемент получает объяснение как восходящий к суффиксу причастия прошедшего времени (как в славянских, так и в латинском языках). Этимология, таким образом, может считаться достоверной в морфологическом отношении.

Определение словообразовательной модели и соотнесение с тем или иным словообразовательным рядом имеет решающее значение при объяснении производных слов с забытой или полузабытой внутренней формой, ср.:

<i>дол</i>	—	<i>долина</i>	—	<i>село</i>	—	<i>сельцо</i>
<i>холст</i>	—	<i>холстина</i>	—	<i>коло</i> (‘круг’)	—	<i>кольцо</i>
<i>грудь</i>	—	<i>грудина</i>	—	<i>крыло</i>	—	<i>крыльцо</i>
<i>смород</i> (‘запах’)	—	<i>смородина</i>				

Учет ступени словообразования (то есть определение формы, от которой непосредственно образовано данное слово) имеет большое значение при этимологизации собственных имен, в частности географических названий. Так, если деревня называется *Зайцево*, нельзя объяснять это название от нарицательного существительного *заяц*, так как суффиксальное оформление слова (*-ев-*) остается не

объясненным. Более вероятным представляется следующий путь возникновения названия: *Заяц* (имя или прозвище человека) —> *зайцев-*, *-а*, *-о* ‘принадлежащий Зайцу’ —> *Зайцево* (название места, где поселился Заяц).

В качестве примера этимологии, которая не может быть признана полностью достоверной, поскольку не все части слова получили убедительное объяснение, может быть приведена интерпретация русского числительного *девять*. Первую часть этого числительного связывают со словом *девять*, а последнюю — со словом *сто*. Что же касается срединного компонента *-но-* между этими двумя частями, то удовлетворительно объяснить его пока не удается.

Семантический критерий

При восстановлении древнего архетипа необходимо учитывать не только формальную сторону, но и значение сопоставляемых единиц. Трудно представить, например, чтобы оказались этимологически родственными такие слова, как английск. *beach* [bi:t] ‘пляж’ и русск. *бич* ‘кну́т’, так как формирование столь разных значений из одного общего прототипа маловероятно.

Конечно, за время своего существования слово может изменить свое значение весьма существенно. Известны случаи, когда два слова в разных языках, восходя к общему архетипу, приобрели фактически противоположные значения, ср. русск. *гость* и латинск. *hostis* ‘враг’, русск. *урод* и польск. *uroda* ‘красота’. Понять, как сформировалось такое различие в семантике данных слов, помогает обращение к более древним, или, как иногда говорят, *старшим* значениям: для русского *гость* старшее значение - ‘чужеземец’, далее ‘чужеземный купец’ (*гостити* означало ‘торговать’), ‘гость’; в латинском языке старшее значение ‘чужеземец’ далее стало ‘пришелец, враг’. Слово *урод* связано с глаголами *родиться*, *уродиться*, а уродиться можно и красивым, и некрасивым.

Если привлекаемые для сопоставления слова разных языков имеют разные значения, следует проследить, каким образом это различие сформировалось (о путях развития лексических значений речь уже шла). Приведем пример. Русское слово *племянник* ‘сын сестры или брата’ в других славянских языках имеет соответствия с несколькими иными значениями: сербскохорв. *племеник* ‘родственник’, чешск. *plemenik* ‘единоплеменник’, польск. *plemiennik* ‘потомок’. Все эти значения (включая русское) связаны со старшим значением ‘соплеменник’, ‘единоплеменник’.

При объяснении путей развития значения часто прибегают к аналогии. Например, слово *город* в русском языке связывают с

глаголами *городить*, *ограждать*. Эта этимология находит поддержку, если обратиться к тому, как возникало обозначение города в других языках. В английском, например, *town* ‘город’ сопоставляют с немецким *Zaun* ‘забор’.

Следует отметить, что при объяснении происхождения слова необходимо учитывать культурно-исторический контекст и характерные признаки материальных объектов. Например, объяснение русского слова *пельмени* как заимствования из языка коми, в котором *пельнянь* означает ‘хлебное ухо’, получает дополнительную поддержку, если обратить внимание на форму пельменя, действительно напоминающую ухо.

Большое значение семантический критерий имеет для этимологии собственных имен, особенно географических названий. Например, название р. *Ворья* на Северном Урале можно было бы попытаться связать с русским *вор*, если бы так называлась единственная река: хотя семантика мотивирующего слова и не характерна для географического названия, элемент случайности сбрасывать со счетов нельзя. Но поскольку название *Ворья* носят несколько рек, такое объяснение следует признать неудовлетворительным в семантическом отношении. Правильное объяснение происхождения названия лежит через сопоставление его с мансийскими словами *вор* ‘лес’, *я* ‘река’, то есть *Ворья* ‘лесная река’.

ГРАММАТИКА

Итак, рассмотрев основные проблемы, связанные со словом как единицей языка, обратимся к двум другим уровням языковой структуры — морфемному и синтаксическому, — непосредственно связанным со строением и функционированием слова. Эти два уровня изучаются двумя лингвистическими дисциплинами — *морфологией* и *синтаксисом* соответственно. Традиционно морфология и синтаксис объединяются в более общую лингвистическую науку — *грамматику*, внутри которой они составляют два относительно самостоятельных раздела.

Грамматика — это наука, изучающая знаковые единицы языка с точки зрения их строения и структурного взаимодействия. Если в лексикологии большое внимание уделяется связи материальной оболочки слова с внеязыковыми явлениями, предметами и понятиями, то грамматические исследования посвящены главным образом *внутриязыковым* отношениям между единицами.

Как и все лингвистические дисциплины, грамматика может быть общей и частной, описательной, исторической и сравнительной.

Центральными понятиями грамматики являются *грамматическое значение*, *грамматическая форма* и *грамматическая категория*.

Грамматическое значение — это обобщенное, отвлеченное значение, присущее не отдельной языковой единице, а целому классу единиц и имеющее в языке специальные средства выражения. Если лексическое значение слова индивидуально, то есть каждое слово имеет свое лексическое значение, то грамматическое значение является общим для большого количества словоформ. Слово *стена* отличается от слова *доска* своим лексическим значением, так же как слово *доска* — от слова *тоска*. Но все эти три слова объединяет общее грамматическое значение: это все существительные женского рода в единственном числе и именительном падеже.

При рассмотрении лексического значения мы видели, что оно включает в себе абстракцию, поскольку оно соотносится с понятием, которое формируется в результате отвлечения от индивидуальных особенностей предметов одного класса. В случае же с грамматическим значением мы имеем дело с абстракцией более

высокого уровня — грамматическое значение формируется в результате отвлечения от особенностей целых классов предметов. Так,

лексическое значение слова *яблоко* — это результат обобщения, отвлечения от индивидуальных особенностей отдельных яблок. При этом не учитывается то, что одно из них может быть желтым, другое красным, а третье — зеленым, что одно может быть кислым, а другое — сладким, что они могут быть разного размера и т.д., важно лишь то, чем яблоко отличается от "не-яблока". В плане же грамматической абстракции несущественной оказывается разница между словами *яблоко*, *окно*, *волокно* и т.д. Важно лишь то, что все это — неодушевленные существительные среднего рода.

Если суть лексических значений состоит в обозначении предметов или явлений, то грамматические значения прежде всего отражают **отношения** между этими предметами и явлениями — пространственные, количественные, временные, инструментальные и другие. Так, например, форма именительного падежа существительного свидетельствует о том, что предмет (лицо) выступает в качестве субъекта действия или носителя признака, тогда как формы косвенных падежей отражают характер соотношения этого предмета (лица) с другими, объектом действия которых он (оно) является: сравните формы *сестра* и *сестре*, *сестру*, *сестрой*.

Еще одно существенное различие между лексическим и грамматическим значениями состоит в том, что лексическое значение в подавляющем большинстве случаев основано на отражении нашим сознанием **внеязыковых** явлений (исключение составляют лишь так называемые метаязыковые единицы — то есть средства языка, используемые для описания самого же языка), тогда как грамматическое значение имеет двойственную природу — оно выражает как отраженные нашим сознанием отношения между внеязыковыми явлениями, так и отношения между самими языковыми единицами. Например, значение переходности у глагола — это отражение характера отношений между субъектом и объектом действия и одновременно — между членами предложения. По степени обусловленности внеязыковыми и языковыми отношениями грамматические значения неоднородны. Если падежные значения отражают сразу оба типа отношений, то, скажем, значение рода у неодушевленных существительных — это характеристика только слов, а не обозначаемых ими предметов (сравните слова *табурет* и *табуретка*, называющие один и тот же предмет). Таким образом, лексическое и грамматическое значения различаются не только уровнем абстрактности, но и ее качественным характером.

Языковой знак, в котором определенное грамматическое значение находит свое регулярное выражение, называется **грамматической формой**. Иными словами, грамматическая форма — это грамматическое значение плюс средство его выражения (например, окончание существительного *-ом* в русском языке — грамматическая форма, выражающая значение творительного падежа, английское *'s* — грамматическая форма, выражающая значение притяжательного падежа, и т.д.)

Система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями называется **грамматической категорией**. Так, противопоставленные друг другу ряды грамматических форм со значением *единичность* и *множественность* (или *единичность* — *двойственность* — *множественность*) образуют категорию числа, а форм со значением *прошедшее* — *настоящее* — *будущее* — категорию времени и т.д.

Для существования категории необходимо наличие минимум двух противопоставленных форм. Так же, как и любой другой знак, грамматическая форма, для того, чтобы выражать значение, должна входить в систему и быть противопоставленной какой-то другой форме. В русском языке противопоставления типа *вижу стол* и *вижу студента* дают основания выделять категорию одушевленности. В английском же или французском языках, где слова, означающие живые и неживые предметы, не различаются никакими грамматическими формами, оснований для выделения **грамматической** категории одушевленности нет. В русском языке разница между существительными мужского, женского и среднего рода во многих случаях выражается окончаниями. В немецком языке разница между мужским, женским и средним родом существительного выражается артиклем (*der* — *die* — *das*). Во французском языке эта разница также выражается с помощью артикля, но там противопоставлены всего две формы — мужского (*le*) и женского (*la*) рода. В английском же языке различия в роде существительных грамматически никак не выражены. Следовательно, в русском, немецком и французском языках у существительных есть грамматическая категория рода, хотя во французском она имеет иной состав, нежели в двух других языках. В английском же языке грамматической категории рода у существительных нет. Вопрос о том, какого рода то или иное существительное, поставит носителя английского языка в тупик. Если существительные, обозначающие людей или животных, он соотнесет с полом обозначаемых существ (то есть обратится к их лексическому значению), то в отношении остальных существительных он просто не поймет смысла вопроса, потому что

значение рода у них может быть только внутриязыковым (неодушевленные предметы в реальной действительности по родам не различаются), а такой грамматической категории в его языке нет.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в разных языках могут быть разные грамматические категории, и даже в том случае, когда в двух языках обнаруживается одна и та же категория, она может иметь разный состав.

Грамматические категории делятся на *словоизменятельные* и *классифицирующие*. Категорию называют *словоизменятельной*, если одно и то же слово может иметь разные формы этой категории. Так, например, категория рода у русских прилагательных является словоизменятельной, прилагательные в русском языке изменяются по родам: *большой, большая, большое*. Если же каждое слово может иметь только одну форму этой категории и слова на основании противопоставленных форм объединяются в противопоставленные друг другу классы, то такая категория называется *классифицирующей*. Примером классифицирующей категории может служить род у русских существительных, которые не изменяются по родам, а группируются, объединяются в соответствующие классы: существительные мужского рода, существительные женского рода, существительные среднего рода.

Грамматические категории также подразделяются на *морфологические* и *синтаксические*. Первые связаны с формами слов (например, вид, время, наклонение глаголов), вторые — с их взаимодействием в составе предложения. Типичным представителем синтаксической категории служит категория членов предложения.

По характеру лежащего в их основе значения грамматические категории близки к логическим. Однако есть несколько обстоятельств, которые не позволяют их отождествлять. Это прежде всего уже упоминавшаяся двойственность природы грамматического значения, которое основано не только на отражении свойств и связей предметов и явлений внеязыковой действительности, но и на отражении свойств и отношений самих языковых единиц. Трудно найти, к примеру, логическую аналогию категории рода у прилагательных, которая является чисто языковой категорией. Кроме того, одна грамматическая форма может одновременно выражать значения сразу двух или более логических категорий. Так, например, деепричастный оборот может выражать объединенное причинно-временное значение (что означает *Подойдя к дому, я увидел нечто необычное* — когда я подошел или в результате того, что я подошел?), аналогичным свойством обладает абсолютная конструкция в английском языке (*The plane was shot down, the crew being taken prisoner* — вряд ли можно дифференцировать, был ли экипаж взят в

плен после того, как самолет был сбит, или по причине того, что он был сбит). К тому же некоторые логические категории находят свое выражение в языке не только в грамматических, но и в лексических значениях, причем то, что в одном языке выражается грамматическими средствами, в другом может быть выражено лексическими. Так, например, формы Plusquamperfect в немецком языке, plus-que-parfait во французском или past perfect в английском выражают значение предшествования моменту или действию в прошлом, тогда как в русском языке это значение можно выразить только с помощью лексических средств: ср. англ. *She was as beautiful as she had been* и русск. *Она была так же хороша, как и прежде*. Все это свидетельствует о том, что, будучи близкими по характеру лежащих в их основе значений, логические и грамматические категории не совпадают, и грамматические категории являются лишь одним из путей выражения в языке категорий логических.

Итак, грамматика — это раздел языкознания, изучающий представленные в виде грамматических форм морфологические и синтаксические категории языка. Рассмотрев общие для двух грамматических уровней вопросы, обратимся к первому уровню — морфологическому.

МОРФОЛОГИЯ

Морфология — это раздел грамматики, изучающий морфемный состав языка, типы морфем, характер их взаимодействия и функционирования в составе единиц более высоких уровней. Зная особенности морфемного инвентаря того или иного языка, лингвист может с большой долей уверенности описать основные особенности всего грамматического строя этого языка в целом. Поэтому обсуждение проблем грамматики целесообразно начать со знакомства с морфемой.

МОРФЕМА КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Морфема — это *минимальная значимая единица языка*. Она строится из фонем и принципиально отличается от них своим знаковым характером. Каждая морфема обладает каким-то одним значением — или вещественным, или грамматическим. Морфемы, обладающие **вещественным** значением, называются **корневыми** (или **корнями**), морфемы же, обладающие **грамматическим** значением, — **аффиксальными** (или **аффиксами**).

Характер различий между лексическим и грамматическим значениями, а также упоминавшийся уже закон развития от конкретного к абстрактному подсказывают, что современные грамматические морфемы могли возникнуть из морфем с более конкретным значением, то есть из корневых. Такое предположение подтверждается диахроническими исследованиями разных языков, в том числе изучением их сравнительно недавнего прошлого. Так, например, грамматическая морфема 's, служащая показателем притяжательного падежа существительных в современном английском языке (*the king's head* — голова короля), возникла на основе редуцировавшейся формы притяжательного местоимения *his* в конструкциях типа *the king his head*, которую можно дословно перевести как *король его голова* (то есть *голова короля*). Современные немецкие глагольные приставки *ab-, aus-, durch-, mit-, über-* и др. восходят к определявшим глагол наречиям, возвратная частица *-ся* в русском языке восходит к возвратному местоимению, а показатель первого лица множественного числа *-м* в глагольных формах настоящего времени — к местоимению первого лица множественного числа.

По своей функции (и по характеру грамматического значения) все аффиксальные морфемы делятся на **деривационные** и **реляционные**. **Деривационными** называются аффиксальные морфемы, которые служат для образования новых слов, то есть они выполняют **словообразовательную** функцию. Примерами деривационных морфем могут служить русские суффиксы *-овать, -оват, -ик, -оньк*, приставки *за-, из-*, английские суффиксы *-less, -ness, -у*, приставка *be-*, французские суффиксы *-ment, -tion*, приставки *re-, im-*, немецкие суффиксы *-lich, -isch, -haft*, приставки *ab-, auf-, zu-* и др. **Реляционные** же морфемы выполняют **словоизменительную** функцию, то есть служат для образования грамматических форм одного и того же слова (например, падежные окончания, показатели множественного числа, прошедшего времени и т.д.).

По способу выражения все морфемы можно разделить на **материально выраженные** и **нулевые** (то есть значимое отсутствие морфемы, как, например, нулевое окончание в форме именительного падежа единственного числа у русских существительных второго склонения, где отсутствие окончания противопоставляет эту форму другим, имеющим материально выраженное окончание: домо — дома, дому и т.д.). Материально выраженные морфемы, в свою очередь, подразделяются на **сегментные** и **суперсегментные**. **Сегментными** называются морфемы, которые можно выделить путем сегментирования слова, то есть разделения составляющей его

цепочки фонем на части. Примером сегментных морфем могут служить корень, приставка и др. Но грамматическое значение может выражаться не только с помощью цепочки фонем. Так, грамматическое различие между формами *нарéзать* и *нарéзáть* (совершенный и несовершенный вид) выражено перемещением ударения. В этом случае мы имеем дело с материальным выражением грамматического значения (оно воспринимается на слух), но это материальное выражение как бы наслаивается, накладывается сверху на цепочку фонем. Такое средство выражения грамматического значения и называется **суперсегментной** (то есть сверхсегментной) морфемой.

Смысловым центром слова всегда служит его корень, поэтому аффиксы принято классифицировать в соответствии с их положением по отношению корню. Аффиксы могут стоять *впереди* корня, в этом случае они называются **префиксами** (или приставками). Аффиксы, стоящие *после* корня, называются **постфиксами**. К постфиксам относятся *суффиксы* и *флексии* (называемые также окончаниями). Аффиксы, стоящие *между* двумя корнями в сложном слове (как, например, соединительные гласные *-o-* и *-e-* в русском языке), называются **интерфиксами**. В некоторых языках встречаются аффиксы, которые вставляются внутрь корня. Такие аффиксы называются **инфиксами**. Примером может служить латинский инфикс *-n-* (сравните формы глагола *vincere* — *vinco, vici, victum*: в индикативе, так же как и в инфинитиве, есть инфикс *-n-*, отсутствующий в перфекте и супине). Существуют также аффиксы, которые не только вставляются внутрь корня, тем самым разрывая его, но и сами при этом разрываются, так что согласные корня чередуются с гласными аффикса. Так, например, в арабском языке, где корень глагола обычно состоит из трех согласных, грамматические формы глагола образуются с помощью так называемой гласной схемы: *kataba* (он писал), *kutiba* (написан) и т.д. Такие аффиксы называются **трансфиксами**.

Каждая морфема характеризуется определенной дистрибуцией, то есть способностью употребляться в определенном морфемном окружении. В какой-то степени приведенная классификация аффиксов по их положению в отношении корня также основывается на дистрибутивных характеристиках. Только здесь речь идет не об индивидуальной дистрибуции каждой морфемы, а о дистрибуции, характерной для целых классов морфем. Так, дистрибутивной характеристикой всех корневых морфем является то, что они могут слева от себя иметь префикс или интерфикс, а справа — интерфикс или суффикс. Дистрибутивную характеристику можно дать и менее крупным классам морфем, и даже отдельной морфеме. Например, в

английском языке суффикс *-less* всегда присоединяется к корню существительного и может присоединять к себе суффиксы *-ness* и *-ly*, а морфема *-en* имеет уникальную сочетаемость — она может присоединяться к одному единственному корню *ox-*, образуя с ним форму множественного числа *oxen* (быки).

Так же, как одна фонема может быть представлена несколькими разными аллофонами, так и морфема может существовать в виде нескольких **алломорфов**. Так, скажем, в разных формах одного и того же слова корень может иметь разный фонемный состав — *сид-* (*сидеть*) и *сиж-* (*сижу*), *беж-* (*бежать*) и *бег-* (*бегу*) и т.д. Одно и то же грамматическое значение может выражаться несколькими разными аффиксами, примером могут служить окончания множественного числа существительных *-а* (*дома*), *-ы* (*столы*), *-и* (*скатерти*) и др. Во всех этих случаях мы имеем дело с разными алломорфами одной морфемы, выражающей значение множественного числа существительных

Появление алломорфов может быть вызвано разными причинами. Бывают **фонетически обусловленные алломорфы**. Например, в зависимости от качества последующего согласного звука приставка *с-* в русском языке приобретает форму [с] (*смыть*), [з] (*сделать*) или [ш] (*сшить*); в зависимости от предшествующего звука морфема множественного числа существительных в английском языке произносится как [s] (после глухих согласных, как в *books*), [z] (после звонких согласных и гласных, как в *bags* и *boys*) или [ɪz] (после шипящих согласных, как в *bushes*). Бывают **исторически обусловленные алломорфы**. Это разновидности морфем, возникшие когда-то под влиянием фонетических условий, которые сегодня уже не действуют, а использование разных вариантов морфемы закрепилось исторически, по традиции, как в уже упоминавшихся глагольных корнях — сегодня нет никаких фонетических причин, почему нельзя было бы сказать **можу*⁴, однако в языке закрепилась форма *могу*.

В каждом из приведенных случаев перед нами алломорфы одной морфемы, так как они выражают одно и то же значение и находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, то есть не могут встретиться в одном фонетическом или морфемном окружении.

Таковы основные характеристики морфемы как единицы языка.

Характеризуя морфологическую систему какого-либо языка, необходимо прежде всего иметь в виду, что те или иные

⁴ Знаком * обозначаются гипотетически возможные, но реально не зафиксированные формы.

морфологические категории бывают присущи не всем словам, а определенным их классам, обычно называемым частями речи. Конечно, части речи имеют не только морфологические характеристики, но морфологические категории всегда так или иначе связаны с определенными частями речи. Поэтому необходимо обратиться к проблеме частей речи и попытаться понять, что же собой представляют эти традиционно выделяемые классы слов.

ЧАСТИ РЕЧИ И ПРИНЦИПЫ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ

Мы все знаем, что слова по характеру своего значения, по присущим им морфологическим категориям и по выполняемым ими синтаксическим функциям делятся на большие классы, называемые частями речи. Мы все в общем виде представляем себе, что такое существительное и чем оно отличается от глагола или прилагательного. Однако, как показывает история учения о частях речи, дать четкое определение этому понятию очень трудно.

Существует много определений частей речи, много разных подходов к их выделению, к объяснению сущности этой классификации. Одни лингвисты считают, что части речи — это морфологические классы слов (то есть классы слов, объединенных одинаковыми морфологическими категориями и формами); другие полагают, что это классы слов, выполняющих одинаковые синтаксические функции; третьи определяют части речи как классы слов, которые объединяются прежде всего единым категориальным значением (предмет, признак предмета, действие и т.д.). Большинство же лингвистов полагает, что для частей речи существенны все перечисленные признаки, а сами части речи — это лексико-грамматические классы. И хотя среди ученых нет единого мнения по поводу того, является ли общее значение слов, входящих в одну часть речи, лексическим или грамматическим по своей природе, это определение, пожалуй, можно считать компромиссным, поскольку речь идет о классах лексических единиц, объединенных на основе их грамматических характеристик.

Так или иначе, части речи выделяются во всех языках, и различия между ними интуитивно осознаются всеми носителями языка. Вызвано это тем, что различия между словами разных частей речи — это отражение различий в категориях нашего мышления.

Человеческое мышление способно воспринимать и отражать окружающую действительность в двух основных формах: как *субстанцию* (то есть нечто независимое, что не является признаком чего-то другого, но само может иметь признаки), и как *признак*, причем признаки могут быть разными — может быть *признак*

субстанции, а может быть признак какого-то другого признака, то есть **признак признака**. В словосочетании *очень большая собака* слово *большая* выражает признак субстанции (то есть в данном случае собаки), а слово *очень* — признак этого признака. Признаки субстанции тоже могут быть разными. Они могут быть постоянными, независимыми от времени (*пестрая лента*), а могут быть протекающими во времени (*собака, которая дает*). Собственно говоря, никакое действие никогда не существует само по себе, в отрыве от совершающей это действие субстанции, признаком которой оно и является. Постоянные, не протекающие во времени признаки можно назвать **атрибутивными**, а признаки, имеющие свойство протекать во времени, то есть признаки-действия — **предикативными**.

Соответственно этому и в языке существуют слова, которые называют что бы то ни было (предметы, явления, качества, действия, состояния) как субстанцию, отвечая в исходной форме на вопросы *кто?* и *что?* — *дом, гроза, бег, молчание* и т.д. Есть слова, которые называют атрибутивные признаки субстанции — *синий, далекий, последний, чужой* и т.д. — и отвечают на вопросы *какой?*, *какой?*, *чей?* Специальный класс слов называет предикативные признаки субстанции — *грозить, бежать, молчать, белеть* и т.д. Такие слова отвечают на вопросы *что делать?* И, наконец, есть слова, называющие признаки признаков — *быстро, вперед, раньше* и т.д. Они отвечают на вопросы *как?*, *куда?*, *когда?* и т.д.

Именно эти классы слов лежат в основе частей речи любого языка. То, что они соответствуют разным типам понятий и даже одно и то же явление называют по-разному (ср., например, слова *молчание* — *молчать* — *молчаливый* — *молча*), в языке выражается двумя способами. Во-первых, слова разных классов имеют разные морфологические категории. Слова, обозначающие субстанцию (скажем, существительные), могут иметь категорию числа (поскольку субстанция может иметь количественное измерение), категорию падежа (для выражения отношений, в которые эта субстанция может вступать с другими субстанциями) и т.д. Слова же, обозначающие протекающие во времени признаки — то есть глаголы, — должны прежде всего иметь категорию времени. Иными словами, набор морфологических категорий той или иной части речи прямо или косвенно зависит от характера значения слов этой части речи. Во-вторых, слова разных классов имеют разные синтаксические характеристики: слово ведет себя в предложении тем или иным образом в соответствии с тем, что оно обозначает. Поэтому прилагательные, обозначающие атрибутивные признаки субстанции, в большинстве случаев будут выступать в качестве определения при

существительном, а наречия, выражающие признаки признаков, будут определять другие признаковые слова — прилагательные и глаголы.

Итак, в основе системы частей речи любого языка лежат четыре основных класса, которые в традиционной грамматике получили название имен существительных, имен прилагательных, глаголов и наречий. Это, однако, не означает, что во всех языках система частей речи выглядит одинаково. Во-первых, помимо этих основных классов, в разных языках существуют разные переходные, промежуточные разряды слов. Так, например, в русском языке, помимо слов, называющих атрибутивные и предикативные признаки (то есть помимо прилагательных и глаголов), существуют причастия, обладающие и атрибутивными, и предикативными характеристиками. Они, как и прилагательные, отвечают на вопросы *какой?* и *который?*, изменяются по родам, числам и падежам, но в то же время, как и глаголы, они характеризуются категориями времени, вида и залога. Собственно говоря, к действительному причастию настоящего времени можно даже было бы задать вопрос *что делающий?*, совмещающий в себе и вопрос к прилагательному, и вопрос к глаголу. Точно так же существует разряд слов, совмещающий в себе свойства глагола и наречия. Это деепричастия, которые одновременно отвечают и на вопрос *что делая?*, и на вопрос *как?* (*Она вошла в комнату, весело **напевая***). С одной стороны, деепричастия, как и глаголы, характеризуются категорией вида (*изучая* — *изучив*), наличием возвратных и невозвратных форм (*возвращая* — *возвращаясь*), а с другой стороны, они, как и наречия, называют признак признака и поэтому синтаксически не могут быть связаны непосредственно с подлежащим или дополнением.

В других языках существуют другие переходные классы. Так, например, в английском языке отсутствует деепричастие, но есть герундий — неличная форма глагола, которая связывает его с субстантивными словами, так как одновременно обладает и именными, и глагольными характеристиками. Причастия же имеют грамматические категории и функции, сближающие их не только с глаголами и прилагательными, но и с наречиями. А в китайском языке наиболее близкими оказываются те два класса слов, которые в европейской грамматической традиции называются прилагательными и глаголами. Их объединяет то, что оба эти типа слов называют признак субстанции, и никаких грамматически переходных разрядов между ними нет.

Разница между системами частей речи разных языков заключается еще и в том, что, казалось бы, одинаковые классы слов могут иметь разный набор грамматических категорий и разный

состав одной и той же категории — например, в русском языке у атрибутивных слов категория рода представлена тремя формами (мужской, женский и средний род), во французском — двумя (мужской и женский), а в английском языке она вообще отсутствует.

В основе традиционной системы частей речи, унаследованной нами от древнегреческой и латинской грамматик, лежат несколько разных, не всегда согласующихся друг с другом классификационных принципов, из-за чего сама система оказывается достаточно непоследовательной и даже противоречивой. Так, например, числительные, традиционно выделяемые в самостоятельную часть речи, в действительности представляют собой два совершенно разнородных разряда. Порядковые числительные отвечают на вопрос *который?*, изменяются по родам, числам и падежам и выступают в качестве определения, как прилагательные, тогда как количественные числительные отвечают на вопрос *сколько?* и по своим грамматическим характеристикам не совпадают ни с какой другой частью речи. Числительные были выделены в отдельную часть речи задолго до того, как в науке сложилось представление о том, что такое система. Поэтому числительные были выделены на основе их чисто лексического значения (они все связаны с понятием *число*), без учета грамматических характеристик. Если следовать этой логике, то можно выделить часть речи, где все слова будут связаны с понятием *цвет* (скажем, *белый, белеть, белизна* и т.д.) или *вкус* (*горечь, горький, горчить* и т.д.). Сами по себе такие классы имеют право на существование, но они не имеют никакого отношения к классификации слов по лексико-грамматическим классам. С точки же зрения классификации по частям речи порядковые числительные должны быть объединены с прилагательными, а количественные имеют право на собственное место в системе, причем они будут представлять собой переходный разряд между наречиями (которые могут выражать количество как признак признака — *Он мало читает*) и существительными (которые могут выражать количество как субстанцию (*половина, часть* и т.д.)).

Еще менее логичным представляется выделение такой части речи, как местоимение. Входящие в нее слова не объединены ни общим значением (что общего у *я* и *такой?*), ни одинаковыми морфологическими категориями (к примеру, в русском языке одни из них изменяются по родам, числам и падежам, другие неизменяемы), ни одинаковыми синтаксическими функциями. Основанием для их выделения послужило представление о том, что сами по себе местоимения ничего не означают, а лишь указывают на предметы и признаки и служат для замещения других слов — имен. Это представление само по себе достаточно спорно: если местоимение *все*

ничего не называет, а лишь указывает на что-то, то как назвать то, на что оно указывает? Если слово *я* лишь замещает какое-то имя в предложении *Я так не думаю*, то как можно это имя вставить в предложение, ничего в нем при этом грамматически не изменив? Однако вопрос о характере значения местоимений — это отдельная лингвистическая проблема. Здесь же важно отметить лишь то, что принцип выделения местоимений оказывается совершенно иным, нежели принцип выделения других частей речи.

Помимо слов, отвечающих на тот или иной вопрос и соотносящихся с определенными понятийными категориями (а такие слова называются *знаменательными*), в языке есть единицы, которые сами по себе ни на какой вопрос не отвечают и выражают те или иные отношения между субстанциями и признаками только вместе со знаменательными словами — *к, в, над, под, но, и, ли* и т.д. Их обычно называют **служебными** словами. Одни лингвисты считают, что можно говорить о *служебных частях речи*, таких как предлоги, союзы, частицы, артикли. Другие же полагают, что служебные слова частями речи не являются и представляют собой *частицы речи*. В любом случае все эти единицы отличаются от знаменательных слов не только характером своего значения, но и отсутствием собственных морфологических категорий и неспособностью быть самостоятельным членом предложения.

Такова в общих чертах классификация слов по частям речи — наиболее общим классам, в которых проявляются все основные черты грамматического строя языка, в том числе и потенциальные возможности синтаксического функционирования слов.

СИНТАКСИС

Синтаксис — это раздел грамматики, изучающий строение предложений, функционирование и взаимодействие слов в составе предложения.

Основной единицей синтаксического уровня является предложение. Некоторые лингвисты начинают рассмотрение синтаксиса со словосочетания как более мелкой единицы, полагая, что предложения строятся из словосочетаний. Такой подход вызывает два серьезных возражения. Во-первых, словосочетание по своей функции в языке ничем не отличается от слова — оно, как и слово, выполняет номинативную функцию. Между словом *красавица* и словосочетанием *красивая женщина* нет качественного различия: и то, и другое *называет* эту женщину, просто в первом случае

значения *представительница женского пола* и *красивая* совмещены в одной лексической единице, а во втором названы порознь. В обоих случаях мы имеем дело с взаимодействием лексических и грамматических значений, но никакого качественно нового значения в словосочетании не возникает, поэтому оно не может быть основной единицей более высокого, чем слово, языкового уровня.

Второе возражение относится к представлению о том, что предложения строятся из словосочетаний. Существует словарный состав языка, но не существует "словосочетательного состава", то есть перечня всех возможных в данном языке словосочетаний, из которых можно было бы строить предложения. Более того, одно и то же слово в предложении может входить сразу в несколько словосочетаний, как, например, слово *книга* в предложении *Я прочитала очень интересную книгу молодого писателя*. Можно ли себе представить, чтобы это предложение строилось из словосочетаний *читать книгу, интересная книга, очень интересная, книга писателя, молодой писатель*? И как бы в этом случае выглядело предложение? Словосочетание — это вторичная единица синтаксического уровня. Оно не предшествует предложению, а формируется внутри него на основе тех связей, в которые вступают между собой слова в составе предложения. Поэтому рассмотрение синтаксического уровня языковой системы мы начнем с его основной единицы — предложения.

Итак, **предложение** является минимальной коммуникативной единицей языка. Как единица языка оно представляет собой модель, схему, которая, заполняясь определенными словами, превращается в единицу речи, то есть в **высказывание**.

Если морфема что-то означает, но еще ничего не называет, если слово что-то называет, но еще никак это название не соотносит с процессом общения, то предложение, включая в себя единицы более низких уровней, придает им коммуникативный характер, то есть организует их как сообщение, вопрос или волеизъявление. Слова способны называть понятия, но они не способны выражать мысли относительно этих понятий. Для этого в языке существует предложение. Оно, в отличие от слова, соотносится уже не с понятием, а с **суждением** — самой простой формой мысли, которую Аристотель когда-то определил как **утверждение чего-то о чем-то**. При этом то, о чем мы что-то утверждаем, называется **субъектом** суждения, а то, что мы утверждаем — **предикатом** суждения. Предложение способно выражать суждение. Это не значит, что каждое предложение обязательно его выражает. Вопросительные предложения суждений не выражают, они служат для запроса информации, необходимой для формирования суждения. Вопрос

относительно того, содержится ли суждение в побудительном предложении, также представляется достаточно спорным. Но тем не менее связь между предложением и суждением бесспорна уже хотя бы потому, что предложение — это единственная языковая форма выражения суждения. Если предложение может и не выражать суждения, то суждение не может быть выражено ничем, кроме предложения.

Современное представление о предложении сформировалось на основе трех основных подходов к его изучению — **логического**, определявшего предложение как языковую форму выражения суждения, **психологического**, рассматривавшего предложение как выражение возникшего в психике говорящего соединения нескольких представлений, и **формально-грамматического**, кладущего в основу определения предложения его чисто языковую форму, то есть характерные для каждого языка способы построения предложения.

Так или иначе, в основе любого из этих подходов лежит то свойство предложения, которое отличает его от всех прочих единиц языка: *предложение — это прежде всего связь, соединение неких самостоятельных сущностей*. Когда в нашем мышлении происходит чисто логическая операция утверждения чего-то о чем-то (то есть формируется суждение), в нашей психике происходит соединение тех двух представлений, которыми оперирует наше сознание, а в речи мы выражаем это соединением слов, соответствующих этим понятиям и представлениям. Причем то, каким образом мы соединим слова, определяется содержанием логической и/или психологической связи. Установление такой связи — это результат субъективного отражения нашим сознанием объективной действительности. Поэтому любое предложение несет в себе характеристики как самой объективной действительности, так и субъективной формы ее отражения, что находит свое выражение в двух важнейших категориях — категории предикативности и категории модальности, определяющих сущность предложения как единицы языка.

Предикативность — это выражение соотнесенности содержания предложения с действительностью, а действительность — это прежде всего окружающий нас материальный мир, существующий в пространстве и во времени. Поэтому и категория предикативности опирается прежде всего на две частные грамматические категории — категорию времени и категорию лица, которая служит средством представления речевого пространства.

Ни в одном языке нельзя построить предложения (или его речевой формы — высказывания), в котором не было бы

эксплицитного (то есть материально выраженного) или имплицитного (то есть подразумеваемого) указания на время. Если в предложении есть личная форма глагола, то она всегда соотносится с каким-то временем. Если же мы имеем дело с безглагольным предложением (скажем, с такими назывными предложениями, как *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*), то отсутствие указания на время по умолчанию воспринимается как отнесение сказанного к моменту речи, то есть как соответствие грамматической форме настоящего времени.

Точно так же нельзя построить предложения, в котором называемые отдельными словами предметы не были бы охарактеризованы с точки зрения их положения в речевом пространстве, то есть как субъект речи (1-е лицо, то есть автор высказывания), адресат (2-е лицо, тот, кому высказывание адресовано) или объект речи (3-е лицо, то есть тот предмет или то явление, о котором мы говорим). В этом смысле можно сказать, что все существительные относятся к 3-му лицу, так как они всегда называют то, о чем мы говорим.

Однако, как уже было сказано, предложение несет на себе отпечаток не только отражаемой объективной действительности, но и субъективного способа этого отражения, что находит выражение в обязательной для предложения категории модальности.

Модальность — это выражение того или иного *вида* отношения содержания высказывания к действительности. Модальность получает свое выражение прежде всего в категории наклонения. Именно с помощью разных форм наклонения то, о чем мы говорим, характеризуется как реальное или нереальное (возможное, желательное, зависящее от определенных условий и т.д.). Такую модальность иногда называют объективной — в противовес субъективной модальности, выражающей отношение говорящего к тому, о чем он говорит. Типичным примером выражения субъективной оценки являются модальные слова (*наверное, возможно, должен* и т.д.).

Существует, однако, точка зрения, в соответствии с которой модальность не делится на объективную и субъективную, поскольку оценка сообщаемого как реального или нереального также дается самим говорящим и зависит от его субъективного восприятия. Объективная, казалось бы, реальная модальность высказывания *Сегодня среда* вовсе не является объективной, если говорящий перепутал дни недели и произносит это во вторник. Реальность этого утверждения является таковой только в его представлении. В соответствии с этой точкой зрения, модальность можно определить просто как выражение отношения говорящего к содержанию

высказывания. Его отношение может включать и оценку степени реальности, и оценку степени желательности, и все другие виды его отношения к сообщаемому.

Так или иначе, предикативность и модальность — это те две общие категории, которые отличают предложение от прочих единиц языка, составляют его сущность и делают предложение пригодным для общения, то есть делают его способным выполнять коммуникативную функцию.

В плане выражения предложения могут иметь самые различные формы — от сложных многословных конструкций с эксплицитно выраженными формами морфологических и синтаксических категорий до однословных, в которых содержательные и синтаксические связи выражены имплицитно. Так, например, в предложении *Пожар!* содержится утверждение о том, что в момент речи происходит пожар, однако связь между понятиями *пожар* и *сейчас* лишь подразумевается. В этом предложении нет сказуемого, поэтому ни предикативность, ни модальность не могут быть выражены с помощью так называемой предикативной синтагмы (то есть через связь подлежащего и сказуемого). В устной речи их формальным выразителем становится интонация, которая на письме передается с помощью знаков препинания. Именно благодаря интонации мы отличаем предложение (пусть даже однословное) от отдельных слов и словосочетаний, не объединенных в предложение. В каждом языке существуют определенные интонационные модели, соответствующие разным типам предложения — повествовательным (в том числе повествовательно-восклицательным), вопросительным (в том числе вопросительно-восклицательным), побудительным (в том числе побудительно-восклицательным).

Итак, предложение — это минимальная коммуникативная единица языка, характеризующаяся категориями предикативности и модальности и имеющая определенное интонационное оформление.

Поскольку предложение — единица чрезвычайно сложная и многоплановая, в современной лингвистике сформировалось три разных синтаксических направления, изучающих предложение в трех разных аспектах.

Первый из этих аспектов — **коммуникативно-синтаксический** — состоит в изучении типов предложений по их коммуникативной функции, их коммуникативному назначению, а также в изучении распределения коммуникативной нагрузки между частями предложения.

По своему коммуникативному назначению все предложения делятся на повествовательные, вопросительные и побудительные.

Повествовательные предложения используются для сообщения информации, вопросительные — для ее запроса, а побудительные — для побуждения адресата к какому-то действию. Этими тремя коммуникативными задачами исчерпываются все возможные варианты общения людей, однако в реальном общении возможны их различные комбинации, их взаимодействие. Одна из целей коммуникативного синтаксиса — выявление всех языковых возможностей реализации этих коммуникативных задач.

Изучение предложений показывает, что не все их части оказываются одинаково важными, одинаково значимыми с коммуникативной точки зрения. Какая-то часть предложения может содержать информацию, которая нам уже известна (или может предполагаться, что она нам известна), а какая-то может содержать новую информацию, ради сообщения которой это предложение и произносится. Естественно, что наиболее коммуникативно значима именно та часть, которая содержит новую информацию. Эта часть предложения получила название *ремы*, в отличие от *темы*, то есть той части, которая содержит уже известную информацию. Итак, то, о чем мы хотим что-то сообщить — это **тема**, а то, что именно мы об этой теме сообщаем, — это **рема**.⁵ Так, например, два структурно одинаковых предложения — *Я сегодня еду в Москву* и *Я еду в Москву сегодня* — фактически имеют своей целью сообщить нам разную информацию. Первое из них отвечает на вопрос *Куда?*, а второе — *Когда?* В первом предложении ремой будет *в Москву*, а во втором — *сегодня*.

Тема и рема могут различаться не только с помощью изменения порядка слов в предложении. В устной речи это можно сделать с помощью интонации, выделяя голосом наиболее важную с коммуникативной точки зрения часть (в тексте она выделена жирным шрифтом): *Я сегодня еду **в Москву*** и *Я **сегодня** еду в Москву*. В артиклевых языках тема может оформляться определенным артиклем (поскольку это что-то уже известное или присутствующее в ситуации общения), а рема — неопределенным (поскольку это что-то новое, еще неизвестное). Существуют и другие способы выделения наиболее коммуникативно значимой информации.

Раздел коммуникативного синтаксиса, изучающий распределение коммуникативной нагрузки внутри предложения и

⁵ Тему и рему не следует смешивать с подлежащим и сказуемым. То, о чем мы хотим что-то сообщить (то есть тема), может быть выражено любым членом предложения. Например, в предложении *Эту песню я слышу первый раз* говорится о песне (*песню* – тема, хотя это и дополнение), а сообщается о ней, что слышу ее первый раз (и рема – *первый раз*, хотя это и обстоятельство).

способы выражения этого распределения, называется учением об **актуальном членении предложения**.

Однако предложения можно изучать не только с точки зрения их коммуникативного назначения и актуального членения. Можно изучать имеющиеся в языках мира способы построения предложений (предложения односоставные и двусоставные, полные и неполные, распространенные и нераспространенные, простые и сложные и т.д.), характер и формы связей между их частями (сочинительная, подчинительная, союзная, бессоюзная и т.д.). Такой аспект изучения предложений получил название **конструктивно-синтаксического**.

Третий аспект изучения предложения называется **функционально-синтаксическим** и состоит в изучении того, какие синтаксические функции в предложении могут выполнять слова и словосочетания. Этот раздел синтаксиса называют также учением о членах предложения.

Существует несколько способов представления синтаксической структуры предложения, основанной на иерархии членов предложения. Наиболее распространенный из них состоит в признании равноправности двух главных членов предложения — подлежащего и сказуемого. В этой модели подлежащее может иметь зависящий от него второстепенный член предложения — определение, а сказуемое — два типа второстепенных членов — дополнение и обстоятельство. Однако идея равноправности подлежащего и сказуемого разделяется далеко не всеми учеными. В частности, французский лингвист Л. Теньер предложил такой способ представления синтаксических связей в предложении, при котором на вершине иерархии находится сказуемое, и только связь со сказуемым обеспечивает тому или иному слову или словосочетанию статус члена предложения. По мнению Л. Теньера, синтаксически от сказуемого в предложении непосредственно зависят подлежащее, дополнение и обстоятельство, каждое из которых может иметь при себе зависимый элемент — определение. Среди отечественных сторонников этой точки зрения можно назвать И.П. Распопова.

Перечисленные аспекты в совокупности позволяют всесторонне изучать предложение, то есть ту единицу, с помощью которой реализуется важнейшая функция языка, а именно — его коммуникативная функция.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

При всем многообразии грамматических значений количество способов, с помощью которых они выражаются в языках мира, достаточно ограничено. В зависимости от того, выражается ли грамматическое значение внутри словоформы, то есть вместе с лексическим значением, или же оно выражается отдельно от лексического значения, все способы делятся на две большие группы — на синтетические и аналитические.

Само название **синтетические способы выражения грамматического значения** указывает на то, что происходит синтез (то есть соединение) грамматического и лексического значений, то есть грамматическое значение выражается *внутри самой словоформы*. Существуют следующие синтетические способы:

- *аффиксация;*
- *внутренняя флексия;*
- *ударение;*
- *супплетивизм*
- *редупликация;*
- *сложение.*

Аффиксация — это способ выражения грамматических значений с помощью аффиксов. В зависимости от вида аффиксов различают и разные виды аффиксации. Так, выражение грамматических значений с помощью префиксов (как, например, в *сделать*, где префикс *с-* выражает значение совершенного вида) называют префиксацией, с помощью постфиксов (как, например, в *проведать* и *проведывать*, где суффиксы *-а-* и *-ыва-* выражают значения совершенного и несовершенного вида соответственно, или в *столаы*, где окончание *-ы* выражает значение множественного числа) — постфиксацией и т.д. Кроме того, существует **конфиксация** (иногда также называемая **циркумфиксацией**). Это способ аффиксации, состоящий в одновременном использовании нескольких аффиксов. Так, например, второе причастие в немецком языке образуется путем прибавления к основе инфинитива приставки *ge-* и суффикса *-(e)t* (*gesagt, gelandet*) или *-en* (*genommen, gesungen*). В русском языке эта разновидность аффиксации используется главным образом для словообразования (суффиксально-префиксальный способ словообразования — *подоконник, заречье и т.д.*).

В зависимости от того, как аффиксы взаимодействуют с корнем слова и друг с другом, аффиксация подразделяется на агглютинацию и фузию.

Агглютинация — это присоединение однозначных стандартных аффиксов к неизменяемым корням. При этом корни и

аффиксы между собой не взаимодействуют, они как бы механически склеиваются (именно от латинского слова *agglutinatio* — приклеивание, склеивание — и происходит название этого вида аффиксации). Аффиксы следуют друг за другом в определенной иерархической последовательности. Так, например, в татарском, казахском, киргизском и ряде других языков к имени присоединяется в первую очередь аффикс со значением множественного числа, затем — аффикс со значением притяжательности, затем — падежный аффикс и т.д. Примером может служить образование формы *ата-лар-ымыз-да* — "у наших отцов" — в киргизском языке, где к корню *ата-* присоединен суффикс множественного числа *-лар*, затем суффикс притяжательности *-ымыз*, соответствующий по значению русскому притяжательному местоимению первого лица множественного числа (*наши*), и затем — суффикс местного падежа *-да*. При агглютинации на стыках морфем, как правило, не происходит никаких фонетических процессов, так что границы между аффиксами остаются отчетливыми и прозрачными.

Совершенно иначе взаимодействуют корни и аффиксы в случае фузии. **Фузия** (от латинского *fusio* — сплавление) — это вид аффиксации, при котором корни и аффиксы влияют друг на друга, видоизменяют друг друга, проникают друг в друга, образуя единое целое. Так, например, формы типа *казацкий* образовались в результате того, что последний звук корня *каза~~к~~*- и первый звук суффикса *-~~к~~* слились в звук *ц*, так что возникает вопрос о том, где в сегодняшней форме проходит граница между этими двумя морфемами.

Итак, аффиксация как способ выражения грамматических значений может иметь различные проявления в разных языках, но суть ее при этом остается одной и той же: грамматическое значение выражается прибавлением к корню или основе слова специальных аффиксальных морфем.

Следующим синтетическим способом выражения грамматических значений является **внутренняя флексия**. Этот способ состоит в том, что грамматическое значение выражается с помощью изменения фонемного состава корня. Так, например, в английском языке глагол со значением "бежать" имеет в настоящем времени корень *run-*, а в прошедшем — *ran*; французский глагол со значением "делать" в изъявительном наклонении имеет в настоящем времени корень *fai-*, а в прошедшем — *fi-*; чередуются корневые гласные при образовании форм сильных глаголов в немецком языке: *gehen* (идти) — *ging* — *gegangen*; имеется грамматическое чередование в русском языке (*убегать* — *убежать*). С помощью внутренней флексии могут выражаться и другие грамматические

значения. Так, английские существительные *a man* (человек), *a tooth* (зуб), *a goose* (гусь) образуют формы множественного числа путем изменения корневой гласной — *men, teeth, geese*.

Примером использования ударения для выражения грамматического значения могут служить глагольные формы *нарéзать* и *нарезáть* в русском языке, а также различающиеся ударением одинаковые по своему фонемному составу существительные и глаголы в английском языке (*présent* — *présént*, *récord* — *recórd* и др.): ударение на первом слоге в этих словах свидетельствует о том, что это существительное, тогда как у глаголов ударным будет второй слог.

Супплетивизм — это образование разных грамматических форм одного и того же слова от разных основ: *человек* — *люди*, *идет* — *шел*, *есть* — *был*, *я* — *меня* и т.д. Аналогичные примеры можно привести и из других языков: *I* — *me*, *go* — *went*, *is* — *was* в английском языке, *je* — *moi*, *vais* — *allais* во французском, *ich* — *meiner*, *ist* — *war* в немецком, *ego* — *mei*, *sum* — *fui* в латыни и т.д.

Редупликация (удвоение) — это повторение слога или целого корня, используемое в разных языках для выражения грамматических значений. С помощью редупликации могут выражаться значения множественного числа (например, множественное число киргизского слова *үймек* (стог) — *үймек-үймек*; в илоканском языке *úlo* — голова, а *ulúlo* — головы, *dálan* — дорога, а *daldálon* дороги), степени выраженности признака, полноты, завершенности действия (например, в языке раротонга *tupu* — расти, а *tutupu* — буйно расти) и т.д.

К синтетическим способам выражения грамматических значений также относится **сложение**. Следует заметить, что полное удвоение основы, как в приведенном выше примере из киргизского языка, можно одновременно рассматривать и как сложение. В узбекском языке множественное число может выражаться сложением двух существительных, близких по значению: *хотин-киз* (*женщины*). Сложение широко применяется в немецком языке, где существуют сложные слова, в которых одна из основ играет роль, аналогичную роли аффикса — например, *hoch* (*высокий, высоко*) в качестве первого элемента таких слов, как *hochehrlich* (*глубокочестный*), *Hochachtung* (*глубокое уважение*), *hochelegant* (*в высшей степени элегантный*), употребляясь для усиления понятия, выраженного второй частью сложного слова, выполняет в сложном слове ту же функцию, что в русском языке приставка *пре-* (*преэlegantный*).

Таковы синтетические способы выражения грамматических значений.

Аналитическими называются такие способы, которые используются для выражения грамматического значения *вне словоформы* (то есть лексическое и грамматическое значения выражаются раздельно). Существует три аналитических способа:

- *порядок слов;*
- *интонация;*
- *способ служебных слов.*

Порядок слов используется для выражения коммуникативно-синтаксических значений, например, для различения разных коммуникативных типов предложений: ср. англ. *He is a student. — Is he a student?* или франц. *C'est Jeanne. — Est-ce Jeanne?* При помощи изменения порядка слов в предложении может выделяться рема: *Он написал эту книгу — Эту книгу написал он.* В языках с бедной морфологией, где практически отсутствуют реляционные аффиксы, порядок слов становится важнейшим средством выражения функционально-синтаксических значений. Так, именно с помощью порядка слов различаются синтаксические функции подлежащего и дополнения в английском предложении *John saw Nick* (Джон видел Ника): стоящее перед глаголом-сказуемым *John* — подлежащее, а стоящее после сказуемого *Nick* — дополнение. В таких языках, как русский, подобные отношения обычно выражаются синтетически, с помощью падежных окончаний. Однако в тех случаях, когда падежные формы именительного и винительного падежей совпадают, порядок слов также становится основным средством выражения синтаксических связей, например: *В результате аварии трактор повредил бульдозер.* При перестановке слов — *бульдозер повредил трактор* — подлежащим становится уже не трактор, а бульдозер.

Интонация также используется для выражения синтаксических значений. Как и порядок слов, она служит показателем коммуникативного типа предложения: русское предложение, произнесенное с одной интонацией, может означать утверждение, а с другой — вопрос. Интонационно можно выделить наиболее важную часть предложения, то есть рему. С помощью интонации можно различать простые и сложные предложения. В зависимости от того, сделаем ли мы паузу после слова *чувствую*, мы получим либо простое предложение *Чувствую что-то интересное*, либо сложное *Чувствую: что-то интересное* (то есть *Я чувствую, что здесь есть что-то интересное*). Интонация может служить для разграничения разных типов синтаксической связи — сочинительной и подчинительной. Так, произнесенное с интонацией перечисления предложение *Пришла весна, на деревьях набухли почки* будет воспринято как бессоюзное с сочинительными отношениями между

предикативными частями, тогда как повышение тона на слове *весна* превратит эти отношения в подчинительные (причинно-следственные): *Пришла весна — на деревьях набухли почки.*

Последним аналитическим способом выражения грамматических значений является **способ служебных слов**. К числу таких слов относятся артикли, предлоги, союзы, вспомогательные глаголы, частицы. Они по-разному представлены в разных языках, но так или иначе везде используются для выражения грамматических значений, берут на себя функцию показателей определенных грамматических форм. Так, артикли могут выражать значение определенности/неопределенности (ср. англ. *the* — *a*, нем. *das* — *ein*, франц. *le* — *un*), числа (как в английском, немецком и французском), рода (как в немецком и французском), падежа (как в немецком). Предлоги обычно выражают значения, аналогичные значениям падежных окончаний: ср. англ. *to this writer* (*этому писателю*) и *by this writer* (*этим писателем*). Союзы используются для выражения различных типов синтаксической связи — сочинительной, подчинительной, а также содержательных разновидностей последней (причинной, временной и т.д.). Вспомогательные глаголы служат для образования аналитических форм вида и времени (*буду брать*, англ. *will take*, нем. *werde nehmen*, франц. *vais prendre*), для образования перфектных форм, форм залога и т.д. Частицы выполняют в разных языках самые разные функции. Даже в пределах одного языка они могут значительно различаться по своему характеру и по типам выражаемого грамматического значения. В качестве примера можно привести частицу *ли*, с помощью которой выражается коммуникативно-синтаксическое значение прямого и косвенного вопроса, частицу *бы*, служащую для образования формы сослагательного наклонения, и частицу *не*, выражающую отрицание.

Используемые в том или ином языке способы выражения грамматических значений вместе с присущей этому языку системой грамматических категорий и морфемным инвентарем определяют **грамматический строй** этого языка. В зависимости от того, преобладают ли в языке аналитические или синтетические способы, все языки делятся на **языки аналитического и синтетического строя**. Разумеется, это деление достаточно условно, так как в большинстве языков представлены обе группы способов. Но их удельный вес бывает очень неодинаковым. В языках с богатым морфемным инвентарем преобладают синтетические способы. Чем беднее морфология, тем важнее оказываются порядок слов, интонация и служебные слова — то есть аналитические способы. Грамматический строй языков и в первую очередь используемые в них способы выражения грамматических значений послужили

основой морфологической классификации языков, о чем подробнее будет рассказано в главе "Классификация языков мира".

КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

Любая наука при изучении конкретного материала прежде всего стремится представить его как некое упорядоченное целое, что достигается с помощью классификаций. Классифицировать исследуемый материал - значит сделать его обозримым, установить системные связи, на основании которых элементы объединяются в группы, выявить признаки, присущие элементам одной группы в отличие от другой.

В языкознании существуют два основных вида классификации языков — *генеалогическая* и *типологическая*. Первая из них основывается на понятии *языкового родства*, а вторая — на семантическом или структурном сходстве.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

Генеалогическая (греч. *genealogia* ‘родословная’) классификация представляет собой группировку языков в зависимости от их родственных связей между собой. Таким образом, центральным понятием для генеалогической классификации является понятие *языкового родства*. Два языка считаются родственными, если оба они происходят от одного общего для них *языка-предка*, или *праязыка*.

Доказательствами родства языков являются их лексическое и грамматическое сходство, а также наличие регулярных *фонетических соответствий*.

В отношении лексического сходства следует отметить, что для установления родства языков должны использоваться не все слова, а лишь те, что выражают жизненно важные понятия, сопутствующие человеку с момента его формирования, такие, как обозначения частей тела (*рука, нога, нос* и др.), термины родства (*мать, дочь, сын* и др.), названия явлений природы (*вода, день, дым, небо* и др.), обозначения некоторых действий (*брат, есть, дать* и др.) и т.д. Эта часть лексики является базовой, она наиболее устойчива и заимствуется относительно редко.

Еще большую доказательную силу при установлении языкового родства имеет общность грамматических элементов, особенно аффиксов. Если сопоставить, например, спряжение глаголов в русском и латинском языках, то легко заметить значительное материальное сходство окончаний, которое не может быть случайным. Не может оно быть и результатом заимствования, ибо в этом случае придется признать, что один язык заимствовал у другого всю систему словоизменения. Ср.:

русск.:	беру	берем	латинск.:	fero	ferimus
	берешь	берете		feris	feritis
	берет	берут		ferit	ferunt

Наконец, если для указанной части лексики и грамматических элементов могут быть установлены регулярные фонетические соответствия (о них уже шла речь в разделе «этимология»), то родство языков может считаться доказанным.

Основным методом изучения отношений языкового родства является *сравнительно-исторический*. Одно из центральных понятий сравнительно-исторического метода - понятие *праязыка*. Под праязыком обычно понимают язык, послуживший основой для формирования родственных языков. Совершенно естественной в связи с этим является постановка вопроса о времени разделения родственных языков, выделения их из праязыка. Ответ на него пытаются получить с помощью метода лексико-статистической глоттохронологии, или, сокращенно, *глоттохронологии* (греч. *glotta* 'язык', *chronos* 'время', *logos* 'слово, учение').

Автор метода глоттохронологии американец Моррис Сводеш (Swadesh) в середине XX в. (в 1948-52 гг.) высказал идею о том, что, подобно тому как геология определяет на основе уравнений радиоактивного распада возраст тех или иных пород, возможно определить время, которое прошло с момента распада праязыка. В результате изучения значительного фактического материала было выдвинуто предположение о том, что изменение базовой части лексики протекает очень медленно, ее сохранность за тысячу лет составляет 80-85%. Сопоставив списки таких слов в родственных языках (обычно используют списки в 100-200 слов), можно установить процент сохранившихся слов и определить время расхождения языков с помощью следующей формулы: $t = \log C : 2 \log r$, где C — доля совпадающих слов в списке, r — коэффициент сохранности (80-85%).

Так, в ходе использования метода глоттохронологии при анализе уральских языков было установлено, что ненецкий язык сохраняет 14-15% слов из списка, следовательно, он отделился от уральского праязыка примерно шесть тысяч лет назад. В венгерском

и финском языках процент сохранности составил 27, на основе чего было сделано предположение, что венгерский и финский языки выделились из уральского праязыка четыре с половиной тысячи лет назад.

Согласно генеалогической классификации все родственные языки составляют *языковую семью*. При этом внутри семьи одни языки могут иметь между собой больше общих черт, чем другие, и это дает основания объединять их в группы. Группировки языков внутри семьи называются *ветвями*. Например, особыми ветвями внутри индоевропейской семьи языков являются славянская, романская, германская, кельтская и др.

Внутри ветви степень близости между языками тоже может быть неодинаковой. В связи с этим в составе ветви могут выделяться языковые *подгруппы*. Например, славянские языки делятся на южнославянские, восточнославянские и западнославянские, а германские — на северногерманские, западногерманские и восточногерманские.

Праязыки могут различаться в зависимости от того, какой уровень языкового родства устанавливается. Так, для русского, украинского и белорусского языков следует говорить о восточнославянском праязыке; для этих же языков вместе с другими славянскими языками — об общеславянском праязыке; для славянских языков вместе с романскими, германскими и др. — об индоевропейском праязыке.

Могут оказаться и языки, не входящие ни в одну из семей. Такими являются, например, баскский (в Испании), корейский, японский и некоторые другие. Вероятно, эти языки выделились из праязыков в столь отдаленные времена, что установить их родство с другими языками в настоящее время затруднительно. Тем не менее поиск языков-родственников ведется. Так, выдвинута гипотеза о родстве баскского языка с кавказскими языками, особенно с картвельскими (грузинским, мегрельским, чанским, сванским и др.); имеются некоторые основания говорить о родстве японского и корейского языков с алтайскими языками (к алтайским относятся тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки).

Первоначально генеалогическая классификация языков имела вид родословного дерева, стволом которого был праязык, а ответвлениями — отдельные ветви и группы языков. Например, крупный немецкий лингвист второй половины XIX века Август Шлейхер представлял генеалогическую классификацию индоевропейских языков следующим образом: от индоевропейского праязыка (ствола) первоначально отделились две ветви — 1) германо-балто-славянская и 2) арио-греко-итало-кельтская. Первая ветвь

поделилась на две — германскую и балто-славянскую, а последняя в свою очередь — на балтийскую и славянскую. Вторая ветвь разделилась сначала на греко-итало-кельтскую и арийскую, затем греко-итало-кельтская разделилась на греческую и итало-кельтскую, а последняя — на италийскую и кельтскую; арийская же разделилась на иранскую и индийскую.

Легко заметить, что генеалогическая классификация в том классическом виде, как она дана А. Шлейхером, представляет собой схему, которая отражает дифференциацию языков, она показывает, как языки выделялись из праязыков в ближней и дальней перспективе. Между тем развитие языков не было столь прямолинейным. Наряду с расхождением языков (дивергенцией), формированием их самостоятельности шли процессы схождения (конвергенции), взаимовлияния, в ходе которых различия между родственными языками становились меньшими. В результате взаимодействия языков могут нарушаться фонетические соответствия между единицами праязыка и языка нового времени. Например, праязыковому сочетанию **or* в корне между согласными в русском языке должно соответствовать *oro*: *борода, ворона, город* и др. Между тем нередко древнему **or* в современном языке соответствует *ra*: *нрав, страна, храбрый* и др. Дело в том, что русский язык заимствовал значительное число слов из старославянского языка, в котором праязыковое **or* изменялось иначе.

Согласно «теории волн», с которой в 70-х годах прошлого века выступил немецкий ученый Иоганн Шмидт, языки, расположенные в непосредственной географической близости друг к другу, имеют между собой больше сходства, чем языки отдаленные, потому что каждый язык взаимодействует с соседними языками, как родственными, так и не родственными. И если в каком-либо языке возникает новое явление, оно, как волна, распространяется на соседние языки, захватывая их и постепенно затухая по мере удаления от центра. В результате длительных языковых контактов могут сформироваться так называемые *языковые союзы*. В качестве примера можно привести балканский языковой союз, в который входят албанский, болгарский, греческий, македонский, румынский языки. В этих языках развились такие общие черты, как совпадение форм родительного и дательного падежей у имен, постпозитивный артикль, утрата инфинитива. Данные особенности обусловлены не родством языков, а их длительным взаимодействием в пределах единого географического пространства.

Сходство языков, объясняемое не общностью происхождения, а их взаимовлиянием, называют *языковым сродством*, в отличие от языкового родства.

Таким образом, при обращении к генеалогической классификации необходимо помнить, что в ней отражена лишь общая идея формирования языков той или иной семьи. Целостное представление об историческом процессе и об отношениях, существующих между языками, входящими в языковую семью, можно получить лишь с учетом всех процессов взаимодействия с другими языками.

В настоящее время ведется работа по дальнейшему изучению проблем языкового родства и, следовательно, проблем генеалогической классификации. Появился ряд концепций, в которых идет речь о возможности выявления языкового родства более отдаленного во времени, чем было обнаружено в исследованиях XIX-XX вв. Для этого необходимо изучить отношения между праязыками различных семей. Предполагается, что многие языковые семьи могут восходить к одной общей для них *макросемье* и соответствующему праязыку. Наиболее известной из имеющихся концепций является *ностратическая* (лат. *noster* 'наш') теория. Как считают ее авторы, в прошлом, около 10 тысяч лет до н.э., существовал *ностратический праязык*, к которому восходят в конечном счете языки целого ряда семей: алтайские, афразийские, дравидийские, индоевропейские, картвельские, уральские. Список пока не закрыт, изучаются возможности включения других языковых семей в число nostrатических.

Некоторые лингвисты полагают, что есть основания для постановки вопроса о родстве всех языков мира и, следовательно, о их происхождении из одного источника. Вместе с тем *теория моногенеза*, то есть единого происхождения всех естественных языков человечества, тесно связана с состоянием изученности проблемы возникновения человека. Если будет доказано, что человек появился на земном шаре где-то в одном месте, а затем, по мере роста численности, люди расселялись по различным материкам, то гипотеза о моногенезе языков получит вполне реальную опору.

ЯЗЫКИ, ВХОДЯЩИЕ В СОСТАВ НОСТРАТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ⁶

АФРАЗИЙСКИЕ (СЕМИТО-ХАМИТСКИЕ) ЯЗЫКИ

1. Семитская ветвь

Арабский, амхарский (лит. язык Эфиопии), *ассирийский* (*айсорский*), *иврит, мальтийский, тигре*; мертвые: *аккадский, арамейский, древнееврейский, финикийский*.

2. Египетская ветвь

Мертвые: *древнеегипетский, коптский*.

3. Берберо-ливийская ветвь

Ташельхит (шилх), рифский, сенхайя, кабилский, шауя, мзабский, нефуса, гадамес, сиуа, гат, тамашек, танеслемт, зенага; мертвые: *нумидийские, гуанчские*.

4. Чадская ветвь

Западные чадские (*хауса, ангас, сура* и др.), центральные чадские (*тера, га'анда, бура* и др.), восточные чадские (*кера, кванг, сомрай, сокоро* и др.).

5. Кушитская ветвь

Северная группа (*бедауйе*), восточная группа (*сахо, афар, сомали, оромо* и др.), сидамская группа (*сидамо, хадия, камбатта* и др.), южная группа (*иракв, бурунге* и др.), агавская группа (*билин, хамир, хамтанга* и др.), западная группа (*омето, ямма, каффа* и др.).

АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ⁷

1. Тюркские языки

Булгарская группа (*чувацкий*; мертвые: *булгарский* и *хазарский*), огузская группа (*турский, азербайджанский, туркменский, трукменский, гагаузский*; мертвые: *огузский, печенежский, сельджукский*); кыпчакская группа (*кумыкский, караимский, карачаево-балкарский, татарский, башкирский, ногойский, казахский, каракалпакский*; мертвые: *кыпчакский, половецкий*);

⁶ Список не является исчерпывающим. Перечисляются наиболее известные языки.

⁷ Термин «алтайские языки» используется для обозначения макросемьи языков, в которую входят семьи тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская, а также корейский язык и японский язык.

карлукская группа (*узбекский, новоуйгурский*); уйгурская группа (*тувинский, тофаларский, якутский, хакасский, шорский, чулымско-татарский, камасинский, сары-уйгурский*); киргизско-кыпчакская группа (*киргизский, ойротский*).

2. Монгольские языки

Монгольский, бурятский, калмыцкий.

3. Тунгусо-маньчжурские языки

Эвенкийский, эвенский, удэгейский, нанайский, маньчжурский.

ДРАВИДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Южная группа

Тамильский, каннада, малаялам, телугу, тулу и др. языки Южной Индии.

2. Центральная группа

Гонди, куи, парджи, колами и др. языки Центральной Индии.

3. Северная группа

Курукх, малто, брахуи.

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Хеттско-лувийская ветвь

Мертвые: *хеттский, лувийский, палайский, лидийский, ликийский, карийский, сидетский, писидийский.*

2. Индийская (индоарийская) ветвь

Центральная группа (*хинди*); восточная группа (*бихари, бенгали, ассамский, ория*); южная группа (*маратхи*); северо-западная группа (*синди, лахнда, панджаби*); западная группа (*раджастхани, гуджарати, бхили, кхандеши*); группа пахари (*непали, пахари, кумацни, гархвали*); *сингальский язык; цыганский язык; мертвые: ведийский, санскрит, пали, пракриты.*

3. Иранская ветвь

Персидский, таджикский, афганский, курдский, белуджский, татский, талышский, гиланский, мазандеранский, парачи, ормури, кумзари, осетинский, шугнанский, рушанский, бартангский, орошорский, сарыкольский, язгулямский, ишкашимский, ваханский, мунджанский, йидга; мертвые: авестийский, древнеперсидский, мидийский, скифский, пехлеви, парфянский, согдийский, хорезмийский, сакский, бактрийский, аланский.

4. Тохарская ветвь

Тохарский А, тохарский Б.

5. Армянский язык

6. Фригийский язык (мертвый)

7. Фракийский язык

8. Иллирийская ветвь

Мертвые: *иллирийский, мессапский.*

9. Албанский язык

10. Венетский язык

11. Греческая ветвь

Новогреческий; мертвые: древнегреческий, среднегреческий.

12. Романская ветвь

Французский, провансальский, испанский, каталанский, галисийский, португальский, итальянский, сардинский, ретороманский, румынский, молдавский, аромунский, креольский; мертвые (италийские): латинский, фалискский, певкинский, оскский, умбрский.

13. Кельтская ветвь

Галльская группа (мертвый *галльский*); бриттская группа (*валлийский, бретонский, мертвый корнский*); гойдельская группа (*ирландский, шотландский, мертвый мэнский*).

14. Германская ветвь

Восточногерманская группа (мертвый *готский*); западногерманская группа (*немецкий, идиш, голландский, африкаанс, английский, фризский*), северногерманская (скандинавская) группа (*исландский, датский, шведский, норвежский*).

15. Балтийская ветвь

Западнобалтийская группа (мертвые: *пруссский, ятвяжский, галиндский*), восточнобалтийская группа (*литовский, латышский*).

16. Славянская ветвь

Южнославянская группа (*болгарский, македонский, сербскохорватский, словенский; мертвый старославянский*); западнославянская группа (*чешский, словацкий, польский, кашубский, лужицкий; мертвый полабский*); восточнославянская группа (*русский, украинский, белорусский*).

КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Грузинский, мегрельский, чанский, сванский.

УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ⁸

1. Финно-угорские языки

Прибалтийско-финская ветвь (северная группа: финский, ижорский, карельский, вепсский; южная группа: эстонский, водский, ливский); **волжская ветвь** (марийский, мордовский); **пермская ветвь** (удмуртский, коми-зырянский, коми-пермяцкий); **угорская ветвь** (хантыйский, мансийский, венгерский); **саамская ветвь** (саамский).

2. Самодийские языки

Северная ветвь (ненецкий, нганасанский, энецкий); **южная ветвь** (селькупский; мертвые: камасинский, койбальский, маторский, сойотский, тайгийский).

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

Типологическая классификация языков исходит из того, что разные языки независимо от происхождения могут обнаруживать сходство в своей структуре, типах выражаемых значений, способах их передачи и т.д. В основе типологической классификации лежит та или иная лингвистическая характеристика, реализованная в разных языках различными способами и средствами, что дает возможность объединить в группы те языки, в которых эта характеристика реализуется одинаковым или подобным образом. В отличие от генеалогической классификации, существующей в рамках единого принципа «праязык — языки-потомки», типологическая классификация многообразна и допускает объединения языков в группы на различной основе. В связи с этим, вероятно, правильнее было бы говорить не о типологической классификации, а о различных ее видах.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

Морфологическая классификация является наиболее известной среди всех разновидностей типологической классификации. В ее основу положен характер морфологической структуры слова. В

⁸ Термин «уральские языки» используется для обозначения макросемьи, включающей финно-угорские и самодийские языки.

зависимости от характера морфем, входящих в состав слова, и способа их соединения в традиционной морфологической классификации различают четыре типа языков: *корневые, агглютинативные, флективные и полисинтетические.*

I. Корневые языки

В корневых языках слово равняется корню, а отношения между словами передаются с помощью аналитических способов — порядком слов, служебными словами, интонацией. К числу таких языков относятся, например, вьетнамский, китайский и ряд других языков Юго-Восточной Азии. В этих языках практически отсутствуют грамматические аффиксы, слова не изменяются. Поскольку в рамках слова нет материальных элементов, указывающих на грамматическую связь с другими словами в предложении, языки этого типа нередко называют также *изолирующими*. В качестве примера приведем вьетнамский язык, в котором слово *тео* ‘кошка’, выступая в разных конструкциях, не изменяется: *тео бат чуот* ‘кошка ловит мышь’, *пиоі тео* ‘держат кошку’, *диоі тео* ‘хвост кошки’, *тат тео* ‘кошачьи глаза’. Следует добавить, что при переводе данных конструкций неизбежна известная неточность в передаче грамматических значений: дело в том, что *тео* означает и ‘кошка’ (ед. число) и ‘кошки’, *чуот* - ‘мышь’ и ‘мыши’, а в глаголах не выражены значения лица, числа и времени.

II. Агглютинативные языки

В агглютинативных языках в состав слова входят однозначные стандартные аффиксы, присоединяемые к основе, которая как правило при этом остается неизменной. Каждый из аффиксов имеет строго определенное значение. Склонение и спряжение характеризуются едиными парадигмами. Аффиксы располагаются в слове в определенном порядке. Способ присоединения аффиксов — агглютинация. Ср. примеры из мансийского языка:

<i>пут</i>	‘котел’	<i>хан</i>	‘лодка’
<i>путум</i>	‘мой котел’	<i>ханум</i>	‘моя лодка’
<i>путумт</i>	‘в моем котле’	<i>ханумт</i>	‘в моей лодке’
<i>путумныл</i>	‘из моего котла’	<i>ханумныл</i>	‘из моей лодки’
	и т.д.		и т.д.

Для агглютинативных языков характерна ясность границ между морфемами, а сами морфемы имеют устойчивый фонемный состав, который не изменяется в разных случаях их употребления.

III. Флективные языки

К флективным языкам относится большинство индоевропейских и афразийских (семито-хамитских) языков

Флективные языки сближает с агглютинативными наличие аффиксов, однако характер аффиксов (многозначные нестандартные⁹) и способ их соединения с основой (фузия¹⁰) иные. Во флективных языках часты изменения состава фонем в разных случаях употребления той или иной морфемы¹¹, границы между морфемами ясны далеко не всегда¹², обычно имеется несколько типов склонения и спряжения¹³. Основа без аффиксов самостоятельно обычно не употребляется (ср. в русск. яз. основы глаголов *писа-*, *чита-*, *прыга-* и др.). При словоизменении и словообразовании используется как внешняя, так и внутренняя флексия: например, разное значение вида и времени русских глаголов *лягу* и *лежу* передается с помощью внутренней флексии, а в случае *лежу* и *лежишь* различие в грамматическом значении передается внешней флексией.

IV. Полисинтетические языки

К числу полисинтетических относятся, например, чукотско-камчатские языки и многие языки индейцев Северной Америки.

Так же как в агглютинативных и флективных языках, в составе слов этого языкового типа может быть представлен целый ряд морфем, однако отличительной особенностью полисинтетических языков является их способность объединять в целостную конструкцию — слово-предложение — несколько основ, имеющих разную лексико-грамматическую природу. Дело в том, что в полисинтетических языках представлен своеобразный способ соединения морфем — *инкорпорация* (от лат. *in* 'в', *corpus* 'тело', 'единое целое', т.е. 'включение в свой состав, вчленение'). Инкорпорация предполагает соединение в составе слова компонентов, которые представляют собой члены словосочетания, но грамматически не оформленные. Формальные показатели имеет лишь инкорпорированный комплекс в целом.

Приведем пример из чукотского языка.

В конструкции *т-ы-ткэ-ркын* начальный *т* — префикс 1-го лица субъекта действия, *ы* — соединительный гласный, *ткэ* —

⁹ Ср. в русск. яз.: *-е* (*руке, ноге*) — дат. падеж и ед. число; *-ам* (*рукам, ногам*) — дат. падеж и мн. число.

¹⁰ То есть материальные формы соседних морфем активно взаимодействуют, ср. русск. *приду* (из *при+иду*) или *таксист* (из *такси+ист*).

¹¹ Ср. состав фонем в корне русских глагольных форм *могу, может, мощь, мочь*.

¹² Например, в форме инфинитива русского глагола *лечь* последний согласный корня *леж-* /*лег-* слился с суффиксом инфинитива *-ти*, в результате чего четкая граница между корнем и суффиксом исчезла.

¹³ Например, в русском языке существительные имеют три склонения, а глаголы — два спряжения; в латинском языке соответственно пять склонений и четыре спряжения.

основа глагола 'пахнуть', *ркын* — суффикс настоящего времени; общее значение — 'пахну (я пахну)'. Данный комплекс может быть распространен за счет инкорпорации: *т-ыинн-ы-ткэ-ркын*, где *ыинн* — основа слова «рыба», то есть 'я пахну рыбой'; возможно и дальнейшее расширение: *т-ы-вэл-ыинн-ы-ткэ-ркын*, где *вэл* 'тухлый', то есть 'я пахну тухлой рыбой'. Таким образом в полисинтетических языках возникает совершенно специфическая конструкция — слово-предложение.

Наличие инкорпорации как способа создания единых лексико-синтаксических комплексов в данных языках обусловило и другое их название — *инкорпорирующие*.

Отнесение того или иного языка к определенному типу морфологической классификации отнюдь не означает, что во всех словах и их формах должен отражаться какой-то один типовой признак — изолированность, флективность, агглютинация или инкорпорация. Обычно языки используют разные способы соединения морфем, и типовой признак, хотя и встречается чаще других, отнюдь не обязательно должен быть реализован в каждом конкретном слове. Так, в русском языке, являющемся флективным, возможны высказывания, построенные по принципу изолирующих языков: *хорошо жить там, где всегда тепло*. Глагольный суффикс прошедшего времени *-л-*, присоединяющийся к основе, которая при этом не изменяется, является однозначным и стандартным, что позволяет говорить о реализации способа агглютинации, ср. *писа-л*, *смотре-л*, *ходи-л* и др. В корневом китайском языке встречаются случаи использования аффиксов, ср. китайск. *wo* 'я', *ni* 'ты', *ta* 'он', но *women* 'мы', *nimen* 'вы', *tamen* 'они'. В агглютинативных языках встречаются случаи, когда один аффикс может выражать два значения, а в полисинтетических языках немало слов простых по структуре и, следовательно, не отражающих инкорпорацию.

Поскольку в том или ином языке может быть реализован не один типовой морфологический признак, нередко оказывается, что к одному морфологическому типу относятся языки, в которых типовой признак представлен не в одинаковой мере. Например, русский и английский языки относятся к флективным, однако совершенно очевидно, что степень флективности русского языка значительно выше. Определить степень представленности определенного морфологического признака позволяет метод *типологической индексации*, предложенный американским лингвистом Джозефом Гринбергом. Суть метода достаточно проста: в исследуемом языке берется отрезок текста из ста слов и затем путем обычного статистического подсчета устанавливается, например, индекс префиксации (количество префиксов *P* делится на число слов *W*, то

есть P/W), индекс словообразования (количество словообразовательных морфем D делится на число слов, то есть D/W), индекс словоизменения (количество флексий I делится на число слов, то есть I/W), индекс словосложения (количество корневых морфем R делится на число слов W , то есть R/W) и др.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССИФИКАЦИИ

Как уже отмечалось, морфологическая классификация языков — одна из разновидностей типологической классификации. Существуют также фонетические и синтаксические типологические классификации. Так, в рамках фонетических типологических классификаций возможно деление языков на *монотонические*, то есть такие, в которых гласные не различаются с помощью движения тона (русский, английский, немецкий, французский и др.) и *политонические*, то есть *тональные* (китайский, вьетнамский и др.), на языки согласного типа, со значительным численным преобладанием согласных фонем (русский, польский, арабский языки) и языки гласного типа, с примерно равным соотношением гласных и согласных фонем или даже с преобладанием гласных (сербскохорватский, английский, немецкий и др.), на языки с корреляцией согласных фонем по твердости-мягкости (русский) и языки без такой корреляции (английский, немецкий и др.) и т.д.

Примером синтаксической типологической классификации может быть деление всех языков на *языки номинативного строя* и *языки эргативного строя* (греч. *ergates* 'действующее лицо, деятель'). В языках номинативного строя подлежащее как правило выражено одним и тем же падежом — именительным. Именно так обстоит дело в русском языке, большинстве западноевропейских языков и многих других. Что же касается языков эргативного строя, то в них подлежащее при переходном глаголе ставится в особом падеже — эргативном, или активном. Например, русскому предложению *Студент читает книгу* в языке эргативного строя должна соответствовать конструкция, в которой слово *студент* стоит не в именительном, а в эргативном падеже. При непереходном глаголе (например, в предложении *Ребенок спит*) подлежащее ставится в форме прямого падежа. В этом же падеже обычно выступает и прямое дополнение. Винительного падежа в языках эргативного строя нет. К языкам эргативного строя относятся многие кавказские языки, ряд языков Австралии и Америки. Возможны синтаксические типологические классификации и на другой основе: языки со свободным порядком слов и языки с закрепленным

порядком слов, языки с препозицией определения и языки с постпозицией определения; и т.д.

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ

Создание языковых классификаций — не конечная и не единственная цель типологических исследований. Скорее это средство для построения всеобъемлющей теории языка. Такая теория должна учитывать прежде всего то общее, что имеется в разных языках мира.

Сходство, существующее между двумя или более языками, может объясняться тремя причинами: общим происхождением (*родством*), влиянием языков друг на друга (*сродством*) и, наконец, проявлением общих закономерностей, лежащих в основе функционирования любого языка. В последнем случае говорят о *языковых универсалиях* (лат. *universalis* ‘общий, всеобщий’).

Языковыми универсалиями называют явления или закономерности, общие для всех или для подавляющего большинства языков. Языковые универсалии обнаружены практически во всех областях языка, исследуемых лингвистикой. Все универсалии в зависимости от способа их представления принято делить на абсолютные и импликационные (лат. *implicatio* ‘сплетение, переплетение’).

Абсолютные универсалии представляют собой констатацию наличия того или иного явления во всех или абсолютном большинстве языков мира. Универсалии данного типа формулируются двояко: *во всех языках есть ...*, или *нет языков без...* Приведем примеры таких универсалий:

- *во всех языках есть открытые слоги* (или: *нет языков без открытых слогов*);

- *во всех языках есть гласные и согласные звуки*;

- *во всех языках есть многозначные слова*;

- *во всех языках есть собственные имена и местоимения*;

- *во всех языках есть категория множественности*;

- *во всех языках есть деление на тему и рему*;

и т.д.

Импликационные универсалии представляют собой констатацию наличия связи между какими-либо двумя явлениями: наличие или отсутствие одного предполагает наличие или отсутствие другого. Универсалии этого типа формулируются в виде «*если ..., то ...*». Например:

- если в языке есть противопоставление согласных по твердости-мягкости, то в нем гласные не противопоставляются по тону;

- если в языке все слова односложны, то они одноморфемны и в языке существует музыкальное ударение;

- если в языке есть предлоги и нет послелогов, то существительное в родительном падеже помещается после существительного в именительном падеже;

- если в языке есть послелог и нет предлогов, то существительное в родительном падеже стоит перед существительным в именительном падеже.

ПИСЬМО

ГРАФИКА

Графикой (греч. *grapho* ‘пишу’) называется система начертательных знаков, используемых той или иной письменностью для передачи звуковых единиц языка и отношений между ними. Графикой называют также и раздел языкознания, занимающийся изучением начертательных знаков и установлением соответствий между ними и звучащей речью.

Существуют два основных типа систем начертательных знаков — *фонография* (греч. *phone* ‘звук’, *grapho* ‘пишу’) и *идеография* (греч. *idea* ‘понятие, идея’, *grapho* ‘пишу’). Фонография предполагает непосредственное отражение звуковой стороны языка. Графические средства, используемые в фонографии, принято называть *фонограммами*, — например, русские буквы *у, и, ж, ш* и др.

Идеография представляет собой систему знаков-идеограмм. Это такие письменные знаки, каждый из которых выражает понятие, но при этом в разных языках имеет различную звуковую реализацию. Иначе говоря, идеограммы одинаково понимаются представителями тех или иных языков, но читаются по-разному, то есть идеограммы не связаны со звуковой материей конкретного языка. Идеограмма, соотнесенная с определенным языком, называется *логограммой* (греч. *logos* ‘слово’, *gramma* ‘буква, написание’). К идеограммам относят математические знаки, обозначения разделов (§), знаки препинания, символы химических элементов и т.д. Существует мнение, что пробел между словами как знак словесной границы, а также прописная (заглавная) буква — это письменные средства, также имеющие идеографический характер. Иногда считают, что к идеограммам следует относить и различного рода указатели, товарные знаки и т.п. Использование идеограмм в той или иной мере свойственно, вероятно, любой системе письма, однако в качестве ведущего принципа идеография используется современными языками не столь часто, как фонография. Разнообразие идеограмм, используемых в идеографических системах письма, таких, как китайская, весьма велико и здесь не рассматривается.

Тот или иной графический знак в системе любой письменности как правило имеет разные варианты начертаний: рукописный и

печатный, прописной, строчный, курсивный и т.д. В связи с этим принято различать *графему* и *граф* (или *аллограф*). Соотношение между графемой и графом в общем соответствует тем отношениям, которые существуют между фонемой и аллофоном, морфемой и алломорфом, то есть графема — это некая абстрактная графическая единица, реализуемая в конкретных текстах в виде графов. Одной графемой считаются варианты написаний, соответствующие единицам, представленным в алфавите той или иной письменности. Например, одна и та же графема реализуется в графах А, а, α и др.

В системе начертательных знаков той или иной графики могут быть выделены два разряда графем: графемы, используемые для обозначения звуковых единиц — звуков, слогов, слов, — и графемы, используемые для обозначения отношений между звуками или синтаксическими единицами. Графемы первого типа — это буквы (в системе идеографического письма — иероглифы) и их сочетания, графемы второго типа — это знак ударения и знаки препинания.

Графемы, используемые в фонографии в системе буквенно-звукового письма, в зависимости от того, какое фонетическое содержание они обозначают, могут быть разделены на три группы:

- 1) Графема обозначает одну фонему: русск. *у, ц, ч* и др.
- 2) Графема обозначает две фонемы: англ., нем. *x* [ks], русск. *я* [ja], *ю* [ju] и др.
- 3) Графема не обозначает фонемы: русск. *ь* (съёмка), *ь* (уголь), англ. *e* в словах *table* [teɪbl] ‘стол’, *tale* [teɪl] ‘рассказ’.

Графические средства, используемые для обозначения одной фонемы, делятся на:

- 1) *монографы* (одной фонеме соответствует одна графема), в том числе:

а) монографы, не имеющие *диакритик*¹⁴, то есть дополнительных значков над буквой или под нею: русск. *а, б, в, г, д* и др.;

б) монографы с диакритиками: русск. *ё, й*, франц. *è, é, ê* и др.;

2) *диграфы* (одной фонеме соответствуют две графемы: англ. *sh* [], франц. *ch* [] и др.; если при написании две графемы в составе диграфа имеют общие элементы, образующееся целостное написание называется *лигатурой*¹⁵, ср., например, используемый во французском письме знак *Ж*.

3) *триграфы* (одной фонеме соответствуют три графемы): нем. *sch* [], франц. *eau* [o];

¹⁴ Ед. число *диакритика* — от греч. *diakritikos* ‘служащий для различения’.

¹⁵ Ед. число *лигатура* — от лат. *ligare* ‘связывать’.

4) *полиграфы* (одной фонеме соответствует более трех графем: англ. *ough* []).

ОРФОГРАФИЯ

Орфографией (греч. *orthos* ‘правильный’, *grapho* ‘пишу’) называется система правил, устанавливающих единообразие написаний слов и морфем. Раздел языкознания, изучающий данную область, также принято называть орфографией.

Орфографические правила создаются для тех случаев, когда носители языка имеют несколько возможностей для передачи одного и того же звучания, например, *машина* и *мошина*, *машына*; *вода* и *вада* и др.

Существующие в разных языках системы орфографических правил используют несколько основных принципов:

1. Фонетический принцип

Фонетический принцип орфографии заключается в том, что написание передает звучание слова. Например, на фонетическом принципе основан в русском языке выбор правильного написания приставок *из-/ис-*, *без-/бес-*, *воз-/вос-* и др.: в соответствии с произношением перед звонким согласным пишется *з*, перед глухим — *с* (*избрать* - *исправить*, *безграничный* - *бескрайний*, *возглавить* - *воскликнуть* и т.д.).

2. Морфологический принцип

Морфологический принцип предполагает единообразное написание морфемы во всех случаях ее употребления. Например, одинаково пишутся корни *сад* или *зуб* при употреблении в разных словах, хотя звуковой облик их изменяется весьма значительно, ср.: [сат], [с д]ы, [съд]овод, [сад']ик; [зуп], [зуб]ы, [зуб']ец.

3. Традиционно-исторический принцип

Традиционно-исторический принцип заключается в том, что сохраняется написание, закрепленное традицией, даже если оно не соответствует современному состоянию языка. В частности, в русском письме по традиции сохраняются написания *жи*, *ши*, *ци*; пишется *о* в безударном положении в словах *собака*, *топор* и др.

4. Дифференцирующий принцип

Дифференцирующий принцип используется в тех случаях, когда возникает необходимость разграничить на письме одинаково звучащие слова, ср. в русском языке *поджог* (сущ.) - *поджѐг* (глагол.), *плач* (сущ.) - *плачь* (глагол.), *компания* (группа людей) - *кампания* (деятельность) и др.

Тот или иной язык использует каждый из охарактеризованных принципов в большей или меньшей степени. Например, фонетический принцип широко используется в таких языках, как белорусский и сербскохорватский, ср. белорусск. *грыбки* 'грибки', *загатка* 'загадка', *прозьба* 'просьба' и др. Морфологический принцип является основным в русской орфографии, весьма важное значение он имеет и для немецкого языка. Традиционные написания активно использует французский язык, еще более широко они представлены в английском языке.

Особое место в системе орфографии каждого языка обычно отводится правилам слитных, отдельных и дефисных написаний, употреблению прописных букв, правилам переноса и сокращений. Очень часто отклоняющееся от принятых правил написание имеют иноязычные слова.

ТРАНСКРИПЦИЯ И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

Транскрипцией (лат. *transcriptio* 'переписывание') называют передачу фонетических единиц какого-либо языка с помощью специальной системы записи.

Существуют различные виды транскрипции. *Сегментная транскрипция* представляет собой запись сегментных единиц - звуков, слогов, фонетических слов и т.д., например [г'в р'у] 'говорю', [п'дб'и жат'] 'подбежать', [лотк'] 'лодка'. *Суперсегментная транскрипция* отражает интонационные характеристики синтагмы или фразы. Такая транскрипция используется, например, при описании интонационных конструкций того или иного языка (см. выше раздел «Интонация»).

Сегментная транскрипция может быть *практической, фонетической и фонематической*.

Практическая транскрипция - это запись звучания иноязычных слов средствами национального алфавита без каких-либо дополнительных значков. Ср., например, *отель* (франц. *hotel*), *дисплей* (англ. *display*), *Вольтер* (франц. *Voltaire*), *Маккартни* (англ. *McCartney*), *Вагнер* (нем. *Wagner*) и др.

Фонетическая транскрипция представляет собой точную передачу звучащего текста с помощью графических средств. Обычно

для фонетической транскрипции используется тот или иной национальный алфавит с добавлением надстрочных и подстрочных значков - диакритик, - а сам текст заключается в квадратные скобки. В частности, для транскрипции русских текстов используются как кириллица, так и латиница, ср. [ид'от] и [id'ot], [гуд'ит] и [gud'it] и т.д.

Фонематическая транскрипция - это система записи, при которой графическое отражение получают только единицы, имеющие фонематический, то есть смысловозначительный характер, при этом текст принято заключать в косые или угловые скобки. Если сопоставить запись одного и того же слова в фонетической и фонематической транскрипции, особенности каждой из них видны достаточно отчетливо. Так, слово *расколоть* в фонетической транскрипции должно быть записано [р'ьск лот'], а в фонологической (с позиций Московской фонологической школы) - /розколот'./

Транслитерация (лат. *trans* 'через', *littera* 'буква') - это передача текстов, записанных с помощью одной графической системы, средствами другой графической системы. В отличие от транскрипции, транслитерация ориентируется на написание слова в языке-источнике, ср. англ. *Лондон* (London), нем. *Лейпциг* (Leipzig), франц. *Лион* (Lyon).

При транслитерировании того или иного слова принято опираться на традицию и существующие предписания. В качестве примера приведем Правила международной транслитерации русских слов латинскими буквами, разработанные Международной организацией стандартов — ISO (International Standard Organisation):

русские буквы	латинские буквы	русские буквы	латинские буквы	русские буквы	латинские буквы
а	a	к	k	х	h
б	b	л	l	ц	c
в	v	м	m	ч	ç
г	g	н	n	ш	s
д	d	о	o	щ	š
е	e	п	p	ъ	”
ё	ë	р	r	ы	y
ж	z	с	s	ь	'
з	z	т	t	э	e
и	i	у	u	ю	u
й	j	ф	f	я	a

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПИСЬМА

Письмом называют систему начертательных знаков, используемую для передачи речевой информации на большие расстояния и для закрепления ее во времени.

Как полагает подавляющее большинство представителей различных областей знания — антропологов, историков, лингвистов и др., — письмо возникло позднее звуковой речи. Это подтверждается уже тем, что история не знает ни одного общества, которое не имело бы звуковой речи. Между тем известно достаточно много народов, которые, обладая звуковой речью, не имели письма. В связи с этим можно утверждать, что письмо появилось как дополнительный способ общения, как результат стремления преодолеть ограниченность звуковой речи в пространстве и во времени. Формирование письма имеет многовековую историю и в своем развитии прошло целый ряд этапов.

Изначальной предпосылкой, обусловившей в конечном счете возникновение письма, была возможность ассоциировать с теми или иными явлениями окружающей действительности определенную информацию. Возможность по следам, запаху или каким-либо иным признакам находить добычу формирует умение воспринимать эти признаки как знаки. Очевидно, что первобытный человек в полной мере владел способностью интерпретировать имеющиеся в природе безусловные знаки как признаки или копии тех или иных явлений.

Первоначально безусловные знаки были сигналами, которые позволяли ориентироваться в окружающем мире, добывать пропитание, находить сородичей, спасаться от возможного нападения и т.д. С течением времени приходит способность искусственно создавать такого рода знаки или, наоборот, уничтожать их. Охотник, например, намеренно оставляет следы или надламывает ветки, чтобы его могли найти товарищи. Круг таких «предметов» расширялся, изменялись число и характер значений, которые могли передаваться с их помощью.

На бесписьменной стадии развития человечества использование предметов для передачи информации носило достаточно регулярный характер. На это указывают многие примеры из жизни народов, находящихся на ранних стадиях общественно-экономического развития. Так, индейцы Северной Америки для объявления войны посылали томагавк. Томагавк приносил посол и клал на землю. Если противник поднимал его, это означало, что вызов принят. С помощью предметных посланий могла передаваться и достаточно развернутая информация. Широко известно, например,

символическое «письмо» скифов персам. Вот что сообщает об этом Геродот: «Скифские цари ... отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Персы спросили посланца, что означают эти дары, но тот ответил, что ему приказано только вручить дары и как можно скорее возвращаться. По его словам, если персы достаточно умны, они должны сами понять значение этих даров». В конечном счете послание было истолковано так: "Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зароетесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами"».

Весьма разнообразную информацию с помощью предметных посланий могли передавать представители африканской народности йоруба (Гвинея). Например, пленный йоруба послал жене камень, кусочек древесного угля, перец и сухие зерна кукурузы, завернутые в тряпку. Смысл послания: "Мое тело затвердело, как камень, будущее черно, как уголь, душа горит огнем, тело иссохло, как зерно кукурузы, а платье превратилось в лохмотья".

Во всех приведенных примерах содержание сообщений так или иначе связано со свойствами тех предметов, которые использовались в каждом конкретном случае. С течением времени формируется круг предметов — носителей информации. Так, уже упомянутые йоруба использовали для передачи сообщений раковины каури¹⁶. В зависимости от того, как они были соединены и с какими предметами сочетались, раковины каури могли передавать достаточно разнообразное содержание: одна каури означала вызов, раздор, две каури рядом означали встречу, тесные отношения, родство, а отдельно — разлуку и вражду; если молодой человек посылал девушке шесть раковин каури, нанизанные на шнур, это означало объяснение в любви, а посланные в ответ восемь раковин сообщали о взаимности.

Североамериканские индейцы (гуроны, ирокезы и др.) для хранения и передачи информации использовали так называемые *вампуны*. *Вампун* изготовлялся из нитей (шнуров, ремешков, лыка и т.д.), на которые нанизывались раковины. Содержание сообщения выражалось с помощью цвета, взаиморасположения и количества раковин: белый цвет означал счастье, мир, благополучие, черный — несчастье, опасность, вражду, смерть, красный — войну. На раковины могли наноситься изображения: например, красный боевой топор на черном фоне означал объявление войны, а две темные соединенные руки на белом фоне — заключение мира. Шнуры с раковинами соединялись вместе, образуя пояса, которые, собственно

¹⁶ Каури — вид моллюсков, обитающих в тропических морях. Раковина каури имеет длину до 10 см., овальная, блестящая, обычно пестрая.

говоря, и называют *вампум*. Число раковин на одном поясе могло быть весьма внушительным — до 6-7 тысяч.

Индейцы Южной Америки (перуанские инки) для хранения и передачи информации использовали *кипу* — короткие отрезки толстой веревки, к которой прикреплялись шнуры с узлами, переплетавшиеся друг с другом. Испанский историк XVII века Гарсиласо де ла Вега (его мать была из племени инков) писал: «Для войны, управления, дани, церемоний имелись различные кипу, и в каждой из них множество узлов и привязанных нитей — красных, зеленых, голубых, белых и т.п.». Желтый цвет означал золото, белый — серебро, красный — воинов.

Узелковое «письмо» (*цзешен*) существовало в древнем Китае. Завязыванием узелков с мнемонической целью, вероятно, пользовались и славяне, ср. известное выражение «завязать узелок на память».

Символическая информация, связанная с предметами, существует, очевидно, у всех народов, в том числе находящихся на высокой ступени социального развития. Для носителей русского языка, например, камень ассоциируется с твердостью, змея — с коварством, сердце — с любовью, хлеб-соль — с дружбой и гостеприимством и т.д.

Разновидностью предметных сообщений считаются также разного рода палки (бирки) с зарубками, использовавшиеся для счета. В некоторых странах бирки с зарубками применялись как долговые расписки. В Англии, например, так называемые *tally-sticks* признавались законными еще в 1834 г.

Предметные сообщения, конечно, нельзя считать письмом. Они лишь формировали традицию закрепления того или иного содержания во времени и пространстве с помощью разнообразных средств за пределами звуковой речи. Кроме того, они послужили отправным пунктом для дальнейших поисков с целью найти способ выразить тот объем информации, который столь богато и разнообразно представлен в звуковой речи.

Начертательное письмо зарождается как *пиктография* (лат. *pictus* ‘нарисованный’, греч. *grapho* ‘пишу’). Пиктография передает содержание сообщения с помощью рисунка, на котором по возможности реалистично изображено то, о чем идет речь. Каждый отдельный рисунок в рамках пиктографического письма принято называть *пиктограммой*.

Основной источник формирования пиктографии — первобытное искусство. Первобытный человек, пытаясь воспроизвести очертания тех или иных предметов, растений, животных, на первых порах делал это не столько для сообщения,

сколько в связи с удовлетворением художественных потребностей и ритуально-магическими действиями. В связи с этим нарисованные или нацарапанные изображения древнего человека изучаются как в истории письма, так и в истории искусства и первобытной магии. При зарождении пиктографии связь передаваемого содержания с языком была довольно отдаленной. Как писал акад. Л.В. Щерба, «те наивные рисунки, посредством которых первобытный человек пытался передавать другим свои мысли, чувства, желания и которые известны под названием *пиктографии*, можно читать (если не понимать) по-разному. <•••> Конечно, и при пиктографии какая-то фраза или фразы устного языка преподносились сознанию пишущего. Однако есть все основания думать, что письмо в данном случае не являлось результатом систематического лингвистического анализа конкретных фраз устного языка на те или другие знаменательные части (например, слова). Этот отрицательный признак — независимость письма от того или иного смыслового, но чисто лингвистического членения речи — и надо считать характеристикой той стадии развития письма, которая называется пиктографией».

Началом формирования пиктографии является период, когда рисунки стали использоваться для коммуникативных целей. Считают, что пиктографическое письмо возникает в эпоху неолита, начало которой для большинства народов относят к VIII-VI тысячелетиям до нашей эры¹⁷. Этот вывод основывается на том, что народы, находившиеся на стадии развития производительных сил, соответствовавшей периодам до неолита (огнеземельцы, племена экваториальной Африки, тропических лесов Амазонки), не обладали письменностью. Что же касается народов, которые находились на ступенях развития производительных сил, близких к неолиту (индейцы Северной Америки, многие народы Крайнего Севера, многие африканские племена), то они имели развитую пиктографическую письменность.

Выделение пиктографического письма из первобытной живописи имело следствием изменение характера изображений: использовавшиеся для общения пиктографические начертания в отличие от художественных приобретали обобщенный характер.

Развитые системы пиктографии обладали определенным потенциалом для передачи довольно развернутых сообщений. Элементы пиктографического письма используются и в настоящее

¹⁷ Напомним основные периоды, выделяемые в истории первобытного общества: древний каменный век (палеолит, — с возникновения человека до 10-го тыс. до н.э.); средний каменный век (мезолит, 10-5 тыс. до н.э.); новый каменный век (неолит, 8-3 тыс. до н.э.); медный век (энеолит, 4-3 тыс. до н.э.); бронзовый век (конец 4 — начало 1 тыс. до н.э.); железный век (с начала 1 тысячелетия до н.э.).

время, даже у тех народов, которые обладают развитой фонографической письменностью. Пиктографический характер, например, имеют товарные знаки, некоторые знаки дорожного движения, разного рода указатели, эмблемы. Пиктограммы нередко встречаются в рекламе, на вывесках магазинов, мастерских и т.д. Вместе с тем пиктографическое письмо имеет весьма существенные недостатки, важнейший из которых — его неустойчивый характер. Поскольку пиктографические изображения нестабильны, они допускают разное прочтение. Нельзя не отметить также, что с помощью пиктографии крайне трудно передавать сложные сообщения, содержащие абстрактные понятия.

Если в начальный период формирования пиктографического письма пиктограммы обычно представляли собой реалистические изображения (часто — последовательность изображений) реалистического характера, то в дальнейшем рисунки становятся все более схематичными. Начинает складываться устойчивая традиция использования изображений отдельных предметов для передачи символических значений (как уже упоминалось, придание предметам символических значений складывалось уже в эпоху, когда использовались предметные послания). Знаки становятся стабильными, то есть для передачи того или иного значения используется определенное изображение. Так, в пиктографическом письме североамериканских индейцев нарисованная сказочная рогатая змея означала *жизнь*, животное или человек вниз головой — *смерть*, черепаха — *счастье, успех*, человек с крыльями вместо рук — *ловкость*, лук со стрелой — *война*, трубка мира с перьями — *мир*, голова с волнистыми линиями вместо ушей — *внимание, слух*, соединенные сердца — *любовь*, две скрещенные змеи — *опасность* и т.д. Так в недрах пиктографии формируются знаки для передачи абстрактных понятий. Последовательность знаков все более совпадает с порядком слов в данном языке. Зарождается новый тип письма — *идеография*.

Если пиктограмма передает целостное сообщение, в котором нет деления на отдельные предложения или слова, то идеограмма соотносится с понятием. Таким образом, при идеографии не только передается определенное содержание, но и осуществляется членение на слова, поскольку понятие как правило связано со словом. Переход от пиктографии к идеографии можно расценивать как качественный скачок в развитии письма, поскольку письмо становится средством передачи языковых единиц.

Формирование идеографического письма на базе пиктографии можно проследить на примере древнеегипетских иероглифов (греч. *hieroglyphoi* ‘священная резьба’). Так, понятие ‘гора’ обозначалось

изображением двух горных вершин с долиной между ними, ‘вода’-волнистой линией, ‘рот’- миндалевидным овалом, ‘солнце’- кругом с точкой посередине. Слова, обозначающие животных и птиц (‘лев’, ‘бык’, ‘заяц’, ‘коршун’ и др.), части тела (‘рука’, ‘нога’, ‘палец’ и др.) — соответствующими изображениями. С течением времени эти письмена теряли изобразительный характер и превращались в условные знаки, поэтому в развитых идеографических системах начертание знака довольно редко может быть соотнесено с формой обозначаемого предмета.

Приобретая стабильный, упорядоченный характер, идеография становится способной передать текст любой сложности. Вместе с тем совершенно очевидны и те трудности, которые связаны с ее использованием, а именно: 1) трудность передачи абстрактных значений, 2) трудность обозначения собственных имен и грамматических форм слов, 3) многозначность.

Впрочем, первая из этих трудностей была преодолена довольно легко. По мере становления идеографии вырабатывались и способы обозначения абстрактных понятий. В частности, в египетском письме достаточно часто использовались *метонимия*: изображение двух шагающих ног - ‘ходить’, изображение двух глаз - ‘видеть’, изображение письменного прибора — ‘писать’; *метафора*: изображение крокодила - ‘алчность, жадность’, сосуд с вытекающей из него водой — ‘прохлада, прохладный’ и т.д. Для передачи слов с абстрактным значением широко использовался прием соединения двух иероглифов. Например, в китайском языке сочетание иероглифов *солнце* и *луна* означало ‘свет, блеск’, *женщина* и *ребенок* - ‘любить’, *ухо* и *дверь* — ‘слушать, подслушивать’, *рот* и *птица* — ‘петь’, *клинок* и *сердце* — ‘терпеть’, *человек* и *дерево* — ‘отдыхать’, *отец* и *мать* — ‘родители’, *секира* и *щит* — ‘противоречие’ и т.д. Использовались и сочетания одинаковых иероглифов. Например, два иероглифа *дерево* означали ‘лес’, три иероглифа *дерево* — ‘чаща’; два иероглифа *огонь* — ‘пламя’, три иероглифа *огонь* — ‘искры’ и т.д.

Вторую трудность — проблему передачи грамматических форм слова и собственных имен — невозможно решить с помощью чисто идеографического способа. Передача звучания собственных имен, в частности, в китайском письме была решена следующим образом: один иероглиф указывает на значение знака, а другой — на его чтение. Например, в сочетании с иероглифом *нож* (который в данном случае не читался) иероглиф *gang* имел значение ‘твердый’, а в сочетании с иероглифом *металл* (который также не читался) *gang* имело значение ‘сталь’. Иероглифы, которые не читались, а лишь указывали на характер значения, называются смысловыми определителями, или детерминативами.

Совершенно ясно, что идеографическое письмо чрезвычайно трудно для изучения уже в силу своей многозначности. Сохранение его в Китае объясняется двумя основными причинами: во-первых, китайский язык относится к числу изолирующих, поэтому нет необходимости обозначать аффиксальные элементы; во-вторых, в китайском языке существует довольно большое число диалектов, представители которых без помощи идеографического письма понимали бы друг друга с большим трудом, чем в настоящее время: подобно цифрам в европейских языках, иероглифы имеют единое написание, хотя произносятся в отдельных районах Китая по-разному.

Что же касается письменностей подавляющего большинства современных языков, то они строятся на фонографической основе. Письмо, отражающее фонетический состав языковых единиц, зарождается как *слоговое*, или *силлабическое* (греч. *syllabe* 'слог'). Слоговым называют письмо, в котором графический знак (*силлабограмма*) обозначает слог. Преимущества слогового письма перед идеографическим очевидны. Несмотря на то, что разнообразие слогов в том или ином языке может быть достаточно велико, оно не идет ни в какое сравнение с огромным числом слов. Нельзя не отметить также, что слоговое письмо может точнее передавать грамматические формы слов в тех языках, которые используют синтетические способы выражения грамматических значений.

Зарождается слоговое письмо в результате внутреннего развития идеографических систем. Древнейшие слоговые знаки появились в языке шумеров в начале III тысячелетия до н.э. Первоначально слоговые знаки были фрагментами в идеографических текстах. Они возникали обычно из односложных идеограмм. Например, знак, имевший значение 'стрела' (по-шумерски *ti*) стал использоваться для передачи слога *ti* в других словах. В шумерском языке были широко представлены аффиксы агглютинативного типа, поэтому для их обозначения слоговые знаки оказались достаточно удобным средством. Часто силлабограммы сочетались с идеограммами. Например, слоговой знак *te*, поставленный после идеограммы, обозначал шумерский суффикс множественного числа.

Шумерское письмо оказало значительное влияние на появление и развитие письменности у других народов. Оно было заимствовано вавилонянами и ассирийцами, которые также применяли особые знаки для обозначения слогов наряду с идеограммами.

Следующим этапом развития фонетического письма было появление *буквенно-звукового* письма, то есть такого, в котором графические знаки обозначают отдельные звуки. В своем развитии

буквенно-звуковое письмо прошло два этапа: 1) *консонантно-звуковое письмо* и 2) *алфавитное (консонантно-вокалическое) письмо*.

Консонантно-звуковое письмо зарождается в недрах слогового, однако, в отличие от последовательно слоговых систем, в консонантно-звуковом письме каждый знак мог передавать как одиночный согласный, так и согласный в сочетании с гласным, однако характер гласного при этом не отмечался.

Считают, что впервые консонантно-звуковые знаки появились в древнеегипетском письме. Древнеегипетский язык, входящий в афразийскую семью языков, имеет с ними ряд общих типологических черт, из которых прежде всего следует отметить структуру корня: корень в них строился из согласных звуков, а грамматические элементы — трансфиксы — состояли из гласных и как бы прослаивали корневую основу. Так, в родственном древнеегипетскому древнееврейском языке корень *K-T-L* выражал общее значение ‘убивать’. С помощью трансфиксов образовывались слова *KeToL* ‘убивать’, *KoTeL* ‘убийца’, *KaTuL* ‘убитый’ и т.д. Таким образом, согласные в языках такого типа выделялись как носители основной части значения слова. Что же касается гласных, то они на письме не обозначались, а могли угадываться на основании контекста.

В древнеегипетском языке было около 60-и корней, состоявших из одного согласного звука. Идеограммы, обозначавшие эти корни, и стали применяться для обозначения согласных звуков. Например, идеограмма *S*, обозначавшая корень со значением ‘задвижка’, стала использоваться для обозначения звука *s*, идеограмма *T*, обозначавшая корень ‘хлеб’ — для звука *t*. При этом, однако, графические знаки, обозначавшие согласные звуки, могли одновременно обозначать и корни, имея при этом несколько значений и сочетаясь как с фонограммами, так и с идеограммами. Все это делало древнеегипетское письмо невероятно сложным. Неслучайно его расшифровка французским ученым XIX века Ф. Шампольоном считается одним из величайших научных открытий.

Консонантно-звуковое письмо использовали и финикийцы, язык которых относился к семитской ветви афразийских языков. Памятники финикийского письма восходят ко второму тысячелетию до н.э. В отличие от древнеегипетского письма, в финикийском все знаки имели только звуковое значение. Вопрос о том, каково происхождение финикийского алфавита, до настоящего времени остается спорным.

Финикийское письмо включало 22 буквы. Каждая буква имела свое название, которое начиналось со звука, обозначаемого этой

буквой. Традиция присвоения каждой букве своего названия была впоследствии воспринята многими письменностями, в том числе греческой, еврейской, славянской. Впрочем, подлинные названия финикийских букв до нас не дошли, о них судят на основании данных древнееврейского и древнегреческого языков.

Финикийское письмо явилось родоначальником алфавитного письма. Несмотря на то, что по сравнению с предыдущими типами письма финикийское явилось значительным шагом вперед в отношении выработки наиболее простого и точного способа передачи единиц звуковой речи, у него был серьезный недостаток — его консонантно-звуковой характер. Обозначения гласных, которые пишущим приходилось вводить для того, чтобы текст был понятен, носили неустойчивый и непоследовательный характер и потому усложняли чтение.

Греки, заимствовавшие финикийское письмо в начале первого тысячелетия до н.э., сделали дальнейший и окончательный шаг в развитии консонантно-вокалического письма. Они стали обозначать на письме не только согласные, но и гласные звуки, причем для обозначения гласных были использованы те буквы финикийского письма, которые обозначали согласные, чуждые греческому языку. Позднее греки ввели дополнительные буквы (φ, χ, ξ, ψ, ω), и в результате был создан алфавит, где одинаково точно обозначались гласные и согласные звуки.

Восточный вариант греческого письма лег в основу византийского, древнеготского и славянского (кириллического) письма. Западный вариант послужил основой для латиницы (вероятно, через этрусское посредство). Приспосабливаясь к передаче звуков того или иного языка, письмо эволюционировало и усложнялось.

Изменили греки и направление письма. Финикийцы, египтяне, евреи писали справа налево. Греки первоначально писали так же. Затем использовался способ письма, который называют *бустрофедон* (греч. *bus* 'бык', *strepho* 'поворачиваю'): первая строка пишется и читается справа налево, вторая — слева направо, третья — снова справа налево и т.д. С течением времени (к 5-6 вв. до н.э.) закрепилось единое написание — слева направо, — которое как правило используется в письменностях, восходящих к греческой традиции.

Следует отметить, что характер письменных начертаний во многом определялся техникой исполнения и материалом, использовавшимся при письме. Известно, в частности, что славянские рукописные написания в своем развитии прошли несколько этапов — от тщательно выведенных крупных прямых

начертаний на пергаменте к все более беглым написаниям на бумаге. Аналогичный путь прошла письменность у многих других народов.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агглютинативные языки 194-196
 Агглютинация 180, 194, 196
 Аккомодация 94, 95, 104
 Актуальное членение предложения 178
 Акцентная парадигма 130
 Акцентология 128
 Алломорф 167, 168, 201
 Аллофон 104-106; 167, 201
 Аналитические способы 179, 182-184; 194
 Аналитический строй 184
 Аналогия грамматическая 90, 91
 Антонимические отношения 63, 138
 Антропонимика 132
 Апокопа 99
 Арго 48-51
 Ареал 42
 Артикль 162, 172, 178, 183, 188
 Артикуляционная база языка 68, 147
 Артикуляция 68, 72, 75-77; 82-84; 87-90; 92-95; 97, 98, 100, 105, 118, 125, 128
 Архаизмы 144, 145
 Аспирация 89, 100
 Ассимиляция (лексич.) 149, 150
 Ассимиляция (фонетич.) 94-98
 Аффикс 61, 96, 97, 132, 133, 146, 165-167; 179, 180, 182, 186, 194-196; 211
 Аффиксация 146, 147, 179-181
 Бустрофедон 213
 Веляризация 89
 Вещественное значение 165
 Внутренняя флексия 179, 181, 195
 Внутренняя форма 141-144; 157
 Вокализм 73
 Волонтактивная функция языка 21
 Вспомогательные глаголы 183
 Высказывание 173, 175, 176, 196
 Высота звука 68, 121, 122, 126, 128
 Гапология 100
 Генеалогическая классификация языков 185, 187-189; 193
 Герундий 171
 Гипероним 138
 Гипоним 138
 Глагол 27, 37, 45, 123, 134, 146, 148, 161, 163, 165, 166; 168, 170, 171; 175, 181, 186, 194
 Гласные 67, 73-81; 95-98; 100, 101, 104, 105, 106, 108, 109, 111, 116, 117, 119, 122, 128, 166, 167, 181, 197-199; 212, 213
 Глоттализация 90
 Глоттохронология 13, 186
 Говор 40, 42, 53
 Грамматика 4, 10, 11, 30, 31, 33, 37, 40, 51, 133, 160, 164, 170, 171, 173
 Грамматическая категория 37, 160, 162-164; 171, 175, 184
 Грамматическая форма 32, 42, 63, 131, 135, 160, 162, 164-166; 181, 183, 210, 211
 Грамматический строй 39, 152, 164, 172, 184
 Грамматическое значение 103, 132-134; 160-162; 164-167; 173, 179, 181-184; 194, 195, 211
 Граф (аллограф) 201
 Графема 201, 202
 Графика 76, 87, 122, 200, 201
 Группа говоров 42
 Деепричастие 170
 Денотат 136, 137
 Денотативное значение 136-138
 Деривационные аффиксы 147, 165

Диакритика 201, 204
 Диалект 9, 32, 34, 40-43; 46, 51-53; 93, 144, 154, 211
 Диалектология 41
 Диахрония 10, 101
 Дивергенция языков 188
 Диграф 201
 Диереза 99
 Диссимилиция 94, 98
 Дистрибуция 106, 167, 168
 Дифтонг 45, 80, 81
 Дифтонгоид 81
 Дифференциальный признак фонемы 106, 107, 109-111
 Длительность звука 68-70; 72, 82, 128
 Дополнение 65, 113, 170, 177-179; 182, 197
 Дополнительная дистрибуция 106, 168
 Жаргоны 46-51; 150
 Заимствование 47, 50, 54, 145, 149-151; 155, 156, 159, 186
 Звуковой закон 90, 92, 101, 102, 156, 157
 Знак 18, 26, 47, 55-62; 132, 149, 162, 168, 176, 200, 201, 205, 209-213
 Знаковая система 4, 55, 59, 60, 63
 Значение знака 56-62
 Значимость 59, 60
 Идеография 200, 201, 209-211
 Изоглосса 41, 42
 Интегральный признак фонемы 106, 107
 Интенсивность (сила) звука 68-70, 128
 Интенсивность речи 120, 125
 Интерфикс 166, 167
 Интонационная конструкция 122, 123; 126
 Интонационный тембр 121, 125
 Интонация 64, 113, 114, 120-126; 176-178; 182-184, 194, 203
 Инфикс 166
 Искусственные языки 11, 35-38
 Историзмы 144, 145
 Историческая функция языка 21, 31, 38
 Исторические чередования 101
 Кальки 151
 Калькирование 145, 151
 Когнитивная (гностическая) функция языка 20, 31
 Кодификация 52
 Койне 52
 Комбинаторные звуковые процессы 90, 94, 99
 Коммуникативная функция языка 18, 21
 Конвергенция языков 188
 Конверсия 148
 Консонантизм 73, 82
 Конфиксация 180
 Корень (корневая морфема) 8, 61, 63, 67, 88, 106, 132, 133, 143, 146, 152, 156, 157, 165-167; 180, 181, 188, 194, 195, 202, 212
 Корневые языки 194, 196
 Кумулятивная функция языка 21, 31, 38
 Лабиализация 76, 95, 105
 Лексема 135
 Лексика 31, 33, 37, 40, 44, 45, 47, 48, 50, 51, 186
 Лексикография 132
 Лексикология 4, 131, 132, 143, 152, 160
 Лингвистическая география 41
 Линейность 60
 Литературный язык 39, 43, 46, 51-54; 91, 106, 127, 144, 154
 Математическая лингвистика 11

Международный язык 35
 Мелодика 121-124
 Местоимение 165, 172, 180, 198
 Метатеза 99, 143
 Метафора 7, 140, 210
 Метонимия 140, 141, 210
 Минимальная пара 103, 104, 109
 Многозначность 139
 Модальность 175-177
 Монограф 202
 Монофтонг 80, 81
 Морфема 61-63; 103, 106, 126, 127, 133, 134, 141-143; 145, 147, 151, 152, 164-168; 174, 180, 181, 194-197; 201-202
 Морфологическая классификация языков 184, 193, 194, 196, 197
 Морфология 40, 131, 133, 143, 160, 164, 182, 184
 Наречие (грамматич.) 165, 170-172
 Наречие (диалектн.) 42, 53
 Народная этимология 14, 144
 Нейтрализация 109
 Неологизмы 144, 146
 Номинативная единица 61, 134
 Номинативная функция 133, 173
 Ностратическая теория 189
 Нулевая морфема 166
 Нулевой знак 59
 обстоятельство 178, 179
 Односоставные предложения 178
 Ономастиология 132
 Ономастика 132
 Определение 170, 171, 178, 179, 198
 Орфография 202, 203
 Осциллография 72, 73
 Падеж 11, 37, 91, 103, 129, 130, 134, 160-162; 165, 166, 170, 171, 180, 183, 188, 195, 197, 199
 Палатализация 89, 97, 150
 Палатограмма 72
 Парадигма 63, 130, 194
 Парадигматические отношения 63
 Парцелляция 113
 Перенос наименования 140, 141
 Перенос по функции 140
 Переосмысление 145, 149
 Письмо 4, 91, 115, 133, 176, 200-203; 205-214
 Подлежащее 113, 170, 176-179; 182, 183, 197
 Позиционные звуковые процессы 90, 91, 100
 Полиграф 202
 Полисемия (см. Многозначность) 138
 Полисинтетические (инкорпорирующие) языки 194-196
 Понятие 19, 26, 31, 49, 55, 57, 58, 133, 135-139; 142, 143, 145, 150, 160, 169, 171, 174, 176, 209, 210
 Порядок слов 123, 134, 178, 182-184; 194, 198, 209
 Постфикс 166, 179, 180
 Праязык (язык-предок) 154, 155, 185-189; 193
 Предикативность 175-177
 Предлог 133, 134, 172, 183, 199
 Предложение 19, 60-63; 103, 112, 113, 121, 123, 124, 131, 134, 161, 163, 170, 172-179; 182, 183, 194-197; 209
 Префикс 146, 166, 167, 179, 196, 197
 Префиксация 179
 Прикладная лингвистика 11
 Прилагательное 37, 62, 133, 143, 148, 163, 164, 168, 170, 171
 Принцип эмпазы 93

Причастие 40, 148, 157, 170, 171, 180
 Проклитика 115
 Просодия 120, 126
 Протеза 100
 Психолингвистика 9
 Пучок изоглосс 42
 Распространенное предложение 178
 Редупликация 179, 181
 Реляционные аффиксы (морфемы) 165, 182
 Рема 177, 178
 Референт 136, 137
 Речевая деятельность 17, 18
 Речевое произведение 17
 Речевой акт 17
 Речевой аппарат 11, 15, 65, 68, 70, 79, 81, 92
 Ритм 112, 121, 124
 Сегментные единицы 104, 120, 122, 166, 203
 Сема 135, 139
 Семема 135
 Семасиология 132
 Символ 58
 Сигнал 15, 16, 29, 30, 55, 59, 60, 205
 Сигнификат 136, 137
 Сигнификативное значение 136-138
 Синекдоха 141
 Синкопа 99
 Синонимические отношения 138
 Синтагма 113-115; 120-124; 126, 176, 203
 Синтагматические отношения 63
 Синтаксис 40, 45, 131, 133, 160, 173, 177, 178
 Синтаксическая классификация языков 197
 Синтетические способы 179, 181, 182, 184, 211
 Синтетический строй языка 184
 Синхрония 10, 11, 101
 Сказуемое 40, 113, 176, 178, 179, 182
 Скрещивание языков 33
 Слово 16, 20, 23, 51, 55, 61-63; 131, 132-136; 141-143; 147, 149-151; 153, 160, 163, 170, 173, 174, 194
 Словообразование 145-151; 158, 180, 197
 Словоформа 62, 70, 135, 160, 179, 182
 Слог 37, 50, 74, 75, 79, 80, 81, 90, 91, 95, 96, 99, 100, 112, 113, 115-124; 126-130, 133, 181, 198, 201, 203, 211, 212
 Сложение 179, 182
 Служебные слова 172, 182, 184, 194
 Смешение языков 33
 Согласные 67, 68, 70, 73-75; 81-92; 95-99; 100, 101, 104, 105, 108, 109, 111, 112, 116-119; 125, 128, 166, 197-199; 212, 213
 Сосуществование языков 33
 Социolingвистика 9
 Союз (грамматич.) 172, 183
 Спектрограмма 73
 Спонтанные звуковые процессы 90-94
 Способ интонации 182-184
 Способ порядка слов 182-184
 Способ служебных слов 182-184
 Способ ударения 179, 181
 Сравнительно-исторический метод 152, 153, 186
 Стель 52, 53, 124
 Стяжение гласных 100
 Субстрат 33, 34, 93

Суждение 19, 174
 Суперсегментные единицы 120, 166
 Суперстрат 34, 93
 Супплетивизм 179, 181
 Суффикс 63, 129, 146, 155, 157, 165-167; 179, 180, 196, 211
 Существительное 37, 96, 103, 143, 148, 150, 160-163; 165-168; 170 172, 175, 181, 182, 199
 Тема 177, 178
 Тембр звука 68-72
 Темп речи 112, 121, 124, 125
 Теория моногенеза 189
 Теория поколений 94
 Теория звукоподражания 23-27
 Теория междометий 25
 Теория общественного договора 26
 Теория трудовых выкриков 26, 27
 Теория экономии усилий 92
 Типологическая классификация языков 185, 193, 196-198
 Тональные (политональные) языки 126, 127, 197
 Тоны 64, 70, 120, 126, 127
 Топонимика 132
 Транскрипция 203, 204
 Транслитерация 203, 204
 Трансфикс 166, 212
 Триграф 202
 Трифтонг 80, 81
 Ударение 37, 64, 70, 79, 104, 106, 113-115; 119-121; 125-130; 133, 166, 179, 181, 199, 201
 Фатическая функция языка 21
 Флективные языки 194-196
 Фонема 61-63; 102-112; 165-167; 195, 197, 201, 202
 Фонетика 4, 7, 11, 33, 40, 51, 64, 65, 102, 143
 Фонетическая классификация языков 197
 Фонетические (звуковые) соответствия 102, 156, 186, 188
 Фонетическое слово 115, 122
 Фонография 200, 201
 Фонологическая система 110-112
 Фонологические оппозиции 107-111
 Фонологическое содержание фонемы 110, 111
 Фонология (функциональная фонетика) 64, 102, 105
 Форманта звука 71-73; 76
 Фраза 112-114; 120, 121, 123, 124, 126, 203, 208
 Фразеология 132
 Функция формирования и выражения мысли 19, 20
 Числительное 152, 158, 171
 Элизия 99
 Эмотивная функция языка 21, 38
 Энклитика 115
 Эпентеза 100
 Эстетическая функция языка 21
 Этимология 4, 132, 152, 153, 155, 157-159; 186
 Языки номинативного строя 197
 Языки эргативного строя 197
 Языковая ветвь 187, 188
 Языковая подгруппа 187
 Языковая семья 187, 189
 Языковое родство 185-189, 198
 Языковое сродство 189, 198
 Языковой союз 188
 Языковые универсалии 198
 Язык художественной литературы 51

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА¹⁸

1. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990 (и издания других лет).
2. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. — М.: Высшая школа, 1975 (и издания других лет).
3. Реформатский А.А. Введение в языковедение. — М.: Просвещение, 1967 (и издания других лет).
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М., 1985 (и издания других лет).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Введение в общее языкознание. — Волгоград: Перемена, 1998.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.— М.: Советская энциклопедия, 1969.
3. Баранникова Л.И.. Введение в языкознание. — Изд-во Саратовского ун-та, 1973.
4. Головин Б.Н. Введение в языкознание. — М.: Высшая школа, 1977 (и издания других лет).
5. Кодухов В.И. Введение в языкознание. — М.: Просвещение, 1975 (и издания других лет).
6. Общее языкознание / Под общ. ред. А.Е. Супруна. — Минск: Выш. школа, 1983.
7. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. — М.: Просвещение, 1975.

¹⁸ Приведена только учебная литература. Дополнительный список специальных работ, рекомендуемых для изучения, устанавливается кафедрой.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
Введение	5
Языкознание как наука	8
Связь языкознания с другими науками.....	11
Природа и сущность языка	14
Язык и речь.....	17
Основные функции языка.....	18
Происхождение и развитие языка	22
Теории происхождения языка.....	22
Развитие языка и развитие общества.....	30
Перспективы формирования всеобщего мирового языка.....	34
Формы существования языка	39
Территориальная дифференциация языка.....	39
Социальная дифференциация языка.....	43
Литературный язык.....	51
Язык как система знаков	55
Языковой знак.....	55
Язык как системно-структурное образование.....	60
Фонетика	64
Устройство речевого аппарата.....	65
Физические свойства звуков.....	68
Экспериментальные методы фонетических исследований.....	72
Классификации звуков.....	73
Звуковые процессы и звуковые законы.....	90
Учение о фонеме.....	102
Фонетическое членение речи.....	112
Просодия.....	120
Лексикология	131
Слово как единица языка.....	132
Лексическое значение.....	135
Пути изменения словарного состава языка.....	144
Этимология.....	152
Грамматика	160
Морфология.....	164
Синтаксис.....	173
Способы выражения грамматических значений.....	179
Классификации языков	185
Генеалогическая классификация языков.....	185
Типологическая классификация языков.....	193
Письмо	200
Графика.....	200
Орфография.....	202
Транскрипция и транслитерация.....	203
Происхождение письма.....	205
Предметный указатель	215

Г.В. ГЛИНСКИХ, О.В. ПЕТРОВА

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Редакторы: Л.П. Шахрова
Н.И. Морозова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000

Подписано к печати	Формат 60 x 90 1/16.
Печ. л.	Тираж экз. Заказ
Цена договорная	

Типография НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
603155, Н. Новгород, ул. Минина, 31а